

Н. П. Колбасов

ВОЕВАЛИ МЫ ЧЕСТНО

**Военные мемуары
1941–1945**

Н. П. Колбасов

Всёбали
мы
цестно

Историко-культурный центр Карельского перешейка
Выборг, 2016

*Бойцам и командирам 31-го Отдельного
гвардейского Красносельского орденов
Красного Знамени, Александра Невского
и Суворова тяжело-танкового полка
прорыва посвящается*

*Желаю читателям счастья
и спокойной мирной жизни.*

Колбасов Н.П.

КОЛБАСОВ Н. П.

Воевали мы честно. Военные мемуары 1941—1945. Выборг: Издательство «Историко-культурный центр Карельского перешейка», 2016. — 164 с.

K60 ISBN 978-5-9909020-9-1

Эта книга о войне. Написана она простым русским солдатом, прошедшим с 31-м тяжелым танковым полком весь боевой путь, от прорыва блокады Ленинграда до Победы. Это живые воспоминания непосредственного участника тех событий. Многие истории, о которых рассказывает автор, вы не найдете ни в официальных сводках, ни в архивных документах, но их сохранила память. Эти рассказы ранее нигде не публиковались. Вы сможете узнать о них, прочитав книгу.

Автор выражает признательность всем, кто принимал участие в работе над этой книгой. Особая благодарность: директору Военно-исторического центра Карельского перешейка Баиру Иринчееву, редактору Анне Успенской, создателю верстки и макета Ирине Шолковой, внуку командира ремонтного взвода 31-го танкового полка Сергею Шутикову, а также сотрудникам Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.

В книге использованы фотографии из личного архива Н. П. Колбасова и фотографии, предоставленные Центральным государственным архивом кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Авторы фотографий ЦГАКФФД СПб, военные фотокорреспонденты: Уткин, Чертов, Кудояров, Лосев, Мазенев, Сучатов, Трахтенберг, Трахман, Тарасевич, Спиридонов.

**УДК 355.48(47+57)<1941/1945>
(093.3)**

ББК 63.3(2)622ю14

**Благодарим за помощь
в издании книги:
Сергея Шутикова,
Михаила Петрова,
Юрия Пашолока**

Демонстрация нацистских и фашистских символов в книге не является пропагандой нацизма, а преследует только просветительские и образовательные цели

ISBN 978-5-9909020-9-1

© ООО «Историко-культурный центр
Карельского перешейка», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

9	Предисловие
11	Детство
13	Переезд в Ленинград
17	Война
20	Блокада
27	Школа радистов
30	Танковый полк
33	Прорыв блокады
37	В Усть-Ижоре
38	Красноборская операция
43	Синявинские операции
51	Бои по полному снятию блокады. Пулковская и Красносельская операции
54	Большая Пудость, Елизаветино
55	В Заполье
57	Бои под Псковом
62	Выборгская операция
69	Нарвская операция
76	Освобождение Эстонии
85	Курляндия
95	Победа
96	Первые дни после войны
101	В Острове
105	Демобилизация
106	Эпилог

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Отечественная война. Ленинградский фронт. 31-й Отдельный гвардейский тяжелый танковый полк прорыва. 21 боевая машина. Штаб, танкисты, связисты, взвод автоматчиков, ремонтники, кухня, медчасть, кинопередвижка, полевая почта.

Небольшая боевая семья, в которой все друг друга знают. В каждом бою, в каждой операции эта семья кого-то теряет. Экипажи за три года боев полностью сменились пять раз.

Перед вами — уникальные воспоминания начальника радиостанции 31-го тяжелого танкового полка прорыва. Николай Петрович Колбасов мальчишкой приехал в Ленинград, застал мирную городскую жизнь тридцатых годов, пережил первую блокадную зиму, окончил курсы радистов и прошел с 31-м полком весь его боевой путь, от операции «Искра» до капитуляции немцев в Курляндии.

Рассказ Николая Петровича — памятник целой эпохе, которая по-прежнему волнует умы и сердца своим величием, трагизмом и героизмом. Эта книга — дань памяти бойцам 31-го тяжелого танкового полка прорыва и всем танкистам Ленинградского фронта, прошедшим Великую Отечественную войну. Это живое и доброе русское слово о героях-однопольчанах — от последнего ветерана полка.

Баир Иринчиев

ДЕТСТВО

Родился я 17 мая 1924 года в деревне Филевка Ашевского района Калининской, ныне Тверской области. Перед войной район вошел во вновь образованную Великолукскую область. После войны она была ликвидирована, а район был передан в Псковскую область.

Деревня Филевка раскинулась на высоком пригорке в холмистой местности. За деревней были разбросаны поля еще не охваченных коллективизацией крестьян. За полями, под крутым обрывом текла небольшая речка. На противоположном берегу — деревня Каменка. Туда можно было попасть по лаве. Лавой называли узенький из двух бревен с небольшими перилами мостик, переброшенный через речку.

Справа, за махоньким ручейком, где летом вода еле-еле покрывала наши детские ступни, находились деревни Заборье и Симаниха. На окраине Симанихи, на высоком холме находилось большое кладбище. Там хоронили усопших со всех окрестных деревень. За Симанихой — большое село Ашево, районный центр с церковью и торговыми дворами.

Однажды в воскресенье мы с отцом пошли в Ашево. Был какой-то престольный праздник. Когда мы входили в село, раздался колокольный звон. Это было что-то сказочное. Заливались мелкие колокола, им вторили более крупные, и изредка громыхали большие, басистые. Иногда по радио и телевизору передают запись колокольных звонов, но такого красивого перезвона, как тогда, я больше не слышал.

Наша семья считалась крестьянской. Отец, Петр Степанович, 1901 года рождения, работал кочегаром в селе Гора на местном спиртоводочном заводе. Мать, Прасковья Петровна, 1900 года рождения, и дед, Степан Антонович, занимались сельским хозяйством на своем наделе — печине.

У деда в свое время была большая семья. Три сына и три дочери. Старший сын Григорий погиб на русско-турецкой войне под городом Плевна.

Сын Иван был крестьянином. Его жена Дарья Ивановна занималась мелкой торговлей. Привозила из Ленинграда разную парфюмерию и галантерею и продавала в деревнях. У них было трое детей. Степан погиб в 1941 году на фронте. Ваня еще до войны застрелился из самопала от несчастливой любви. Анна неудачно вышла замуж и одна растила сына.

Дочь Анастасия вместе с мужем Николаем Каменским жили рядом с нами. У них было две дочки.

Дочь Пелагея вышла замуж в деревню Княжево, откуда и пошла ее фамилия — Княжевская. Муж у нее умер рано. Она одна вырастила двоих детей, Анатолия и Марию. Анатолий погиб на фронте.

Дочь Марфа Степановна вышла замуж за чекиста Ивана Абалина. Они жили в Казахстане, в Джамбуле и Уральске. После войны вернулись с сыном Геннадием в Ленинград.

Ко времени моего рождения все дети деда жили отдельно, своими семьями. Дед Степан остался с младшим сыном, моим отцом Петром.

Незадолго до моего рождения сгорел наш дом, и я помню уже новый, довольно хороший дом, правда, не совсем законченный. Он стоял на краю деревни по дороге в Гору. Рядом была сгоревшая ветряная мельница, от которой остались одни огромные жернова из шершавого камня. Сын Дарьи Ивановны Ваня иногда приносил стеклянный бисер, и мы на жерновах разбивали его камнями.

Перед домом был палисадник с красивыми цветами. Особенно выделялись георгины. Их в деревне, кажется, больше ни у кого не было. В углу палисадника, у ворот, рос молодой клен. Посреди участка был небольшой круглый пруд, метра четыре в диаметре. В саду несколько молодых яблонь.

В Горе когда-то было помещичье хозяйство. Еще дед моего деда работал там у помещика, изготавливая колбасы, за что и получил прозвище «дед Колбас». Отсюда и пошла наша фамилия — Колбасовы.

Вскоре отец стал на зиму уезжать на заработки в Ленинград. Я рано научился читать и писать и уже в четыре года сочинял отцу письма. Как говорила Марфа Степановна, писал: «Папа, пришли ныны», что означало — «Папа, пришли гармонь». В деревне было много гармонистов. Имелся свой мастер-гармонщик, делавший хорошие голосистые гармонии. Его семью так и звали — Гармонщиковы.

Помню свои первые книжки. Одна была про охотника. На картинках был изображен охотник в каком-то тирольском костюме. Другая книжка была про пожарных.

Местность вокруг деревни была красивая, особенно около реки. Леса не было, но имелся небольшой низкорослый лесок, называемый выгородкой. Осенью там собирали грибы. Разноцветные сыроежки у нас назывались горянками.

В речке было много рыбы. В ручейке около Заборья мы ловили мальков, а из реки отец часто приносил крупную рыбу: судаков, налимов, лещей. Однажды зимой после подледного лова он принес и высыпал на стол гору мороженных окуней. Я брал их и как холодными камнями стучал по столу.

Время от времени на спиртоводочном заводе производились сбросы в реку отходов производства — барды. Это был прекрасный корм для скота, особенно для свиней, хотя и хмельной. Когда барды накапливались излишки, ее сбрасывали в реку и этим травили рыбу.

Как-то по деревне разнесся шум. Народ с криком бежал к реке. По ней кверху животами плыла рыба, в основном крупная. Воды не было видно — все было забито дохлой рыбой.

Как-то ранней весной, только успел сойти снег, мы, ребяташки, побежали босиком на луг около Симанихи. У кого-то оказались спички. Подожгли сухую траву. Огонь побежал по лугу. Мы очень испугались, но все же своими рубашонками смогли сбить огонь.

Однажды мама послала меня к дяде Ване за сметаной. По дороге на меня напал гусь и начал клевать в спину. Хорошо, кто-то из взрослых помог отбиться. Долго после этого я говорил: «Гуся-кака».

В пруду, для корма скоту, мочили хряпу — ботву растений, траву. На жерди, перекинутой через пруд, лежала доска. Мне было года три, когда я, воспользовавшись тем, что мать пошла к соседям, забрался на доску и стал макать палкой хряпу в воду. Доска качнулась, и я свалился в пруд. Каким образом выкарабкался, не знаю, но вылез и, весь мокрый, облепленный травой, с плачем побежал к дому. Какая-то женщина крикнула: «Проса, твой Коля утонул!». Мать чуть не умерла. И, уже увидев меня целым и невредимым, долго еще не могла успокоиться.

Напротив нашего дома, у соседа Тимы, в саду рос огромный дуб. На его вершине было прибито колесо от телеги, на котором аисты свили гнездо. Зимой, во время большого поста, когда мы с братом просили дать нам молока, мама, указывая на гнездо, говорила: «Нет молочка. Оно унесено вон на то дерево».

Под полом был погреб. Мать спускалась туда и доставала морковь, свеклу и другие овощи. К весне они начинали прорастать, и я с интересом рассматривал молодые бледные побеги.

Когда в 1928 году родился брат Миша, мама оставляла меня его нянчить, а сама уходила работать в поле. Иногда я таскал малыша на поле к матери. Дорога как пухом была покрыта мелкой глиняной пылью. По этой мягкой теплой пыли я — то нес, то волок брата. Как-то раз мама взяла малыша с собой. Положила его в тени куста, но, заработавшись, забыла о ребенке. Когда тень ушла, брат оказался под палящим солнцем. Лицо мальчика обгорело. Лечили ожег жженым яичным желтком. Над лучиной держали желток, он плавился и капал на блюдце. Этим составом смазывали лицо и вылечили без последствий.

ПЕРЕЕЗД В ЛЕНИНГРАД

В начале лета 1929 года отец решил перевезти семью в Ленинград. Началась коллективизация. По деревне ходили уполномоченные с наганами и всех крестьян загоняли в колхоз. Несогласных раскулачивали, и хотя нам это не грозило, мы жили бедно, решили от греха уехать. А дядя Ваня и дядя Коля вскоре были раскулачены и высланы на Соловки, хотя у них тоже богатства не было.

Отец продал дом. Мы погрузили вещи на телеги и поехали на станцию Суцёво. Ехали вдоль железной дороги. Тут я впервые увидел

поезд. Услышав шум состава, лошадь испугалась. Ей накрыли голову какой-то одежкой. Она билась в оглоблях и ее еле-еле держали.

Для начала мы остановились в Павловске. Поселились в деревянном доме недалеко от парка, две семьи в большущем зале. Во дворе был прямоугольный водоем, обшитый досками. Отец ездил работать в Ленинград. Мать устроилась на Павловскую опытную станцию Всесоюзного института растениеводства (ВИР). Работала на клубничных плантациях. Здесь, в Павловске, мы впервые попробовали ягоды клубники. В деревне земляники мы ели много. На субрах, кучах камней, лежавших на межах между полями единоличников, она росла в больших количествах. А клубнику в то время в деревне не сажали.

У дома росли высокие деревья черемухи. В конце лета мы набивали себе оскомину ее ягодами. В парке собирали желуди, которые валялись под дубами.

Осенью переехали в Ленинград. Поселились в доме номер 13 на 24-й линии Васильевского острова. Жили в закутке-кухне, отгороженной от большой квартиры.

Отец устроился кочегаром в нашем же доме, и вскоре мы получили двадцатиметровую комнату в квартире 66. Это было полуподвальное помещение. В комнате всегда было сумрачно. Единственное окно выходило во двор между двумя шестизэтажными зданиями.

Наш дом стоял в окружении корпусов завода «Электроаппарат». Напротив располагался проволочно-канатный завод им. Молотова. В доме было три двора и много подвалов. Для детских игр и затей места хватало. Играли в лапту, прятки, колдуны, казаки-разбойники. В лапту вместе с ребятами иногда играли и взрослые парни, и даже мужчины. При попадании мяча, особенно если играли «арабским», игрок получал сильнейший удар.

В соседней комнате жила дворничиха-татарка с детьми. Но она вскоре уехала, и в ее комнате поселились Соколовы. Хозяин, дядя Петя, работал дворником. У него была жена и пятеро детей: Мария, Николай, Павел, Александр и Ольга. Можно представить, что делалось в квартире во время наших игр. Летом часто ходили купаться на Масляный буян. Это был небольшой залив Невы в конце 24-й линии. Сейчас здесь стоит корпус Балтийского завода. Иногда ходили купаться на Вал. В этом месте Смоленка впадала в Финский залив. Сейчас здесь находится пересечение Наличной улицы и Морской набережной. В выходные дни на Валу собиралась масса народу.

Часто ходили гулять в Василеостровский сад. Рядом строился дворец культуры имени Кирова. В саду были игровые комнаты, аттракционы, спортивные площадки. Днем вход был свободный, а вечером с посетителей брали по 50 копеек. Но мы, мальчишки, проникали в сад бесплатно, через забор. По вечерам там устраивались гулянья, на эстраде давали концерты и разные представления. Мы с удовольствием

посещали соревнования профессионалов по французской борьбе. В них участвовали Ян Цыган, дядя Пуд, Нельсон и другие известные борцы.

Иногда ездили в Зоосад или в находившийся рядом сад Госнардома. Там было множество аттракционов. Особой популярностью пользовались Американские горы. Построенные в виде высоких серых скал, они возвышались над садом и были видны даже с Васильевского острова. Около Американских гор всегда стояла большая очередь желающих прокатиться. В два вагончика садилось человек двадцать пассажиров. Вагончики трогались. Сначала медленно поднимались на почти вертикальную гору и вдруг срывались вниз в пропасть, чтобы сразу взлететь на другую, уже невысокую горку. Спустившись с нее, проезжали по крутому виражу, потом по темному тоннелю и плавно подкатывались к месту посадки. В момент, когда поезд срывался в пропасть, раздавался женский визг, всегда вызывавший смех находившихся в саду людей. В начале войны Американские горы сгорели. После войны в Приморском парке были построены новые горы, но они не шли ни в какое сравнение с госнардомовскими.

В Гавани, на свалке, сегодня это район улиц Нахимова и Наличной, были коллективные огороды рабочих Балтийского завода. Наш дед работал там сторожем. На своем участке мы сажали картошку, помидоры и другие овощи. Собирали неплохие урожаи.

Иногда на лето меня с братом отправляли на родину мамы, в деревню Большие Старики. Там жила мамина сестра тетя Настя. Деревня располагалась рядом с полустанком Ашево по Витебской дороге. Реки не было, но был большой лес с ягодами, грибами и орехами. Ребят в деревне было много. Забав тоже. Любили кататься на гигантских шагах. Играли в городки и бабки.

По церковным праздникам в деревнях устраивались гулянья. В Больших Стариках в начале июля отмечалась Тихвинская, праздник Тихвинской иконы Богородицы. Приходили и приезжали гости из окрестных деревень. С утра угощались, а потом все отправлялись гулять на улицу. Собирались группами и двигались колоннами по кругу вдоль деревни. В каждой группе была гармонь, а то и не одна. Где-то устраивались пляски, но чаще, на ходу, пели частушки. Гармонисты играли «Скобаря», или, по-другому, «Новоржевскую». Под эту музыку пели песни. Большинство гармонистов играли просто виртуозно, и слушать их было одно удовольствие. Почти ни одно гулянье не обходилось без драк. Если обошлось без мордобоя, считалось, что погуляли плохо.

Мария, дочь тети Насти, с 1933 года поселилась у нас. Окончив школу, она устроилась работать на ткацкую фабрику.

Мама сначала работала на кожевенном заводе имени А.Н.Радищева, а потом перешла на 4-й хлебозавод. Он находился на 20-й линии Васильевского острова. В то время там пекли хлеб, делали печенье

и сдобу. Этот хлебозавод в дальнейшем сыграл огромную роль в моей жизни.

В восемь лет я пошел в школу. Школа находилась на углу 23-й линии и Среднего проспекта. И сегодня в этом красивом трехэтажном здании находится школа. Учился неплохо, особенно по гуманитарным предметам. Рядом со школой располагался стадион «Балтвод» с довольно неплохим футбольным полем и беговой дорожкой. Трибун не было, их заменяли деревянные скамейки. Здесь проводились матчи на первенство города по футболу. На поле можно было увидеть Бутусова, Петра Дементьева и других известных игроков.

Вдоль стадиона были построены русские ледяные горы. Одна деревянная гора, высотой метров десять, стояла около 24-й линии, другая, на другом конце, у 23-й линии. Зимой горы заливали водой. Спускаясь с огромной скоростью с одной ледяной горы, мы мчались до другой, а забравшись наверх, скатывались в обратном направлении. Специальные сани выдавали напрокат. Горы эти пользовались у ребят огромным успехом. И вход на стадион, и катание с гор были бесплатными.

В декабре 1934 года учеников нашей школы построили на линейку. Было объявлено, что троцкистами убит любимый вождь ленинградцев С.М. Киров. Вскоре по городу распространились слухи об арестах врагов народа и вредителей. В нашем доме была арестована и сослана семья Берг. В газетах почти все страницы были заняты статьями о процессах над троцкистами и зиновьевцами. Я с интересом читал эти материалы. Часто, придя в класс, мы получали указания, какие страницы учебников необходимо вырвать или какие портреты уничтожить. Все-му этому мы глубоко верили.

В нашем классе учился Флориан Русаков. Его отец, известный геолог из Горного института, открывший богатейшее месторождение меди на Балхаше, впоследствии был репрессирован и отсидел много лет в лагерях. Как-то Флорка принес в школу несколько коробков так называемых экспортных спичек. Эти спички загорались при трении об стену или подошву ботинок. Мы выпросили спички у Флорки и на перемене ходили по школе и зажигали их. Узнав об этом, классный руководитель собрала поджигателей и отвела их к директору школы. Директор заставила нас вывернуть карманы и выложить спички. Началась проработка. Нас обвинили в сотрудничестве с зиновьевцами. Когда Русаков стал оправдываться, что, мол, он спичек не зажигал, директор сказала, что Бухарин и Рыков сами тоже ничего не поджигали, что все это делали их агенты. Тут мы смекнули, что дело наше плохо и скоро состоится очередной процесс, теперь уже над нами. Но директор, написав нам в дневники замечания по поводу возмутительного поведения, отпустила нас. Этим дело и закончилось.

В конце осени 1939 года в газетах появились сообщения о наглых провокациях финнов на границе. В первых числах декабря мы

услышали гром со стороны Белоострова. Вечером, забравшись на чердак нашего дома, увидели за заливом, в районе Лахты, зарницы оружейных залпов. Началась Финская война. В скором времени ушел на фронт отец. Война была недолгой и в марте 1940 года уже закончилась, но в результате тяжелых боев наша плохо оснащенная и не подготовленная армия понесла большие потери. Сказалось и уничтожение большинства командиров Красной Армии в результате сталинских репрессий. Но об этом мы узнали позднее.

В результате Зимней войны к нам отошел Карельский перешеек. Граница была отодвинута за Выборг. Вернулся домой отец. На фронте он застудил седалищный нерв и теперь сильно от этого мучился.

Дальний родственник Соколовых получил дом в поселке Оллила (Солнечное). Летом 1940 года мы с ребятами из нашей квартиры решили съездить к нему в гости. Так я впервые оказался за границей. Все здесь вызывало удивление и восхищение. Аккуратные коттеджи с черепичными и оцинкованными крышами, совершенно не похожие на наши деревенские дома, покрытые соломой. Стены внутри были отделаны не виданным нами узорчатым пластиком. Лес был разбит на участки и огражден оцинкованной колючей проволокой. В лесу было как в парке. Нигде не было видно ни брошенного хвороста, ни бурелома. По берегу залива мы прошли через Куоккала (Репино) до Терийоки (Зеленогорск), и везде поражал удивительный порядок.

В 1940 году были присоединены Прибалтийские республики и Бессарабия. Родители некоторых наших товарищей посещали Прибалтику. Они привозили оттуда конфеты с удивительно красивыми фантиками.

Весной 1941 года я окончил 9-й класс. На каникулы никуда не поехал, остался в городе. На углу Косой и 24-й линий началось строительство нового корпуса завода «Электроаппарат». В наш двор завезли много кирпича, и мы подрабатывали, укладывая его в штабеля.

У проходной завода «Электроаппарат» был скверик с волейбольной площадкой и турником. В здании заводоуправления находился клуб с кинозалом. Мы часто проводили там время. Билеты в кино стоили 25 копеек, но контролеры в кинотеатре были знакомые, и мы проходили бесплатно.

ВОЙНА

В воскресенье 22 июня 1941 года мы с ребятами играли в сквере в волейбол. Кто-то сообщил, что сейчас по радио будут передавать важное сообщение. Мы все собрались у уличного репродуктора. Передавалось выступление Вячеслава Михайловича Молотова о внезапном

нападении Германии на нашу Родину. Взрослые были встревожены. Многие женщины заплакали. Мы, ребята, не особенно поняли, что произошло.

Наше поколение было воспитано на книгах «Внезапный удар», на фильмах «Если завтра война». Мы не сомневались, что славная Красная Армия разнесет всех врагов «малой кровью, могучим ударом», как пелось в песне, и закончит войну в Берлине.

Начались воздушные тревоги. Мы внимательно наблюдали за полетами патрулирующих истребителей, с интересом подбирали осколки от зенитных снарядов.

Немцы наступали по всему фронту, продвигаясь к Ленинграду. В городе стали создавать народное ополчение. По улицам проходили отряды добровольцев. Винтовок на всех не хватало. Вооружали однозарядными карабинами, трофеями, взятыми при освобождении Западной Украины и Белоруссии. Но и этого было мало. Часто людей отправляли на фронт безоружными.

Я уже говорил, что у нас жила мамина племянница Мария. Работая на фабрике, она окончила курсы медсестер. В июле 1941 года ее призывали в армию. Недели две Мария находилась на Лесном проспекте. Мы с мамой ездили навещать ее. На Марии была новенькая военная форма, на петлицах кубики младшего лейтенанта. В скором времени она попала на фронт. От нее пришло одно письмо, а затем связь прервалась. В дальнейшем выяснилось, что Мария оказалась в Карелии. Там шли бои. Враг прижал наши части к реке Свирь. Переправ не было. Мария вместе с большим количеством наших бойцов попала в плен. Находилась в лагере для военнопленных на окраине Петрозаводска. Уже после войны Мария рассказывала об этих днях. Немцы старались сами не свирепствовать, этим занимались различные старосты и другие прихлебатели из наших. Чтобы выслужиться перед немцами, они издевались над своими же товарищами. Условия в лагере были ужасными. В 1944 году наши войска освободили пленных. Несколько месяцев бывших узников проверяли чекисты. Среди охраны лагеря оказался молодой лейтенант. Он и Мария полюбили друг друга и поженились. Когда офицера демобилизовали, Мария с мужем осталась жить в Петрозаводске.

В начале июля жителей Ленинграда стали направлять на строительство оборонительных укреплений. Наш класс послали копать траншеи на водоочистой станции в Гавани. Траншеи на случай бомбежки копались везде, где были скверы. Очень много таких укрытий с бревенчатыми накатами было сооружено на газонах Большого проспекта Васильевского острова.

Через некоторое время нас стали посылать на оборонные работы в пригороды Ленинграда. Первый раз на электричке отвезли в Красное Село. Копали противотанковые рвы. Здесь работали тысячи горожан. Куда ни посмотришь, всюду, как муравьи, копошились люди,

в основном женщины и дети. Периодически налетали немецкие самолеты. Бомбили. Были жертвы. Дня через три, после выполнения работ, нас вернули в город.

Через несколько дней нас отправили на рытье окопов в район станции Чолово по Витебской дороге. Группа состояла из школьников Свердловского района, так с 1936 года называлась часть Васильевского острова. Тем же эшелоном с нами ехали бригады с заводов, фабрик и других организаций района. Прибыв на место, мы выгрузились из товарных вагонов, построились в колонну и направились в деревню, километров за семь. Там мы оставили вещи и документы и пошли на берег реки Оредеж. Необходимо было выкопать вдоль берега реки противотанковый ров. Работали весь световой день. Спали прямо на берегу. Замучили комары. В пойме реки их было несчетное количество. Как ни кутались мы ночью в одеяла, комары все равно пробирались и впились в нас.

На третий день прошел слух, что пал Псков и немцы отрезают нас от Ленинграда. Мы испугались. Ночью побежали за оставленными в деревне вещами и документами. Было темно. Время от времени в разных местах взлетали ракеты. Говорили, что это шпионы подают сигналы. Мы забрали вещи и ранним утром вернулись на место работ. Не успели прилечь, раздалась команда: «Выходи строиться». Вдоль дороги вытянулась огромная людская колонна. Нас повели на станцию. Где-то высоко пролетел самолет. Поступила команда наломать ветки для маскировки. Наломали и пошли дальше. Новая команда: женщинам снять платки. Люди заволновались. Наконец подошли к поселку Чолово. По улице медленно двигались к станции. Все стремились попасть на поезд, и впереди образовалась мощная пробка. Скомандовали отойти назад. Улица была так плотно забита людьми, что двигаться просто было некуда. Началась паника и давка. Мы, ребята, успели выскользнуть и перепрыгнули через канаву к забору. Многие попадали в канаву. Оправившись от испуга, все еще ретивее устремились к поезду.

Мы выскочили из общей колонны и окольными путями пробрались на перрон. На путях стоял длиннющий состав из товарных вагонов. Все они были битком забиты людьми. Мы побежали вдоль состава, пытаясь забраться в какой-нибудь из вагонов. Вдруг из открытых дверей теплушки высунулась чья-то рука, и меня с еще одним парнишкой втянули внутрь. Я протиснулся к стенке и пристроился на какой-то балке возле окошка. В это время поезд тронулся, и мы без остановок помчались к Ленинграду.

В город прибыли ночью. На вокзале дождались окончания комендантского часа и в шесть утра добрались до дома. Через несколько часов прибыли и остальные наши товарищи. Больше ездить на оборонные работы нам не хотелось.

30 августа пала Мга, и последняя железная дорога, связывающая город со страной, была перерезана.

А немец к этому времени вплотную подошел к городу. Уже слышен был гул артиллерийской канонады. В газетах пытались объяснить это испытанием новых орудий.

В какой-то момент враг прорвался к Средней Рогатке, но его удалось отбросить за Пулковскую высоту. А в Стрельне и Автово уже хозяйничали немцы.

БЛОКАДА

8 сентября 1941 года Ленинград оказался в блокаде. Участились воздушные налеты. Начались артобстрелы. Однажды, вернувшись домой, увидел, что весь двор засыпан битым стеклом. На пятом этаже в стене зияла пробоина от разорвавшегося снаряда. Хорошо, что никто не пострадал. Один осколок влетел и на нашу кухню. Разбитые окна сразу заколотили фанерой, но вскоре нашли и вставили стекла.

В тот же день, во время сильнейшего налета фашистской авиации, в южной части города поднялся высокий столб черного дыма. Вбежав на верхние этажи дома, мы увидели за Измайловским проспектом бушующий пожар. Горели Бадаевские склады, расположенные вдоль Московского проспекта. Там хранились основные запасы продовольствия для города, в том числе сахар. Через пару месяцев уничтожение Бадаевских складов тяжело скажется на жителях Ленинграда.

10 сентября поздно вечером, когда мы уже спали, Мария Соколова разбудила нас стуком в дверь. Мы выбежали во двор. Там было светло, как днем. Горели новостройки окружавших нас заводов. Полыхал дворец культуры имени Кирова. За проходной «Электроаппарата» был небольшой склад с какими-то трубами из прессованного картона. Там тоже был пожар. С отцом и другими мужчинами разбросали и погасили трубы. Несколько зажигательных бомб были сброшены с чердака нашего дома. Не было слышно отбоя тревог. Снова и снова раздавались гудки заводов, извещавших о новых налетах. Так длилось до самого утра. В эту ночь в саду Госнардома сгорели знаменитые Американские горы, а в зоологическом саду погибла слониха Бетти.

Сестра отца тетя Паня работала в «Лентрамвае» ремонтником. Мы с Павлом Соколовым решили устроиться к ней в контору. Взяли нас с удовольствием. Мужчин, кроме двух стариков, там не было. Все ушли на фронт. Наше подразделение, 7-я дистанция пути, располагалось в полуподвальном помещении на углу Садовой и Большой Подъяческой улиц.

Работа была несложная, но тяжелая. Приходилось менять рельсы, гнуть их по шаблону, сверлить, забивать костыли, подбивать под

шпалы щебенку. Чтобы не прерывать днем движение, менять рельсы приходилось чаще всего в ночную смену.

Начальство направило нас с Павлом в только что созданную бригаду для восстановления разрушенных трамвайных путей. Подразделение находилось на казарменном положении. База размещалась в полуподвальном помещении на Колокольной улице, напротив Стремянной, рядом с Владимирским собором. Поначалу выезды были редки. Но вскоре интенсивность налетов увеличилась.

Как-то днем прозвучал сигнал тревоги, застучали зенитки, и сразу началась бомбежка. Бомбы ложились где-то совсем рядом. Пол дрожал от взрывов. Нам с Павлом захотелось посмотреть, что делается на улице. Мы приоткрыли дверь. Снаружи раздался мощный взрыв. Дверь тут же захлопнуло взрывной волной, а наши глаза засыпало известкой. Мы решили спуститься в подвал. Там молодая женщина, она работала у нас шофером, впала в истерику. Ей казалось, что бомба уже падает на наш дом, и всем нам пришел конец. Ее пытались успокоить, но она продолжала рыдать и причитать. Слушать это было невыносимо. Мы поднялись наверх. Вышли на Стремянную улицу. Все было в дыму и пыли. Одна из бомб попала в соседний жилой дом. Он горел. Дружинницы выносили и выводили оттуда пострадавших. Другая фугасная бомба попала в трамвайный путь. Искореженную взрывом рельсу забросило на крышу соседнего дома.

Нас срочно вызвали на базу. Надо было приступать к работе. На этот раз ехать никуда не пришлось. Трамвайные пути были разрушены здесь же, на проспекте Нахимсона, сейчас Владимирский проспект, прямо напротив Владимирского собора. Три бомбы попали точно в рельсы. Огромные воронки тянулись вдоль проспекта. Большой участок пути оказался разрушен. Прихватив инструмент, мы приступили к работе. Грузовые машины начали подвозить гравий для засыпки воронок. Следом доставили шпалы и рельсы. Работа закипела. На продолжавшиеся один за другим воздушные налеты мы не обращали внимания. В шесть часов утра, к открытию движения, все было восстановлено. Уставшие, но с чувством выполненного долга мы отправились отдыхать.

Наступили холода. Сократились нормы выдачи продуктов по карточкам. Стало ясно, в «Лентрамвае» долго не протянем. Мы с Павлом решили увольняться. Нас не хотели отпускать, работать было некому. Пришлось принести документы, что идем учиться, и, действительно, мы поступили в топографический техникум. Он находился на улице Рубинштейна, около Пяти углов. Это было одно из немногих учебных заведений, где еще продолжались занятия.

В это же время мы с Павлом побывали на спектакле в театре оперетты, единственном театре, работавшем в городе.

Поначалу мы довольно старательно занимались в техникуме. Но с каждым днем становилось все труднее. Ударили морозы. Паек

уменьшился. Начались перебои с транспортом. Часто в техникум приходилось ходить пешком, а путь с Васильевского острова до Пяти углов немалый, почти семь километров. Учебу пришлось бросить.

Мать продолжала трудиться на хлебозаводе. Там пекли хлеб, сушили для армии сухари. К зиме и отец устроился на хлебозавод кочегаром.

В октябре Соколовы эвакуировались к себе на родину, в Калининскую область.

8 ноября немцы взяли Тихвин и создали второе кольцо окружения. Подвоз продуктов в город почти совсем прекратился. Кое-что доставляли воздушным путем. По карточкам ничего не выдавали. Мы начали доходить. С едой стало совсем плохо, зато с теплом был полный порядок. У нас в комнате была печь. Дров хватало. Кругом разбирали на дрова деревянные дома. Родители наедались хлебом на работе, и дома старались не кушать. Но продуктов все равно не хватало. Из муки, получаемой по карточкам, мать делала лапшу и в большом двухведерном котле варила суп. Когда половину супа съедали, ставили самовар и кипятком доливали котел. Получалась мутная похлебка, казавшаяся нам неописуемо вкусной. Как-то нес я с кухни самовар, но сил не хватило, и уронил его. Хорошо, не ошпарился. Я разревелся от обиды, что настолько ослаб. Родители решили, что надо попытаться и меня устроить на хлебозавод.

К декабрю дед совсем отощал. Он перестал подниматься и вскоре умер. Отец сумел достать гроб. Деда положили на санки и повезли отпевать на Петроградскую сторону на проспект Добролюбова в Князь-Владимирский собор. Волокли санки втроем. Мать и отец впереди, я подталкивал сзади. После отпевания отвезли дедушку на блокадное кладбище. Оно располагалось напротив старого Смоленского кладбища, на противоположном берегу реки. Похоронили. Поставили крест. После войны я пытался найти могилу, но не смог.

Водопровод в городе уже не работал. Сначала за водой ходили на Неву. Напротив Горного института были прорублены проруби. Потом посреди 23-й линии, напротив детской больницы, прорвало трубу. Образовалась ледяная воронка. Там и стали брать воду. Проливаемая вода замерзала. Получалась ледяная гора. Люди забирались на нее, набирали воды, спускаясь, часто падали. Но все же водой город был обеспечен.

По льду Ладожского озера проложили дорогу, названную в народе «Дорогой жизни». По ней в город стали поступать продукты, но их не хватало. Все больше увеличивалась смертность населения. Умирали целыми семьями. Уже не всех могли похоронить. Трупы вытаскивали на улицу и бросали. Из траншей на Большом проспекте торчали сваленные туда покойники. Много мертвых лежало в квартирах, их некому было вынести. Трупы собирали специальные команды и увозили на машинах в места захоронений. А наутро на улицах появлялись новые тела.

Хлеба, если это можно было называть хлебом, давали по 250 граммов рабочим и 125 иждивенцам. Когда резали пайку на две части, половина хлеба оставалась на ноже. Это была какая-то черная масса, наполовину состоящая из целлюлозы, но и ее соскребали и съедали. С каким вниманием смотрели люди на весы, когда взвешивали хлеб. С каким трепетом брали его в руки. Но надо было еще донести хлеб до дома. Бывали случаи, когда пайку вырывали прямо из рук. На моих глазах, когда женщина оплачивала полученный хлеб, парнишка выхватил у женщины из рук пайку и, упав на пол, стал жадно ее есть. Парня били ногами, но он все равно доел хлеб.

В настоящее время я с удивлением узнал, что иногда люди думают, будто в блокаду хлеб по карточкам выдавали бесплатно. На самом деле это не так. Хлеб и другие продукты, получаемые по карточкам, всегда оплачивались. Карточки только давали право на покупку.

Началось людоедство. У трупов, валявшихся на Большом проспекте, часто отсутствовали руки и ноги. Их отрубали на студень. Пропали дети. В нашем доме, у Самсоновых из 12-й квартиры, семилетняя девочка ушла на улицу и не вернулась.

Зима в тот год была суровой. Выходя из дома, люди натягивали на себя весь свой гардероб. По городу, еле передвигая ноги, двигались обтянутые кожей скелеты. Головы были закутаны во что попало. На лицах виднелись только глаза. Бывали случаи, когда идущий рядом человек начинал шататься и падал на снег. Иногда его поднимали, но часто, не имея сил помочь, проходили мимо. Случалось, что пытавшийся помочь падал тут же, рядом, и замерзали оба.

Канализация не работала. Нечистоты выливались во дворы и на улицу. Остановился транспорт. Троллейбусы, занесенные снегом, застыли вдоль улиц там, где их застало отключение тока. На работу ходили пешком. Многих переводили на казарменное положение, и люди оставались жить на предприятиях.

В начале декабря по радио передали сообщение «В последний час». В нем говорилось о разгроме немецких войск под Тихвином. В результате было восстановлено прерванное на некоторое время движение по «Дороге жизни». Услышав это сообщение, мама даже заплакала от радости. В январе увеличили норму выдачи хлеба. Рабочие стали получать по 400 граммов.

Из-за отсутствия электричества на хлебозаводе остановились тестомесильные машины. Пришлось готовить тесто вручную. Заводские рабочие не справлялись. Появилась необходимость набрать временных. Мать сразу записала меня. Так я оказался в цехе. Пока подавалось электричество, я и другие временные работали на подхвате. Выколачивали хлеб из форм, возили вагонетки с поддонами в экспедицию. Но как только отключалась электроэнергия, мы сразу становились к чанам и начинали руками ворочать тесто. Чтобы достать до дна бака, мне

приходилось ставить под ноги скамейку. Работа была тяжелая. Гудели руки и спина. Но зато можно было есть хлеб сколько захочешь.

Как-то раз, когда было электричество, я заметил, что происходит нечто странное. Один чан замесили и угнали в дальний угол. Потом тесто быстро разложили по формам и поставили на под. Испеченный хлеб утащили куда-то в сторону, а через некоторое время каждому работнику цеха сунули полбуханки свежего белого хлеба, велев спрятать, чтобы никто посторонний не увидел. Конечно, это делалось с ведома дирекции, а может быть, и выше. Какой же это был вкусный хлеб.

Прошло недели две. Восстановилось электроснабжение, и мы, временные, стали не нужны. Снова сел на голодную пайку. Стало совсем тошненько. Попросил родителей устроить меня снова на завод. Отец договорился с бригадиром грузчиков Рейтером, молодым, симпатичным парнем. Инженер по специальности, он руководил грузчиками. Ему были даны большие права. Рано утром я пришел к проходной. Появился высокий молодой человек. Спросил: «Колбасов?». Я ответил «Да». Мы прошли через проходную. Спустились в кочегарку. Здесь находилась главная база грузчиков. У топок котлов было тепло. На окне, за фанерной заслонкой, куски хлеба. Их приносил дежурный кочегар. Он часто ходил в цех проверять температурный режим печей и каждый раз возвращался, прихватывая кусок бракованной буханки. Пусть из брака, пусть суррогатный, но это все равно был хлеб.

Официально нас на работе не оформляли и рабочих карточек не выдавали. Мы работали за хлеб. С ведома руководства грузчики получали в день полбуханки на человека и то, что приносили кочегары.

Однажды в кочегарку зашел мужчина. Приехал он на машине за хлебом. Когда-то он работал на заводе, но потом уволился. Кочегар спросил, хочет ли тот есть. Конечно, он не отказался. Получив буханку, товарищ забрался за котел и сразу съел. Кочегар спросил, наелся ли он, и протянул еще полбуханки. Мужчина все съел и, поблагодарив, ушел. Через некоторое время в кочегарку зашел экспедитор, отпускавший хлеб на вывоз. Когда ему рассказали эту историю, он удивился. Оказывается, экспедитор тоже дал этому товарищу буханку хлеба, и тот ее тоже съел.

Основной задачей нашей бригады была разгрузка муки с автомашин. Когда привозили мешки с мукой, грузчики выходили к машинам и переносили мешки на склад. Состав бригады был пестрым. Здесь работали и инженеры, и художники, и милиционер, и молодые ребята без специальности. Первый раз меня поставили в кузов, и я наваливал-нагружал мешки на грузчиков. В руках силенка у меня была, и работа шла хорошо. На следующей машине нагружал мешки другой парень, а я с остальными грузчиками должен был относить. А в мешке четыре пуда. Я на плечах потащил мешок. По ровной дороге все было нормально. Но при входе на склад надо было переступить через порог. А ноги с голодухи ослабли. Я уцепился одной рукой за мешок, другой взялся за

косяк и, кое-как перебравшись через порог, дотащил груз до стеллажа. Когда же я понес второй мешок, то у порога получился конфуз. Я не смог переступить порог, осел и меня придавило. Наш старший помог мне подняться и отправил в кочегарку.

На следующий день Рейтер перевел меня на другую работу. На заводе стоял титан для кипячения воды. Его топили мелкими дровами. Пилили дрова жена и дочь Рейтера. Жена до войны была прокурором района, а дочь училась в институте. Рейтер перевел дочку делать витаминную воду из хвои, а меня поставил на ее место. Работали мы двуручной пилой, не надрываясь. Вскоре установили электропилу. Меня и еще одного мужчину Рейтер поставил на эту новую пилу, а свою жену перевел на другую работу. Работать стало сложнее, опаснее, но интереснее.

Дело шло к весне. Я отъелся, поправился, но началась цинга. Не хватало витаминов. Стали качаться зубы, на ногах появились язвы. Пришлось пить много хвойной воды, пока десны не стали заживать.

При выходе с завода в проходной охрана тщательно обыскивала рабочих. Особенно свирепствовал охранник Козлов. Как-то раз, ощупывая мои ноги, он нажал на болячки так, что я закричал. Козлов заставил меня разуться, и только убедившись, что ничего нет, пропустил.

Весь город был залит нечистотами. Пока стояли морозы, это было не опасно. Когда же снег стал таять, возникла вероятность эпидемий. Надо отдать должное властям города, все население было поднято на уборку грязного снега. Ледяные горы, покрытые нечистотами, скалывались, вывозились и сбрасывались в реки и каналы. В результате никаких эпидемий не возникло.

Однажды мы возвращались с уборки снега и увидели живую собаку. Она бежала посреди улицы, непрерывно оглядываясь по сторонам. Чувствовалось, что это была очень опытная собака. Ни кошек, ни собак в городе к этому времени уже не осталось.

Утром 24 апреля 1942 года над городом разнесся сигнал воздушной тревоги. Начался сильнейший налет немецкой авиации на Ленинград. Была Страстная суббота накануне Пасхи, а получилась страшная суббота. Мы возили на тачках каменный уголь в кочегарку, когда раздались тревожные прерывистые гудки заводов и застучали зенитки. Через некоторое время послышались взрывы бомб. Дальше было что-то ужасное. Земля качалась. Кругом все грохотало. Мы такого еще не видели и не слышали. Позднее узнали, что в этот день фашисты пытались уничтожить военные корабли, стоявшие на Неве. Основной удар был направлен на флагманский корабль — крейсер «Киров». Он был пришвартован неподалеку от нас, у набережной напротив церкви на 15-й линии. Крейсер отбивался всеми орудиями. Огонь вели даже орудия главного калибра. Было сбито несколько вражеских самолетов. Но один бомбардировщик все же прорвался, спикировал почти до палубы, сбросил бомбу и тут же упал сбитый в Неву. Бомба попала в трубу

и разорвалась внутри корабля. К крейсеру подогнали машины. На них увезли большое количество убитых и раненых моряков. Ночью крейсер «Киров» отбуксировали к Адмиралтейству и замаскировали, а на старое место поставили транспортное судно «Сибирь». На другой день налет повторился. В «Сибирь» попала бомба, и судно легло на бок у самого берега, а крейсера «Киров» и стоявший у Летнего сада «Максим Горький» вместе с другими кораблями Балтийского флота продолжали громить врага. Сейчас на Морской набережной Васильевского острова сооружен памятник в честь крейсера «Киров». Там установлены башни главного калибра знаменитого корабля.

Приближалось время призыва в армию. Нас, допризывников, взяли на всеобщ. Каждый день утром мы шли на Большой проспект в клуб Балтийского завода, после переименованный в Дом культуры имени С.Орджоникидзе. В клубе проходили занятия по строевой подготовке. Мы изучали винтовку, стояли в карауле, строем ходили обедать на 22-ю линию в столовую Горного института. Через месяц сдали экзамен на стрелка. Нас стали оставлять на вторую очередь обучения, подготовку автоматчиков. Меня вызвал начальник курсов и спросил, правда ли, что я работал на хлебозаводе. Когда я подтвердил это, он поинтересовался, прокормлюсь ли я, если меня отпустят со сборов. Я сказал: «Да». Так я снова оказался на хлебозаводе. На этот раз меня определили грузчиком на автомашину. Это была не работа, а мечта. На полутонной машине мы с шофером разъезжали по городским базам. Получали растительное масло, солидол, другие материалы. Тяжело было грузить соль. Потом долго щипало тело. Муку на завод привозили другие машины, а пустые мешки на мельницу имени Ленина отвозили мы. Это было любимое дело. На мельнице приходилось долго ждать очередь на разгрузку. Можно было полежать на мешках, греясь на весеннем солнышке. К машине сбегались местные мальчишки. Забравшись в кузов, они собирали комочки муки, присохшей к мешкам, и складывали их в висащие на шее мешочки. А мы приглядывали, чтобы они не слишком свирепствовали и не очень тормозили мешки.

Директор завода решила съездить в Токсово. Там на озерах бригада заводских рабочих ловила рыбу. Среди них был и мой отец. Рыбы было немного. Хватало только бригаде да начальству. Директор решила проверить, как идет работа. Надеясь, что с директором обыскивать не будут, я прихватил для отца буханку хлеба и засунул ее в противогазную сумку. Действительно хлеб удалось провезти, но по дороге в Токсово что-то случилось с машиной. Когда ее отремонтировали и подъехали к поселку, наступила ночь, и с нею комендантский час. Нас задержал патруль. Доставили в местную комендатуру, где и продержали до утра. Все это время я опасался, чтобы не обнаружилась злополучная буханка, но обошлось. С отцом увиделись, а в скором времени бригаду ликвидировали.

ШКОЛА РАДИСТОВ

В августе 1942 года пришло время призыва в армию. Собрали нас, призывников, в военкомате. Комиссар держал речь: «Не хотелось нам, — говорил он, — брать на фронт вас, мальчишек. Но ваши отцы и старшие братья не сумели остановить врага, допустили его до города. Придется теперь вам бить врага. Надеюсь, что обратно паспорта будете получать в Кенигсберге».

Начали проходить комиссии. Медицинская комиссия признала меня годным. На мандатной комиссии спросили, в каких войсках хочу служить. Я этот вопрос уже обдумал. В авиации собьют. В артиллерии придется пушки на себе таскать. А про танки в то время говорили, что их и снаряды не берут. Действительно в 1942 году танки КВ пробивались только при прямом попадании тяжелого снаряда. Я и заявил, что хочу в танкисты. Возразил председатель комиссии: «Если бы ты был шофером или трактористом, — сказал он, — тогда можно бы, а так не подходишь». Но вмешался военком района, старый танкист капитан Бармашов, потерявший на Финской войне глаз. Он сказал, что в танковых войсках нужны не только водители, там нужны и грамотные люди. А у меня как-никак было девять классов, и меня зачислили в танкисты. Вручили повестку, когда явиться подстриженным, с ложкой и кружкой. Необходимо было сдать продовольственные карточки, но я решил их не отдавать, пусть родители хоть на неделю получают продукты.

В назначенный день пришел на призывной пункт, все в тот же клуб Балтийского завода. Родители проводили, поплакали. Нас построили, стали проверять. Подстрижен, ложка с кружкой есть, а справки о сданных продовольственных карточках у нескольких призывников не оказалось. «Выйти из строя и через три дня явиться со справкой»: вернулся домой. Мать в слезы: «Вот попадешь теперь в пехоту или в саперы», но отец спокойно сказал: «Ничего, день минешь — год живешь». Он пошел в жилконтору и за пайку хлеба получил справку, что карточки украдены. Накануне отправки мать взяла у меня бумажник, где хранились документы, и пришила внутри медный крестик, сказав: «Пусть Господь тебя хранит». Всю войну и до сих пор остается этот крестик у меня в бумажнике. Всякое пришлось пережить, побывать в разных передрягах, но, слава Богу, я остался жив и здоров.

Через три дня опять слезы матери, и я снова прибыл на призывной участок. В этот день шел набор в саперы и связисты. Мы гадали, куда попадем. Павел Карпеко, тоже одно время работавший на хлебозаводе, пошел в разведку. У знакомой девушки, секретаря комиссии, он узнал, что мы зачислены в радисты. О радио, кроме репродуктора, я тогда и понятия не имел.

Нам объявили, что будем учиться в Ленинградской военной школе радиоспециалистов. На трамвае доехали до Советского (Суворовского)

проспекта. Зашли во двор военного училища связи. Расположились на газонах. Со всех районов народу набралось много. Вызывали в помещение. Заполняли анкеты. Переночевали на полу в каком-то большом зале. Утром получили обмундирование. После завтрака нас отправили на Финляндский вокзал и дальше на поезде в Левашово. Там курсантов построили в колонну и повели в Осиновую рощу, в филиал училища. Разместились мы в сарае с двухэтажными нарами.

Сразу начались занятия. Изучали уставы. Занимались строевой подготовкой. Много внимания уделялось радиотехнике. Некоторые курсанты никак не могли понять, как радиоволны проникают через стены зданий.

Но главное — прием на слух и передача на ключе. Для начала учились отличать точку «ти» от тире «та». Начали изучать буквы. Сначала простейшие: е — ти; т — та; м — та, та; а — ти, та. Затем более сложные. Некоторые буквы звучали как словосочетания.

Буква «Б» — та, ти, ти, ти — звучит как «дай закурить». «Ф» — ти, ти, та, та — «тетя Катя». Цифры почти все переводились на словосочетания: 2 — ти, ти, та, та, та — «я на горку шла»; 3 — «идут радисты»; 4 — «скоро будет пять с протяжными пять»; 5 — «скоро будет пять с коротким пять»; 6 — «дай закурить»; 7 — «дай, дай закурить». Так было проще и быстрее запоминать.

С увеличением скорости передачи на ключе многие перестали успевать записывать принятый текст. Не успевавших отсеивали. Был у нас курсант Швец. Весельчак и балагур, по профессии гужбан, ломовой извозчик. Образование пять классов. Его отчислили первым, перевели в дизелисты. У меня учеба шла неплохо. Здесь же, в Осиновой роще, мы приняли присягу.

В октябре, с наступлением холодов, вернулись в училище. Три роты курсантов, в том числе наша, седьмая, разместились в большом доме, выходящем на улицу Салтыкова-Щедрина и Таврический сад. Фасад дома был с большими колоннами и очень красив. Недалеко от него — здание музея Суворова с мозаичными картинами на стенах. Рядом с нами — казарма, которую занимали две женские роты. Тут же, внутри школы, — футбольное поле и баня. Столовая находилась в офицерском училище.

В городе стало больше караульной службы. В ноябре прошел сильный снегопад, и наш взвод вывели на улицу убирать снег. После долгого перерыва мы впервые оказались среди гражданских лиц.

Нас стали посылать патрулировать по городу. Маршрут по Советскому проспекту, по улицам Салтыкова-Щедрина и Парадной. Зима 1942 года была морозной. Мы часто заходили погреться в помещение на первом этаже одного из домов по Советскому проспекту. Скорее всего это была кухня большой квартиры, ранее принадлежавшей какому-то ученому. Сейчас здесь хозяйничали дворники. Вместо дров в плите

сжигались книги. Каких только книг тут не было. Иногда мы брали их с собой в казарму. Несколько раз во время патрулирования я со своими напарниками ездил домой. Договаривались со сменщиками, чтобы те не поднимали шума, если мы задержимся, и отправлялись по домам. Главное, чтобы в это время не было воздушной тревоги, иначе можно было надолго застрять в пути.

Как-то мать пошла провожать меня. Дошли до 1-й линии. Она говорила, чтобы я служил честно, что защита страны всегда была святым делом для нашего народа. Меня удивило, как неграмотная женщина простыми словами высказывала такие правильные мысли.

Кормили в радиошколе неважно. Очень часто на второе давали овощное рагу, в основном из свеклы и брюквы. Рабочими по кухне ходили курсанты, а официантками в столовой были девчата-курсантки. Работали они красиво. Бегом подносили поднос с шестью тарелками и ловким движением пускали их по длинному столу, за которым сидели двенадцать человек. Иногда удавалось словчить. Тарелки с первого подноса хватали и прятали под стол, а следующие оставляли на столе. Потом незаметно делили содержимое порции на двоих. Случалось, что старшина засекал эту операцию и метал в адрес провинившихся громы и молнии.

Старшиной роты был Соколовский. Как и всякий старшина, он был строг и требователен. Помощник командира взвода старший сержант Малышев был гораздо мягче и пользовался любовью курсантов. Командир взвода, бывший радист, попавший в школу после тяжелого ранения, был хорошим специалистом, но командовать не мог. Во время прохождения перед начальством Малышев часто брал командование на себя. Под его команду мы «рубил асфальт» ботинками, отрабатывая «ногу на всю ступню и мах руки до отказа».

Однажды после караула пошли на ужин. Наши рабочие по кухне наряд еще не сдали. В таких случаях ребята иногда подбрасывали своим что-нибудь поесть. Мы увидели, как один из наших курсантов, дежуривших по кухне, тайком выскребает из банки остатки консервов. Окликнули его, но он сказал, что у него уже ничего не осталось, и скрылся в глубине столовой.

Был у нас курсант Николай Колокольчиков, хорошо игравший на баяне. Он с ним пришел в армию и в минуты отдыха часто играл, а мы с удовольствием слушали. По окончании учебы его оставили при школе.

Во время воздушных тревог курсанты должны были выбегать из казармы и прятаться в траншеях, выкопанных около стадиона. Но мы старались туда не ходить. Некоторые прятались за ширмами на окнах, а большинство забиралось в баню, где, сбившись в кучу на полке, дожидалось отбоя тревоги.

По воскресеньям в радиошколе устраивался родительский день. В комнате свиданий курсанты встречались с родными. Те привозили

поест: хлеб, кашу. Курящим — табак. Во время этих свиданий выяснилось, что мать курсанта Володи Трунова живет на Среднегаванском проспекте, недалеко от нас. Родители познакомились и стали ездить к нам в училище вместе. При этом и мы с Вовкой подружились. Это был высокий симпатичный парень. Отца у него не было. Мать старалась все сделать для сына. Володя курил, и мать часто привозила ему хороший табак. На этой почве у Володи был блат со старшиной.

Пришло время экзаменов. Сдали радиотехнику, матчасть. Готовили нас к работе на радиостанции «РБ». В завершении обучения мы сдавали на класс прием на слух и передачу на ключе. Я довольно легко получил 3 класс и звание ефрейтора. У прошедших экзамены курсантов занятий уже не было. Ребята грелись у печки и ждали «покупателей». Те прибывали из стрелковых полков, из лыжных батальонов и развозили радистов по боевым частям.

К командиру роты вызвали Трунова. Выяснилось, берут в танковый полк и нужно два человека. Обычно курсанта спрашивали, кого он хочет взять в напарники. У Володи был друг Семьянинов, и мы не сомневались, что он назовет его. И вдруг к командиру роты вызвали меня. В кабинете командира сидел старший лейтенант в новеньком белом полушубке. Это был начальник связи танкового полка Иван Иванович Тимофеев. Ротный, старший лейтенант Рожок, сказал, что требуются радисты в гвардейский танковый полк, и поинтересовался, согласен ли я. Конечно, я с радостью согласился. Нам велели собираться и немедленно отправляться в часть. Оказалось, что когда Трунова спросили, кого он хочет взять себе в напарники, Володя назвал меня. То, что мы будем вместе, особенно порадовало наших родителей. Теперь, если кто-то из них получал от нас письмо, сразу бежал делиться новостями.

ТАНКОВЫЙ ПОЛК

Так я попал в танковый полк. Тут уж я насмотрелся, каково быть танкистом.

7 декабря 1942 года. Со старшим лейтенантом мы сели в трамвай и поехали на Московский проспект. Добрались до окружной железной дороги, около дома культуры Ильича. Дальше начиналась фронтная зона. Под мостом находился КП. Пройти можно было только по пропускам. Мы свернули налево, вдоль насыпи, спустились под мост и занесенными снегом полями дошли до совхоза «Ударник». Совхоз находился в Купчино, на берегу петляющей речки Волковки.

Здесь расположился 31-й ОГТПП — Отдельный гвардейский танковый полк прорыва. На территории совхоза стояло несколько жилых деревянных домов. В одном из них разместился командир полка.

Танкисты жили в землянках, выкопанных вдоль речки. Нас привели в землянку начальника штаба полка капитана Нивина. Капитан усадил нас на сундук со штабными документами и начал знакомиться. Со знанием дела расспросил, по какому классу работаем, какие радиостанции изучали. После этого связной отвел нас в землянку взвода управления. Там командир взвода младший лейтенант Золотов побеседовал с нами, показал место на нарах.

В состав взвода управления входили экипажи радиостанции, двух бронеавтомобилей БА-10, одного БА-20, мотоциклист и радиомастер.

Утром мы осмотрелись. Полк стоял недалеко от Пулковских высот. В стороне виднелось недостроенное здание Дома Советов. Познакомились с начальником радиостанции, старшиной Федором Акимовичем Мусиченко. Это был высокий парень 1920 года рождения. Выглядел он старше своего возраста. По специальности Мусиченко был стрелком-радистом на бомбардировщике. В начале войны его самолет сбили. После этого он повоевал в партизанском отряде, поморозил ноги и потом каким-то образом очутился в Ленинграде. Для нас, мальчишек, старшина был непререкаемым авторитетом. Мусиченко повел нас на радиостанцию, находившуюся в небольшом автобусе, укрытом в капонире. Каждый день в полдень старшина с одним из нас проводил проверку связи со штабом бронетанковых и механизированных войск (БТМВ) 42-й армии. При этом он одновременно проверял наши знания. Натаскивал нас. Устраивал неисправности на рации, а мы должны были их найти и устранить. Работали на радиостанции 5-АК (автомобильная, коротковолновая). Это рация средней мощности, довольно громоздкая, с отдельным блоком питания. Блок состоял из умформера, служащего для преобразования переменного тока в постоянный или обратно, и анодных батарей. Радиолампы запитывались от аккумуляторов.

Через три дня в полк прибыли еще два товарища из нашего взвода — Николай Индюков, 1922 года рождения, и Костя Сухарев. Оба с Московской заставы. Они и из нашего расположения могли рассмотреть свои дома на Благодатной улице. Ребята были зачислены в экипажи броневинов БА-10, но должны были работать на нашей станции, на связи с танкистами.

Вчетвером нам стало веселее. Да и скучать особо было некогда. Постоянно расчищали снег вокруг машины, ходили в наряд. Во время дежурства нас чаще всего назначали посыльными при штабе. Приходилось разносить документы командирам рот, вызывать нужных людей в штаб. При этом мы знакомились с командирами. Это помогло в дальнейшем держать с ними связь в бою.

31-й Отдельный гвардейский танковый полк прорыва был сформирован 25 ноября 1942 года, незадолго до нашего прибытия. Две роты были взяты — из 1-й краснознаменной танковой бригады, еще две из резерва. В полку по штату числились 214 человек и 21 танк. Это были

тяжелые танки КВ («Клим Ворошилов»), с 76-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами, один находился в башне, другой — у стрелка-радиста. Это были прекрасные машины. Экипаж состоял из пяти человек. Перед боем танкисты заполняли боеукладки и дополнительно клали унитарные (соединенные вместе снаряд с гильзой) снаряды на днище машины. Командир, артиллерист и заряжающий, находясь в башне танка, уходили в бой, стоя на снарядах, и расстреливали их в первую очередь. Зато снарядов в бою не жалели.

Механик-водитель и стрелок-радист размещались в передней части танка. У них был свой люк, хотя порой приходилось выбираться и через люк в башне. Имелся еще аварийный люк в днище танка, но им пользовались редко.

В одной из машин находился экипаж командира полка. Остальные машины были разбиты на 4 роты. В каждой роте по 5 танков. На одном — командир роты, и у него в подчинении два взвода по 2 машины, под командой взводных.

Командир полка — майор Крайзельбурд Абрам Эльевич. Ему было 34 года. Стройный, небольшого роста, он всегда выглядел подтянутым в хорошо подогнанном обмундировании. По утрам майор выходил на крыльцо, окидывал взглядом расположение части и направлялся не в танковые роты, где, он знал, всегда порядок, а шел в роту техобеспечения, реже — к автоматчикам или к нам, во взвод управления. Но чаще всего Крайзельбурд шел на кухню. Там всегда можно было найти недостатки.

Кухня помещалась на отшибе, в дощатом сарае. Повар Сашка, солдат уже в годах, вскакивал и, натягивая белый колпак, пытался доложить, что происходит во вверенном ему хозяйстве. Майор махал ему рукой, мол, нечего болтать, показывай, чем будешь кормить танкистов. А кормежка в то время была отвратительная. Пустые щи да картошка или макароны с котлетой на второе. За пищей на кухню по очереди ходили представители от экипажей. На должности командира и водителя танка назначали офицеров. Питались они совместно с экипажем. Офицеры дополнительно получали паек, но, чаще всего, делили его на всех. Обед выдавали в котелки. В котелки наливали первое, в плоские крышки второе блюдо. Однажды я видел, как солдат, получив пищу на экипаж, зашел за сарай и рукой стал вылавливать капусту из котелков своих товарищей.

У нас на радиции был свой экипаж — шофер и четыре радиста. Както днем ко мне подошел Трунов и сказал, что приехали наши матери. Предупредив начальника радиостанции Мусиченко, мы по знакомой дороге пошли к Дому культуры Ильича. Там нас ждали родные. Постояли, поговорили и, забрав привезенные ими гостинцы, быстро побежали обратно в часть.

Получили приказ: на базе полуторки сделать фургон для нашей радиостанции. Под руководством Мусиченко занялись строительством. Пошли на станцию Шушары. Там ломали деревянные дома. Набрали брусьев, досок, железа. Несколько дней работы — и получился довольно неплохой кузов, обшитый кровельным железом. Потом он долго верой и правдой служил нам. По бокам и спереди фургона сделали небольшие окошки. В передней части кузова — стол. На нем радиостанция 5-АК для связи вверх и танковая рация для связи с танками. Под столом — аккумуляторы и блок питания. По бокам кузова откидные скамейки. Под ними ящики для запасного имущества. Сзади, у дверей, небольшая печурка, которая не раз потом нас выручала.

При оборудовании машины я, видно, простудился. Несколько дней валялся с температурой. Шел январь 1943 года. Ко мне заглянул начальник связи Тимофеев и предупредил, что скоро полк идет в бой, а раз я болен, меня придется отправить в госпиталь. Я перепугался. Дал слово, что к наступлению обязательно поправлюсь. И действительно через пару дней был на ногах.

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ

13 января 1943-го мы услышали далекий гул канонады, а через два дня получили приказ выдвинуться в район Шлиссельбурга. Начались бои по прорыву блокады. Войска 67-й армии уже форсировали Неву и закрепились на левом берегу. Надо было развивать успех. Настало время вводить в бой тяжелые танковые полки и бригады средних танков.

К Шлиссельбургу машины шли своим ходом. У переправы через Неву произошла заминка. Колонна остановилась. Вышли на дорогу размяться. Вдруг раздалась команда: «Воздух!». Все спрятались под машины. Стоя около нашего фургона, я пытался разглядеть высоко в небе летящий самолет. Кто-то дернул меня за ногу, и я очутился под машиной. Возмутившись, сказал, что это же наш самолет. Старшина взвода, водитель броневика Николай Емельянов, быстро меня успокоил, объяснив, что когда голову снимет, то будет поздно разбираться, наш это был самолет или нет.

Через некоторое время подошли к переправе. Через Неву по льду был проложен многослойный бревенчатый настил, выдерживающий даже наши КВ весом пятьдесят тонн. Рядом саперы уже начали возводить капитальный деревянный мост. Переправившись через Неву, мы поднялись на высокий левый берег, еще недавно занятый немцами. Повернули направо и проехали вдоль берега около километра в сторону 8-й ГЭС. Остановились в районе деревни Марьино, в сосновой роще. Никаких следов деревни не было. Сама роща была небольшая, с высокими

соснами. На опушке виднелось мелколесье, а дальше шло чистое пространство, за которым возвышалось могучее здание 8-й ГЭС. Рядом стояло несколько уцелевших домов Второго городка (нынче город Кировск). Серое бетонное здание ГЭС было занято немцами. Сильно разрушенное снарядами, оно все равно оставалось мощной крепостью.

Еще недавно в роще находилась целая система немецкой обороны. Вдоль высокого крутого берега было проложено множество соединенных между собой ходов сообщения. Между ними — несколько больших землянок с крепкими бревенчатыми накатами. В одной из таких землянок мы и расположились. Здесь у нас произошла интересная встреча. К танкистам зашли соседи из танковой бригады, уже побывавшей в бою. Когда-то они служили вместе. Начали вспоминать старых друзей. Точно такой разговор показан в фильме «На войне, как на войне». Спрашивают: «А Мишка где?», — «Погиб», — «А Васька?», — «Сгорел», — «А Лешка?», — «В госпитале», — «А Петька?», — «Убит»... Редко кто из упомянутых танкистов был жив и здоров. В дальнейшем такие разговоры возникали у нас после каждого боя.

Утром мы отправились на Неву за водой. Умылись. Позавтракали. Я пошел прогуляться. На дне траншеи увидел немецкую гранату. Спустился, поднял и стал рассматривать. «Что это у тебя?» — смотрю, опять старшина Емельянов. Я с удовольствием показал находку. Он взял гранату и зашвырнул ее далеко в сторону, а потом доходчиво объяснил, что если мне своя жизнь не дорога, то надо подумать о товарищах, находящихся рядом.

Вечером работали на радиостанции. В углу гудела печка. Топили ее дровами. Дров хватало. Кругом стоял лес. Пилили небольшими полешками и в мороз круглые сутки поддерживали огонь. Иногда жгли маски от противогазов, их много валялось в лесу, или другую резину. Резина сгорала с ревом, и в машине сразу становилось жарко.

Неожиданно открылась дверь машины и наш шофер, здоровенный хохол Долгополов, сунул в печку какой-то брусочек. Не успел он закрыть дверь, как из печи повалил густой, черный дым. Мы молнией выскочили из машины, оставив дверь открытой. Из проема двери выползал ровный прямоугольник дыма, лишь в стороне разносимый ветром. Прибежал перепуганный начальник связи. Оказалось, Долгополов зачем-то сунул в печь дымовую шашку. Шофер немедленно был переведен в роту техобеспечения. Когда дым рассеялся, и мы смогли войти в машину, там все было покрыто толстым слоем копоти. Много сил пришлось приложить, чтобы снять верхний слой сажи. И долго потом еще мы выковыривали копоть из разных щелей и лимбов.

Утром у нас появился новый шофер — Сергей Максимович Володин. Родившийся в 1905 году, он нам казался чуть ли не стариком. С ним мы долго воевали вместе и пережили множество приключений. Бывало, позавтракав или пообедав вместе с нами, Володин куда-то пропадал.

Через некоторое время он появлялся с котелком каши или другой пищи. Мы долго не могли понять, где это он промышляет. Уже потом Володин рассказал, как обходил походные кухни, а их в роще было много. Подходя к кухне, он заводил разговор с поварами. Выяснив, кем они были на гражданке, он с каждым затевал свой особый разговор. С крестьянином говорил о земле, с рабочим о технике, с девушками о женихах. И почти всегда беседа заканчивалась котелком, полным каши.

С началом боевых действий кормить нас стали довольно прилично. Каждый день выдавали сто грамм водки или пятьдесят грамм спирта, как их называли, «наркомовские». Получали табак или махорку. Я не курил и свою пайку табака отдавал ребятам.

Поздно вечером меня послали с донесением в штаб БТМВ. Он находился на другом берегу Невы. Идти надо было с опаской. Лед был покрыт множеством воронок от мин и снарядов. Вокруг лежало большое количество неубранных трупов. Было темно, и только в районе 8-й ГЭС непрерывно взлетали ракеты. Когда возвращался, невдалеке разорвалось несколько снарядов. Я прибавил шагу и уже вскоре был в своей землянке.

Через два дня наш полк пошел в свой первый бой. Наступали на 8-ю ГЭС. Танки совместно с пехотой с боем вошли во Второй городок. Там находились два немецких продуктовых склада. Голодная пехота, бросив танки, дорвалась до находившихся на складах продуктов. Немцы опомнились и стали уничтожать оставшиеся без поддержки танки. Оставив на поле боя большое количество подбитых машин, мы отошли. Потери были ужасны. Погибли три командира роты, четвертый был ранен. Погибли комиссар и начальник штаба и еще много командиров. Начальник особого отдела был ранен. Начальником штаба стал капитан Брюквин, бывший до этого заместителем. С ним мы прошли долгий и славный боевой путь. О нем остались самые хорошие воспоминания.

Остатки полка были переброшены в район Пильной Мельницы, а меня оставили охранять землянку. На следующий день в роще появились военнослужащие из какой-то незнакомой мне части. Они искали место для ночлега, но все землянки были уже заняты. Узнав, что в нашей землянке кроме меня никого нет, бойцы потребовали пропустить их. Прикрывая собой вход, я объяснил, что нахожусь на посту и покинуть его не имею права. У землянки собралось около полусотни военных. В основном это были бывалые, опытные бойцы, и супротив них я выглядел просто мальчишкой. Они стали наседать и потихоньку спускаться ко входу. Я снял с плеча винтовку и пригрозил, что буду стрелять. Они не послушали. Пришлось передернуть затвор. Отступив назад, какое-то время бойцы уговаривали меня, мол, нужна землянка, а эта пустует, но я стоял на своем. С разговорами, солдаты спускались ко мне все ближе и ближе и, наконец, выбрав момент, набросились на меня и отняли винтовку. После этого землянка была занята. Теперь уже

мне пришлось идти упрашивать пехотинцев отдать оружие. От обиды и досады я даже чуть было не заплакал. Наконец после долгих уговоров винтовку все же вернули. Я присел у входа под сосной. Время шло. Делать было нечего. Мне казалось, что в полку обо мне совсем забыли. В предыдущие дни мы мало спали. Я закутался в шинель, устроился поудобнее, обнял винтовку и, прямо на снегу, задремал. Проснулся, когда уже смеркалось. В это время за мной пришел начсвязи Тимофеев, и мы пошли к месту нового расположения полка.

Сначала шли вдоль Невы в сторону Шлиссельбурга, потом свернули направо и по разбитой лесной дороге направились к рабочим поселкам. Смешанный лес был сильно побит артогнем и ночью представлял собой страшный бурелом. На дороге нам повстречались две какие-то странные машины, укрытые брезентом. Тимофеев объяснил, что это совершенно новое оружие — гвардейские минометы. Так я впервые увидел «катюши». Прибыв на место, сразу же подключился к работе на станции.

Бои продолжались. Командир полка приказал взводу перейти железную дорогу-узкоколейку и продвинуться вперед. Но лейтенант, командовавший взводом, приказ не выполнил. Командир полка на своем танке подъехал к машинам, вылез и, постучав тросточкой по броне танка, приказал выглянувшему из люка взводному спуститься на землю. Все это происходило под сильным артиллерийским огнем. После короткого разговора, майор достал пистолет и застрелил лейтенанта. Подав команду механику «Делай, как я!», пошел впереди машин, перевел танки через насыпь и, поставив задачу вновь назначенному командиру взвода, вернулся к своей машине.

Еще два дня боев — и из 21 машины в полку осталось только три целых танка.

Мы продолжали держать связь. Расположились в страшном, истребленном войной лесу. Так как стояли сильные морозы, землянки выкопать не удалось. Работали в машине. Было 30 января 1943 года. Рядом, метрах в тридцати от нас, разместился небольшой штабной автобус.

Внезапно раздался ужасный гул. Мы выглянули в окошко. Оказывается, рядом с нами остановились незаметно подъехавшие четыре «катюши». Заняв боевую позицию, они дали одновременный залп. Это была впечатляющая картина. С рельсов срывались огненные смерчи. Сзади из-под колес летели комья земли. Позицию затянуло дымом.

Наконец все стихло. Расчеты быстро накинули на машины чехлы, и «катюши» спешно покинули позицию. Тут же в нашем расположении начали рваться снаряды. Немцы успели засечь расположение гвардейских минометов и открыли ответный огонь. Мы укрылись в машине между скамейками-ящиками. В них хранилось запасное имущество, хоть какая-то защита от осколков. В это время открылась дверь. В машину заглянул лейтенант, командир взвода оружейников, и тут же

дверь захлопнулась. Когда обстрел прекратился, и мы вышли из машины, под дверью лежал убитый лейтенант.

Еще до обстрела с переднего края вернулся командир полка. В штабном автобусе, который стоял в тридцати метрах от нашей машины, Крайзельбурд знакомился с только что прибывшим новым замполитом майором Малкиным. Один из снарядов перелетел через наш фургон и разорвался перед автобусом. Основная масса осколков пошла по ходу полета снаряда и изрешетила автобус. Находившиеся там командир и комиссар были изранены осколками. На этом же автобусе их повезли в госпиталь. Офицеры были в сознании, разговаривали. «Что, комиссар, не пришлось нам повоевать вместе?» — спросил Крайзельбурд. «Да, видно, не судьба», — ответил комиссар. Перед госпиталем умер командир, а на операционном столе скончался замполит.

После того, как автобус с ранеными отправили в госпиталь, в радиостанцию вошел начальник штаба капитан Брюквин и подал мне текст закодированной радиোগраммы. Я стал передавать ее в штаб БТМВ 67-й армии. В шифровке говорилось о выходе из строя командира, о наличии в строю только трех танков и запрашивались дальнейшие указания. Открылась дверь. В фургон заглянул незнакомый молодой старший лейтенант и крикнул: «Командир полка убит. Командование полком беру на себя». Дверь закрылась. Брюквин пожал плечами и сказал: «Не отвлекайся. Передавай».

Спустя некоторое время послышалась морзянка армейской станции. Я принял ответную радиোগрамму. В ней нам приказывали выйти из боя в тыл на переформирование. Так закончилась первая, очень неудачная для полка операция. Мы понесли огромные потери. Было выбито почти все командование. За эти бои я был награжден своей первой медалью «За боевые заслуги».

УСТЬ-ИЖОРА

В начале февраля 1943-го нас перебросили в Усть-Ижору. Прибыл новый командир полка майор Семеркин. Замполитом утвердили капитана Смирнова.

Получили новую технику, пополнили экипажи. В эти дни Костя Сухарев вместе со своим командиром броневика, уже пожилым сержантом, ушли в город, в самоволку. Они и до этого хаживали, но на этот раз нарвались на патруль. Был суд военного трибунала. Приговор — штрафбат. Косте в штрафбате повезло. Он отделался довольно удачно, ранением. После госпиталя его направили в 12-й учебный танковый полк. Все танкисты Ленинградского фронта проходили там обучение, а те, кто был после госпиталя, переучивались. Костя неплохо рисовал и устроился художником. Мог бы в этом учебном полку всю войну просидеть,

но он начал проситься на фронт и добился своего. Костю направили радистом на танк. В 1944 году при освобождении Таллина Костя Сухарев погиб.

В Усть-Ижоре полк разместился в деревянных домах. Наш дом стоял на берегу реки Ижора, около деревянного моста, ведущего в Колпино. Поселок был небольшой и похож на большую деревню. Только в центре, вокруг Дома культуры, стояли двухэтажные дома. Недели через две переехали к кирпичному заводу «Победа». Самого завода уже не было. Осталось только большое полуразрушенное здание из красного кирпича. Мы разместились в армейских палатках. В Усть-Ижоре мне присвоили звание младшего сержанта. Здесь же мы узнали о введении погон, и вскоре я уже пришивал новенькие лычки.

Под Колпино мы потеряли своего командира взвода младшего лейтенанта Золотова. Его послали встретить и привезти в часть новую технику. Золотов ехал с шофером на грузовике. Дело было ночью. Дорога разбита, видно плохо. Водитель включил фары с синими лампочками. Дежурный на КПП посчитал, что нарушена светомаскировка. Выстрелил по машине и попал в младшего лейтенанта.

Новым командиром нашего взвода назначили лейтенанта Алексея Грязнова. Родом он был из города Кохма Ивановской области. Во время финской компании входил в состав экипажа братьев Грязновых. Все братья Алексея погибли, а его наградили орденом Ленина. Не у многих в то время была такая награда. В нашем полку Грязнов служил радистом в экипаже командира полка, а теперь пошел на повышение. Небольшого роста, за что офицеры звали его «шплинтом», он был неплохим командиром и хорошим человеком.

КРАСНОБОРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

10 февраля 1943-го капитан Брюквин приказал начальнику связи Тимофееву перегнать радиостанцию на командный пункт на окраину Колпино, в Колпинскую колонию. Полностью это место называлось «Колпинская немецкая колония», так как здесь когда-то жили немецкие колонисты.

Часов в шесть утра Тимофеев сел в кабину к Володину, и наш фургон тронулся на новое место. Это поездка сыграла большую роль в моей дальнейшей службе. Тимофеев в картах разбирался плохо, а тут еще кромешная тьма. Мы заблудились и оказались совсем в другом месте, чуть ли не в Пушкине. Не знаю, куда бы мы еще заехали, если бы у какого-то кладбища нас не накрыл артналет. Уже светало. Выскочив из фургона, мы укрылись между могилами и склепами. Наконец огонь затих. Вернулись к машине. Мусиченко стал командовать, показывая, как надо быстрее развернуться. Только успели развернуться, как вдруг

Володин, видимо, решив поскорее вырваться из опасного места, дал газу и рванул вперед. Тимофеев еле успел вскочить в фургон, а Мусиченко так и остался на дороге. Володин гнал машину, сам не понимая куда. Тимофеев и шифровальщик, старший лейтенант Федулов, высунувшись из дверей, кричали шоферу, чтобы он остановился, но напрасно, шофер не слышал. Я, забравшись на стол с рацией, стучал в переднюю стенку фургона — бесполезно. Мотор ревел, машина неслась вперед. Вот уже за окошком показалась Колпинская колония. На дорогу, махая руками, выскочил ординарец начальника штаба Перевозчиков. Мы пронеслись мимо. Закончились жилые дома. Впереди раскинулось заснеженное поле. Между вырытых вдоль дороги землянок, в кюветах лежали пехотинцы, готовые к наступлению.

Впереди машины разорвался снаряд, рядом другой. Володин сразу остановил машину и заглушил мотор. Следом грохнуло еще несколько разрывов. Начсвязи Тимофеев и шифровальщик Федулов выпрыгнули из фургона и, пригнувшись, побежали к видневшимся неподалеку землянкам. Индюков и Трунов бросились за ними. Я выскочил последним. Надо было срочно выводить машину из-под обстрела. Крикнув ребятам: «Назад, на машину», подбежал к кабине. Шофер уже выскочил и тоже хотел бежать. Крикнул: «Володин, заводи! Разворачивайся!». А у него, как всегда, стартер не работает. Володин сунул мне заводную рукоятку: «Коля, крутани». Быстро вставив рукоятку, крутанул, и горячий мотор с полуоборота завелся. Я показал Володину, как развернуть машину. А немцы уже начали пристреливаться. Снаряды ложились все ближе и ближе. Наконец, мы развернулись. Я вскочил на подножку, и машина помчалась обратно. Снова Колпинская дорога. Вот и Перевозчиков. Не успели загнать машину за большой двухэтажный дом, где разместился штаб полка, как загрохотали орудия, и началась артподготовка.

Мы быстро развернули рацию и вышли на связь. Работали на штыревую антенну. Связь была устойчивая. 55-я армия начала Красноборскую наступательную операцию. Через полчаса прибежал шифровальщик Федулов, а чуть позже пришел начсвязи Тимофеев. Он сказал, что ходил к артиллеристам обмениваться радиоданными. Скорее всего, Тимофеев это придумал, чтобы как-то объяснить свое отсутствие. Мы никогда с артиллеристами связь не держали. Еще через полчаса нас нашел Мусиченко. Сходу начал крыть начальника связи за то, что его одного бросили посреди дороги под обстрелом. Тимофеев выслушал, но промолчал. Главное, что все снова были вместе и целы.

После этого случая я заметил, как изменилось ко мне отношение старших товарищей и командования. Для них я был совсем мальчишкой, но теперь со мной стали разговаривать более серьезно, на равных. Возможно, именно этот эпизод в дальнейшем повлиял на назначение меня начальником радиостанции полка.

Наступление было удачным. Танки ворвались в Красный Бор. Пехота очистила поселок от противника. Большой, почти не пострадавший поселок находился около станций Поповка и Ульяновка. Они тоже были освобождены. Части двинулись на Тосно.

Командир полка Семеркин приказал командиру танковой роты, тому самому, кто под 8-й ГЭС брал на себя командование полком, преодолеть железнодорожную насыпь. Ротный ответил, что команду понял, но выполнять ее не стал. Танки маневрировали вдоль насыпи, но не переходили через нее. Несмотря на повторные команды, приказ не выполнялся. Командира роты отстранили от командования. На время его заменил начальник штаба капитан Брюквин. Приказ был выполнен. Ротного, не выполнившего приказ, отдали под суд и отправили в штрафбат.

Однажды в нашем расположении, в котором одновременно стояли танкисты, артиллеристы и минометчики, со стороны дороги, ведущей к переднему краю, послышался шум. Множество людей бежали к дороге. Мы тоже решили посмотреть, что там происходит. Оказалось, что автоматчики вели человек тридцать пленных. Кроме немцев в колонне были и воевавшие на стороне Германии бойцы испанской «Голубой дивизии». Когда группа поравнялась с нами, один из стоявших у дороги офицеров достал пистолет и, со словами «проклятые фашисты!» пошел в сторону пленных. Конвоир, преградив офицеру путь и махнув рукой в сторону переднего края, крикнул: «Ты свою храбрость там показывай!». После этого он под общий смех автоматом вытолкал офицера на обочину дороги.

В полку был радиомастер, старший сержант. В его обязанности входило проводить ремонт вышедшей из строя радиоаппаратуры. Для этого он должен был добираться до подбитых танков с поврежденными рациями, чинить или заменять пришедший в негодность блок. Дело свое он знал неплохо, но был заядлым трофейщиком. По пути обыскивал и забирал у убитых бойцов часы, портсигары и другие вещи. Однажды с задания он не вернулся. На следующий день тело радиомастера нашли автоматчики, доставлявшие танкистам пищу. Погиб старший сержант от разрыва мины. Вскоре на его место прибыл новый радиомастер — старший сержант Анатолий Мироненко.

В Красном Бору мы развернули свою 5-АК в небольшом бревенчатом домишке, больше похожем на баньку. Трунов и Индюков держали связь с танками из фургона. В один из дней пришел Володя и сказал, что в расположении полка оказались наши командиры из радиошколы — Малышев и Соколовский. Мы встретились. Выяснилось, что ребятам не сиделось спокойно в радиошколе. Под Новый год, выпив, они направились к курсанткам в женскую роту. Там их прихватило начальство. Вместо раскаяния и смирения они пошли на скандал. Был суд, и вот завтра в составе штрафбата ребятам идти в атаку. Держались они

на удивление бодро, даже весело. Через несколько дней мы узнали, что Малышев был убит, а Соколовский оказался в госпитале. Осколком ему раздробило челюсть.

Однажды ночью рота старшего лейтенанта Степана Конищева оказалась в окружении. Сам ротный в это время был вызван в штаб. Командовать группой был назначен его артиллерист — старшина Яков Казак. В роте был приданный из другого полка танк Т-28. Это была старая, времен финской войны, машина с бензиновым мотором. У КВ дизеля работали на газойле. Он менее огнеопасен, чем бензин. Ночью в густом лесу немцы окружили танки и стали сжимать кольцо. Я как раз в это время дежурил на станции и держал связь. Обычно ночью танкисты отдыхают. Собирались отдохнуть и мы, дежуря у включенной радиостанции. Но в эту ночь отдохнуть не пришлось. Когда танкисты доложили обстановку, я сразу вызвал начальника штаба. Брюквин по радиции стал подбадривать танкистов, велел маневрировать, отстреливаться. А какой маневр в лесу ночью? С Т-28 передали, что под них закладывают взрывчатку. Через некоторое время Казак доложил, что Т-28 горит. Потом обстановка разрешилась. Остальным танкам удалось отбиться. На радиостанцию пришел замполит Смирнов. Попросил микрофон и стал воодушевлять танкистов. На его слова: «Держитесь! Вы представлены к правительственным наградам» Казак ответил: «На кой... нам Ваши награды! Лучше бы жратву и боеприпасы прислали!». Замполит стал заверять, что все это автоматчики уже понесли. Питание танкистам на передний край доставляли по ночам бойцы из взвода автоматчиков. Они вешали на спину термосы с пищей, брали хлеб, спирт и все это несли к танкам. Работа была нелегкая и опасная. Несмотря на то, что обычно по ночам бои затихали, доставалось ребятам здорово.

На другой день танки Казака вернулись в расположение части. Казак получил орден Боевого Красного Знамени и ему присвоили звание младшего лейтенанта. Другие участники боя тоже были отмечены наградами.

Прошло время. Мы уже были на отдыхе, когда в полк принесли газету Ленфронта «На страже Родины». Всю первую страницу занимала статья «Подвиг танкистов». В ней подробно описывался весь бой, и в конце говорилось: «Когда замполит Смирнов сказал по радио: „Вы представлены к правительственным наградам“, — старшина Казак ответил: „Служим Советскому Союзу!“». Целый день в полку все ходили с этими газетами и от души хохотали.

Весенняя распутица сильно затрудняла боевые действия. Порой машины уходили с раскисших дорог и двигались по еще занесенным снегом полям. На полях, под талым настом были пруды. Три наших танка вместе с экипажами утонули в таких прудах, провалившись под лед.

Бои под Красным Бором продолжались еще долго, но безрезультатно. Фактор внезапности исчерпал себя, а сил для развития успеха

не хватало. Дороги совсем развезло. Танкам все тяжелее было маневрировать. В один из дней меня послали с пакетом в штаб армии, находившийся в Усть-Ижоре. Я пробирался по разбухшей дороге, как вдруг сверху послышались пулеметные очереди. Взглянув на небо, увидел «мессершмитт», атакующий наш транспортный самолет. Сбив транспортник, немецкий истребитель сделал круг и обнаружил эскадрилью штурмовиков, возвращавшихся с задания. Ил шли, низко прижимаясь к земле, стараясь незаметно проскочить к аэродрому. «Мессер» зашел сзади, пристроился к крайнему штурмовику и начал его обстреливать. Было видно, как от хвоста машины полетели щепки. Ил задымился и врезался в землю. Остальные штурмовики смогли уйти. Немец сделал еще круг и встретился с истребителем И-16. Короткий бой, и «ишачок» упал. За несколько минут немец сбил три наших самолета, развернулся и спокойно улетел. Шел март 1943 года. Немецкая авиация еще господствовала в воздухе.

На некоторое время полк вывели из боя. Вернулись в Усть-Ижору. После короткого отдыха и пополнения снова оказались в Красном Бору. Нашего домика-бани уже не было. Он был разрушен прямым попаданием снаряда.

Несколько дней безуспешных боев и распутица сделали свое дело. Дороги стали непроходимыми. Мы снова оказались в знакомом доме в Усть-Ижоре, но чувствовалось, что долго здесь не задержимся.

Как-то раз сидели в радиостанции. Мусиченко рассказывал, как он воевал в партизанах, как держал связь. При этом он включил передатчик и стал что-то стучать ключом. Мы сначала остоленели, потом возмутились: «Ты что делаешь?!». Мусиченко выключил передатчик и как-то замял это дело. Уже потом, в 80-е годы, мы с Николаем Индюковым обсуждали этот случай, но так и не смогли найти ему объяснения.

Первого мая 1943 года мы переехали в небольшую деревню Колбино, раскинувшуюся на холме недалеко от Колтуш, у перекрестка дорог. Одна из дорог вела в Ленинград, другая — во Всеволожск, третья — в сторону Невы. Несмотря на первый день весны, целый день с утра и до вечера валил снег и мела настоящая метель.

В Колбино нашему взводу достался самый большой двухэтажный дом. Начались занятия. Строевую подготовку проводили прямо на шоссе. Танкисты топали кирзовыми сапогами, поднимая тучи пыли. На политзанятия уходили за деревню. Располагались на небольших живописных холмах, сплошь покрытых кустами черемухи. Черемуха уже цвела, и можно было задохнуться от ее запаха. В ложбинах еще держались талые воды. Стояла теплая солнечная погода. Мы раздевались и загорали, валяясь на земле. Однажды, когда я дежурил на станции, начальник связи Тимофеев обнаружил «занимающихся» во главе с Мусиченко и, в обнаженном виде, повел их в расположение части. Впереди, словно запорожцы, шли пузатые Володин и Емельянов. Рядом шагал длинный

худой Мусиченко. За ними тянулись остальные. Кое-как, на ходу, бойцы сумели надеть кальсоны, и в таком виде были выстроены перед штабом, на потеху всего полка. Надо сказать, что мы зимой и летом ходили в кальсонах и в нательных рубашках.

На следующий день Мусиченко был снят с должности начальника радиостанции и вместо него назначили меня.

Мы часто ходили в Колтуши, где располагался Институт физиологии имени Павлова. Гуляли по огромному парку, на высоких деревьях которого висели сотни грачиных гнезд. От кружившихся в весеннем небе птиц стоял оглушительный крик. Видели знаменитый памятник собаке. купались в местном озере. Из этого же озера брали воду для кухни. В воде плавали всякие жучки и букашки, но мы ее пили, и ничего, не болели.

Помощником начальника штаба был капитан Булыгин. Красивый мужчина, любивший и умевший хорошо одеться. Он был родственником генерала, заведовавшего кадрами в штабе фронта, и этим пользовался, а мы пользовались расположением Булыгина. Иногда капитан давал нам увольнительные в город. На попутной машине мы добирались до Охты и дальше на трамвае до дома. Во время одной из таких поездок у меня началась «куриная слепота». Почувствовал ее накануне. Вечером спускался со второго этажа на улицу и вдруг обнаружил, что ничего не вижу. Сказалось отсутствие витамина Б. Нас часто кормили рисом, а в рисе этого витамина мало.

Когда мы с Труновым добрались до Васильевского острова, наступили сумерки, и я понял, что слепну. Володя довел меня до дома. Отец в это время привез несколько бревен на дрова. Я хотел помочь ему, но Володя не пустил. Они с отцом без меня уложили дрова в сарай.

Я знал, что лучшее средство от куриной слепоты — рыбий жир. Во время войны рыбий жир не был дефицитом. За ночь я выпил сразу несколько ложек. Это помогло, и я быстро поправился. При возвращении в часть поймать попутку не удалось и двенадцать километров пришлось топать пешком. От Пороховых шли в Колбино по Колтушскому шоссе, через поселок торфоразработчиков Янино. Володя был парнем высоким и отмерял метры своими длинными ногами, а мне приходилось брать частотой шагов. Шли быстро и вскоре добрались до места, уложившись в срок.

СИНЯВИНСКИЕ ОПЕРАЦИИ

В июне 1943 года снова оказались в районе Синявино. Нам была поставлена задача — расширить коридор вдоль железной дороги. По этой «Дороге Победы» город снабжался продовольствием. Узкая полоска земли, тянувшаяся от Невы параллельно берегу Ладожского озера до

станции Поляны, насквозь простреливалась противником с Синявинских высот. Бои были не особенно удачными.

Как-то дежурил на рации. На соседней волне работали летчики. Разговор авиаторов всегда отличался избытком матерных слов. Вот и тут я услышал: «„Ишачок“! „ишачок“! Сзади „мессер“. „Мессер“ сзади. Уходи!». И все это перемежалось крепкими словами. В небе над нами услышал рев моторов. Выскочив из машины, увидел, как «мессершмитт» прямо над Невой расстреливает наш истребитель. Подбитый самолет начал падать, но летчик сумел посадить машину на воду. Самолет поплыл по Неве. Пилот вылез из кабины на крыло. Тут же несколько лодок отправилось на помощь. Когда спасенный летчик был уже в лодке, истребитель пошел ко дну.

Через несколько дней нас вывели из боя. Снова вернулись в Колбино. Опять начались занятия. Парторгом взвода был Аркадий Львович Супьян. Позже мы узнали, что в действительности его звали Абрам Липович. Командир броневедомости БА-10, он по совместительству числился еще и парикмахером. Мастер он был хороший. Обслуживал, в основном, полковое начальство, но и мы иногда пользовались его услугами.

Супьян проводил с нами политзанятия. Он садился у распахнутого настежь окна и громко на всю округу выкрикивал: «Ленинградские большевики и ленинградские большевички, это такие большевики и такие большевички...» и дальше все в таком же духе. А мы в это время спокойно занимались своими делами.

22 июня 1943 года, ко второй годовщине начала войны, в газете была опубликована статья, где подводились итоги двух лет боев. На этой почве Мусиченко сцепился с мотоциклистом Логиновым. Старый большевик Логинов доказывал правдивость наших сводок, а Мусиченко уверял, что немцы точнее сообщают потери сторон. Во время работы мы часто попадали на немецкие радиостанции, ведущие передачи на русском или украинском языках. Иной раз, даже не желая того, приходилось слушать: «Увага! Увага! Передаємо останні новини. Сьогодні наші доблесні винушувачи збили двадцять радянських летатив» и тому подобное.

Логинов, недолго думая, пошел к начальнику особого отдела и доложил ему о споре с Мусиченко. Мусиченко вызвали в Смерш и сняли хорошую стружку. Скорее всего, в особом отделе был разговор и с начальником связи Тимофеевым, потому что вечером Тимофеев вызвал меня к себе, забрал ключ от радиостанции и запретил без его ведома ходить на машину. Но убирать машину все равно было нужно, и через несколько дней ключ снова был у меня.

Помощнику начальника штаба Булыгину присвоили звание майора, но он не стал заменять погоны, до тех пор, пока такое же звание

не присвоили его командиру и товарищу — начальнику штаба полка Брюквину. Ждать им пришлось недолго.

19 июля 1943 года мы снова оказались в районе 8-й ГЭС. Командный пункт разместился в песчаном карьере. Подогнали машину задом к обрывистой стенке карьера и развернули рацию. Целью наступления была река Мойка в районе деревушек Арбузово и Анненское. Деревни раскинулись вдоль берега Невы рядом с Невским пятачком. Поддерживали наш полк бойцы морской бригады. В первый же день боев вышли на Мойку, но дальше успех развить не удалось.

В нашем полку, чуть ли не с самого основания, служил радист Петька Яровой. Яровый, как он говорил. Невысокий, плотный, добродушный, не особенно грамотный украинский парень. Радист он был неплохой, но часто с ним невозможно было добиться связи. Два раза убывал он из полка по ранению. Потом из госпиталя попадал в 12-й учебный полк, а оттуда снова возвращался к нам. Хотя знали танкисты, что без нашего полка не обходится ни одна серьезная операция, все равно просились обратно. Вот и Яровой — подучится в учебном полку и снова к нам. Когда последний раз стояли в Колбино, я видел, идет Яровой, несет две анодные батареи. «Петро, куда батареи несешь?», — «Да, вот, на рации — подсели. Надо бы заменить». Было видно, болел за технику. Во время Арбузово-Аннинской операции Петр нас удивил. Таблицу позывных для связи с танками составлял начальник связи Тимофеев. Иногда и мы принимали в этом участие. Наш позывной в этой операции был «Гранит», а 214 танку, где радистом был Яровой, дали позывной «Холст». Когда размножали таблицу, это слово написали не очень четко. Вызываем мы «Долото» — 212 машину, эти номера писались на борту танков. Нас не слышат. И вдруг в наушниках: «„Долото“, „Долото“! Я „Холеп“! Я „Холеп“!». И «Долото» отозвалась. Мы стали разбираться, кто же этот «Холеп». У нас в таблице такого позывного не было. Не сразу догадались, что Петр так слово «Холст» прочел. Вскоре «Холеп» помог связаться и с другой машиной. Мы восхищались Петром. И тут Яровой замолчал. Тщетно вызывали мы его. «Холеп» не отвечал. Через некоторое время мы услышали: «„Гранит“, „Гранит“! Я „Роза“. „Холеп“ горит». Никто из экипажа не спасся. Так Петро Яровой спел свою лебединую песню, перед смертью заработав так, как никогда.

Больше месяца длились тяжелейшие бои. В полку было выведено из строя в общей сложности 44 танка. Днем танки подбивали, ночью их эвакуировали и после ремонта снова бросали в бой. Но и наши танкисты уничтожили много немецкой техники, в том числе новых тяжелых танков «Тигр». Наконец бои стали затихать.

Было мое дежурство, когда заработала армейская станция. Я принял большую радиограмму. Разбудил шифровальщика Федулова. Шифровальщик, открыв глаза, велел мне взять таблицу и раскодировать радиограмму. Адресовалась она помпохозу. В радиограмме говорилось,

что ввиду окончания боевых действий с сегодняшнего числа следует прекратить выдачу спирта личному составу полка. А мы в последнее время договорились выпивать положенный нам спирт по очереди. Сегодня я пью за тебя, а завтра ты за меня. И в этот день я как раз должен был получить двойную порцию. Хотя не отдавай радиограмму. Но отдать пришлось, и плакали мои сто грамм.

И снова мы в Колбино. Через пару дней нас с Володей направили в район Коркинских озер, на сбор радистов фронта. Здесь проходил обмен опытом. Мы познакомились с гвардейцами 45-й дивизии генерала Краснова. Дивизия в свое время была вывезена с полуострова Ханко. Она отличилась при прорыве блокады, за что и получила звание — гвардейская. У Краснова были огромные усы, и он считал, что все гвардейцы должны быть усатыми. По его негласному приказу все бойцы дивизии, даже молодые парнишки, должны были отращивать усы.

Гангутцы показали нам сохраненную со времен обороны Ханко листовку, которую забрасывали к финнам. Это было письмо, адресованное командующему финской армией генералу Маннергейму. Оно было написано по образу и подобию письма запорожцев турецкому султану. Составлено в сильнейших выражениях, напечатано на прекрасной бумаге и обрамлено виньетками с неприличными картинками. При чтении листовки, как и на картине Репина, все вокруг помирало со смеху.

Сборы закончили на день раньше запланированного срока. Мы решили воспользоваться командировочным удостоверением, чтобы съездить домой. Рисковали, но все обошлось.

У меня развился сильный фурункулез. Вновь сказалось отсутствие витаминов. Все тело покрылось чирьями. Долго терпел, но все же пришлось обратиться в медпункт. Показал спину медсестре Гале Петровой, хорошей, веселой девушке. Та посмотрела и с ужасом крикнула врачу: «Товарищ капитан! Посмотрите, что у Колбасова!». Врач мельком взглянула и спокойно сказала: «Ну и что? Выдай рыбий жир». Мне налили поллитровку жира, и мы всем экипажем принимали его по столовой ложке за едой. Пришлось еще два раза ходить в медпункт наполнять бутылку. Через неделю все тело очистилось от болячек.

В августе 1943 года наш взвод и рота техобеспечения были подняты среди ночи по тревоге. Стояла теплая ясная погода. На улице уже было светло. Нас повели на капустное поле около Колтуш. Еще издали мы обратили внимание на его удивительную окраску. Поле было местами голубое, местами желтое и розовое. Когда подошли ближе, выяснилось, что ночью пролетел немецкий самолет и сбросил листовки. Этими листовками и было покрыто поле. Нам поставили задачу — все собрать и, не читая, уничтожить. Конечно, с содержанием мы все равно ознакомились. На разноцветных листах было напечатано обращение командования Русской освободительной армии генералов Власова

и Малышкина, в котором они призывали переходить на сторону немцев. Листовка одновременно являлась пропуском.

В расположении части раздался сигнал подъема. Танкисты выбежали на зарядку, а у нас на поле еще был непочатый край работы. Вскоре и танкисты присоединились к нам. Только к обеду закончили операцию.

Танкисты часто проводили учения на местности. Иногда и мы принимали участие, поддерживая связь. Обычно я держал связь со штабом армии, работал ключом. В этот раз сел на связь с танками по микрофону. Кончились занятия. Танки вернулись в расположение. К нам подошел Александр Смирнов — радист командира полка. Спросил, что за еврей работал сегодня у нас на станции. Мы удивились. Индюков сказал: «Вот, Колька работал». Смирнов не поверил: «Не может быть! Кто-то так картавил, что ничего невозможно было понять». Так я узнал, что при разговоре в микрофон картавлю.

Закончилась наша Колбинская эпопея. Три раза мы приезжали сюда. Наконец погрузились на машины и в который раз направились в сторону Синявино. Выжидательная позиция была в Первом рабочем поселке. Расположились в сосновом бору. Место было очень красивое. Песок, могучие деревья. Землянок не было, жили в машинах. Вместе с нами находились помощник начальника штаба Булыгин и начальник связи Тимофеев. Они спали на скамейках, а мы на полу в проходе. Было тесно. Переворачивались по команде. В шесть утра Булыгин включил приемник. На чистейшем русском языке мы услышали: «Внимание! Передаем важное сообщение. Сегодня наши доблестные grenадеры освободили из тюрьмы дуче Муссолини». Николай Индюков толкнул меня в бок: «Никола, слышишь?». Я ответил, что слышу. В это время раздался стук в дверь: «Радисты, завтрак получать». Была моя очередь идти на кухню. Я быстро оделся. Взял котелки и пошел. Завтрак задержался. Вернулся я не скоро. На подходе к машине повстречался боец из нашего взвода. Он сказал мне, что Трунов чего-то сболтнул и нами теперь занимается особый отдел. Оказалось, что Володя, услышав новость про Муссолини, вышел из машины и стал рассказывать об этом танкистам. Ну кто-то и доложил.

Только я появился в машине, Тимофеев со злостью сказал: «Что, доигрались? Иди к начальнику особого отдела». Пришел. Доложил о прибытии. Старший лейтенант усадил меня за стол и стал расспрашивать о происшедшем. Я рассказал, как было дело. Мол, Булыгин слушал радио. Передавали про Муссолини. Мы не разобрались, кто это передавал. Тут я пошел за завтраком, и что было дальше, не знаю.

Хорошо, начальник особого отдела старший лейтенант Галкин был мужик не глупый. Он сказал: «Слушай, Колбасов. Запретить слушать передачи я вам не могу, у вас работа такая. Но предупреди своих, чтобы ничего никому не болтали. Это плохо может кончиться».

Я целиком был с ним согласен. Попрощавшись с особистом, пошел накачивать своих товарищей.

Через два дня штаб и две танковые роты были переброшены к Пятому рабочему поселку. Сам поселок был полностью уничтожен. От домов осталось лишь несколько фундаментов. Был сентябрь. С утра стояла ясная солнечная погода. На небе ни облачка. Знали, что сегодня будем атаковать Синявино. Впереди виднелась Синявинская высота. Она выделялась на горизонте, как большой ровный стол, на котором не было ни деревца, ни кустика. Все было сметено ураганом войны.

Привезли завтрак. Танкисты потянулись к кухне. И тут выяснилось, что не привезли спирт. Командиры рот, капитаны Конищев и Селиванов, приказали экипажам завтрак не получать. Танкисты ходили вокруг походной кухни и, несмотря на призывы повара «Ребята? Ну, что же вы? Получайте завтрак!», — завтрак не брали. Так случилось, что в это время командир полка майор Семеркин заболел и вести полк в бой должен был его заместитель по строевой майор Примаченко. Для майора это было как экзамен, и начинался он неудачно. Примаченко подошел к танкистам и спросил, почему они не завтракают? Ему ответили, что нет аппетита. Вот если бы был спирт, то, может, и аппетит появился бы. Примаченко вызвал помпохоза и велел немедленно доставить спирт, пригрозив, что в противном случае будут большие неприятности. Павел Данилович Примаченко, как командир, хорошо смотрелся. Он был крепкого телосложения, пользовался большим авторитетом. Не прошло и получаса, как спирт был привезен и выдан. Все стали завтракать, а помпохоз начал собирать комиссию по списанию неприкосновенного запаса — НЗ. Обычно танки еще не успевали выйти с исходных позиций, а комиссия уже готовила документы о том, что НЗ полностью уничтожен. И действительно, при атаке тушенка и печенье из НЗ сразу съедались экипажем, чтобы не допустить утраты продуктов в горящей или подбитой машине.

Правой рукой помпохоза был кладовщик продовольственного склада Борис Шанглер. Выглядел он лет на сорок. На складе у Шанглера всегда был порядок. Документация велась так, что никакая ревизия не могла придраться. Несколько раз мы помогали ему перегружать привезенные для полка продукты в фургон, который использовался как склад. По окончании работ Шанглер обязательно наливал помощникам водки и выдавал бутерброд на закуску. И, что удивительно, у него никогда не было недостачи.

Не успели танкисты позавтракать, как раздалась залпы артподготовки. Танки, вытянувшись по единственной дороге, ведущей к высоте, пошли в атаку. Справа и слева от дороги раскинулись торфяные болота. Через несколько минут по этой же дороге прошли еще две роты из Первого поселка. Грохотали пушки, летали самолеты, били зенитки.

Небо слегка покрылось облаками, и я даже подумал, что его затянуло дымкой от разрывов снарядов.

Мы с Николаем Индюковым расположили радиостанцию в бетонном колпаке, что стоял у самой дороги. На втором этаже этой огневой точки лежала маскировочная сетка, на которой мы по очереди отдыхали. До нас здесь, видно, побывали солдаты, возвращавшиеся с переднего края. В сетке было множество вшей. Мы вскоре это почувствовали. Хорошо, что операция длилась всего три дня. После сразу отправились на санобработку, чтобы избавиться от насекомых.

Синявино взяли, но дальше развить успех не удалось. Потеряв более половины танков, вышли из боя. Так что у помпохоза сорвалась большая экономия спирта.

После Синявино нас перевели на правый берег Невы. Разместились в рабочем поселке пятой ГЭС. Поселились в небольших домишках из красного кирпича. Поселок находился недалеко от Володарского моста. Наш экипаж жил на кухне в одной из квартир.

Однажды вечером во дворе мы пилили дрова. У кого-то оказался патрон осветительной ракеты. Подождли. Патрон вспыхнул ярким светом. Прибежал комендант городка, начал разбираться: «Кто подавал сигнал?». Мы уверяли, что ничего не видели. Комендант не унимался. Это продолжалось довольно долго. Неожиданно пила наскочила на осколок в бревне. Сломался зуб. Комендант, качая головой, стал рассматривать поломанный инструмент, и на этом инцидент был исчерпан.

8 ноября нам с Володей дали увольнение домой. Чтобы сократить путь, мы не пошли через Володарский мост, а воспользовались перевозом на лодке. День провели с родными, а вечером возвращались в часть. Опаздывали. На Площади Труда в трамвай вошел патруль моряков. Нас вывели из вагона, стали проверять документы. Что-то патрулю не понравилось. Нас уже хотели задержать, но как только моряки открыли наши красноармейские книжки и увидели, что мы из 31-го гвардейского танкового полка, отношение сразу изменилось. Спросили, были ли мы под Арбузово. Оказалось, что они из морской бригады, которая вместе с нами участвовала в боях на Мойке. Расстались мы друзьями, пожелав друг другу всего наилучшего.

Офицеры жили рядом с рабочим поселком пятой ГЭС, в большом пятиэтажном доме. Несколько раз мне пришлось побывать в квартире, где остановился капитан Тимофеев. Поразила находившаяся в одной из комнат большая библиотека. Восхищали стоявшие на полках книги Александра Дюма, которые я мечтал прочитать, учась еще в школе. В детстве кроме «Трех мушкетеров» я ничего не смог достать.

В конце ноября 1943 года нас перевели на Охту. Поселили в маленьких домиках, расположенных вдоль шоссе Революции, рядом с Пороховской улицей. Родители были довольны. Они запросто могли

приезжать навещать нас. Правда, по городу ездить было небезопасно. Каждый день по многу раз производились обстрелы.

На Охте мы жили среди гражданских лиц. Ходили в кинотеатр «Звездочка». Посетили баню на Мытнинской. Многие познакомились с девушками из ПВО. Их казармы находились рядом на Ржевке.

Пришло время расстаться с Мусиченко. Его откомандировали в распоряжение ВВС. Мы крепко обнялись, и он уехал.

Многие годы я ничего не знал о дальнейшей судьбе Мусиченко. Только сейчас, в 2016 году, когда появился доступ к военным архивам, мне сообщили, что Мусиченко направили стрелком-радистом в штурмовую авиацию. Мы простились с ним в декабре 1943 года, а через месяц, 19 января 1944 года, Федор Акимович Мусиченко погиб при выполнении боевого задания, его самолет был сбит заградительным огнем противника.

Ушел на повышение начальник штаба Булыгин. Он стал начальником штаба 46-го танкового полка и там служил до конца войны. Много лет спустя Булыгин попал под суд за валютные махинации и был приговорен к расстрелу.

На Охте мы встретили новый 1944 год. Впервые прозвучал по радио гимн Советского Союза «Союз нерушимый республик свободных». Мы много занимались. Ходили на ученья на Ржевку.

Как-то ночью ротные Конищев и Селиванов ушли на танке в самоволку. На КПП их попытались задержать, но они сломали шлагбаум и уехали. Был скандал, но его замяли.

5 января полк подтянули поближе к Пулково. Мы остановились в Благодатном переулке. Николай Индюков оказался совсем рядом со своим домом. Даже ходил домой ночевать.

12 января отдали на зарядку аккумуляторы. Для накала ламп радиостанций использовались танковые кислотные аккумуляторы. Переносили их вдвоем. Они были тяжелые, свыше 50 кг, но зато энергии хватало надолго. К этим же аккумуляторам подсоединялись для освещения машины или землянки. Для питания электронных радиоламп применялись батареи БАС-90. Элементы этих батарей мы использовали для зарядки фонариков.

На следующий день мы отправились получать аккумуляторы из зарядки. Пришли, но их еще не успели зарядить. От нечего делать вышли на Московский проспект. На углу оказалась парикмахерская. Как раз мы получили зарплату и решили перед боями подстричься. Зашли, сели. В парикмахерской несколько человек ожидали своей очереди. Мы начали подшучивать над девушками-мастерами. Они отвечали. Зацепили сидящего молодого офицера, тот начал сердиться. Это нас только раззадорило. Все хохотали. Лишь сидевший в очереди старик, покачивая головой, сказал: «Ребята, не к добру смеетесь». Мы ответили: «Знаем, батя» и продолжили шутить. Володя сел в кресло, а девушка-мастер от

смеха не могла его стричь. Смеялись все, и только старик твердил свое: «Ох, ребята! Не к добру смеетесь!». Наконец мы подстриглись. К этому времени аккумуляторы были заряжены, и мы отвезли их на радиостанцию.

Вечером к нам подогнали броневик Трутнева. Началась погрузка имущества. Предстояло ехать на Пулковские высоты, там автоматчики подготовили для нас землянки. Часов в одиннадцать вечера двинулись в путь. Не успели выехать на Московский проспект, как распаялся прихваченный морозом радиатор. Командир взвода Грязнов побежал в часть и пригнал броневик, водителем которого был наш Володин. Перегрузились. Поехали дальше. На Московском проспекте полетело сцепление. Володин, повозившись, подтянул его. На Средней Рогатке, там, где сейчас на площади Победы стоит памятник, сцепление окончательно вышло из строя. Грязнов на попутке поехал в часть за новым броневиком. Через час машину привел Емельянов. Снова перегрузились. Добравшись до Пулково, повернули направо, и, когда уже поехали вдоль высоты, броневик неожиданно соскользнул в кювет. Мы уже стали вспоминать слова старика. Пришлось повозиться, прежде чем удалось вытолкать броневик из канавы. Наконец к четырем часам утра прибыли на место. Быстро разгрузились и, отправив броневик назад, начали осваивать землянку.

Первым делом необходимо было установить антенну. В полной темноте, изредка прерываемой светом ракет, вылезли наверх землянки, забили в мерзлый грунт кол, привязали изолятор и стали вставлять штыри антенны. В этот момент вдаль разорвалась мина. Потом другая. Разрывы ложились все ближе и ближе. Чувствовалось, сейчас накроют. Прямо с крыши землянки, не сбегая на лестницу, нырнули под бревенчатый накат. Грохнул взрыв, и разрывы покатались дальше. Когда обстрел затих, мы вылезли из укрытия. От вбитого нами кола остались лишь щепки. Пришлось вкапывать новый. Установили антенну, подключили станцию. Рассвело. Кухня остановилась вдаль от нас, на склоне холма. Мы с Николаем взяли котелки и пошли получать завтрак.

Пока ходили на кухню, «заиграли» «катюши», началась артподготовка. Когда возвращались к землянке, немцы огрызнулись. Пришлось полежать, переждать пока закончится обстрел.

БОИ ПО ПОЛНОМУ СНЯТИЮ БЛОКАДЫ. ПУЛКОВСКАЯ И КРАСНОСЕЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИИ

14 января 1944 года начались бои по полному снятию блокады Ленинграда. 2-я ударная армия перешла в наступление с Ораниенбаумского плацдарма, а 15 января на Пулковском направлении ударила наша 42-я армия. После артподготовки поднялись в атаку гвардейцы

30-го корпуса генерала Симоняка. Наши танковые полки должны были их поддержать. Сначала все шло хорошо. Наступали в районе, где сейчас находится Южное кладбище. Прорвав передний край немецкой обороны, вышли к Большому Виттолово. Уперлись в противотанковый ров. Для преодоления рвов в полку имелся специальный танк на базе Т-34. Вместо башни у него была установлена ферма от моста. Танк вошел в ров, а другие машины должны были по ферме моста форсировать препятствие. Первый танк преодолел ров успешно, а второй завалился и забуксовал. Машины встали. Переправившийся танк двигался вперед-назад вдоль рва. Из штаба БТМВ армии шли грозные радиогаммы: «Почему не продвигаетесь вперед?!». Мы передавали распоряжения командиру полка подполковнику Семеркину, но толку было мало. Назревал скандал. Семеркину грозил трибунал. Командующий БТМВ армии полковник Жуков выехал на передний край. Он прибыл на «тридцатьчетверке» с разорванной взрывом пушкой. Ствол был как лепестки цветка. В это время командир полка Семеркин получил ранение в ногу. Вместе с ним был ранен и наш герой-танкист Яков Казак. После госпитализации они уже к нам не вернулись.

Командование полком принял майор Примаченко Павел Данилович. Поступил приказ перейти в полосу наступления 46-го полка, где саперами были проделаны проходы во рве. Танки должны были преодолеть препятствие и, вернувшись на свою полосу, продолжать выполнение боевой задачи. Приказ был выполнен.

Полк оказался за Пулковской высотой. Мы развернули станцию в землянке. Начали связываться со штабом. Слышим, нас вызывают. Отвечаем, но нас не слышат. Ночью в полк прибыли два лейтенанта из штаба армии. Стали разбираться, почему нет связи. Причину нашли быстро. Выяснилось, что обычно мы работали на штыревую антенну. Ее мощности вполне хватало в боях местного значения, когда расстояния были небольшие. А сейчас, во время успешного наступления, мы ушли далеко от штаба армии, да еще перевалили через высоту, вот связь и прервалась. Пришлось развернуть довольно громоздкую, но мощную выносную сеть, и связь сразу наладилась. Поблагодарив посланцев за урок, мы продолжили работу. Начальник связи Тимофеев попытался поднять вопрос о замене радистов, но начштаба Брюквин твердо сказал: «Мы воевали и еще повоюем с этими ребятами».

На следующий день по лесной дороге полк направили в сторону Красного Села. Впереди была пробка. Вышли из машины поразмяться. Взглянули вперед, и стало не по себе. Прямо перед нами возвышалась знаменитая Воронья гора. Ее крутые склоны были все покрыты лесом. До войны сюда выезжали ленинградцы кататься на лыжах. Сейчас же высота являлась основным центром немецкой обороны. С горы великолепно просматривались все окрестности вплоть до Ленинграда. На

склонах были оборудованы позиции тяжелых орудий, обстреливавших город. Эту высоту нам предстояло брать.

В боях за Красное Село принимало участие несколько танковых полков совместно с 30-м гвардейским корпусом. Противник взорвал плотины и затопил низины. Но войска по ледяной воде все равно шли вперед. В районе Вороньей горы наш полк взаимодействовал с 63-й сводной гвардейской дивизией. В ночь на 19 января, взяв на борт десант пехоты, танки обошли Воронью гору справа и, миновав станцию Дудергоф, ударили в тыл врага. Полк ворвался в деревню Кавелахта. Из большого дома с антенной на крыше высочил немецкий офицер. Увидав на башнях звезды, он хотел бежать, но был убит. Тут же танкисты расстреляли дом, где, судя по антенне, размещался штаб. Немцы быстро опомнились и перешли в контрнаступление. Особенно активно враг атаковал со стороны Вороньей горы. Наши танки заняли круговую оборону. Пехотинцев оставалось все меньше и меньше. Командир полка Примаченко запросил помощь. Мы передавали радиogramмы в штаб армии с просьбами подбросить пехоту. Из штаба обещали помочь, но поддержки не было. Наконец штаб армии дал разрешение на отход. Мы сообщили об этом танкистам. Примаченко ответил, что у него много «больных», подбитых танков и он не может их бросить. Поэтому полк будет продолжать бой. Только к середине следующего дня подошла пехота. Танкисты получили передышку. Когда мы встретились, ребят было не узнать. За какие-то сутки они осунулись, лица почернели от копоти. Они бросились к нам, стали обниматься, целовать. Чувствовалось, как ребята были счастливы. Мы тоже от души радовались их возвращению. Практически в бою за Красное Село наш полк, зайдя в тыл противника, принял огонь на себя, в то время как основные силы штурмовали Воронью гору с другой стороны.

19 января Красное Село было взято. За эту операцию полк был награжден орденом Красного Знамени, и ему было присвоено звание — Красносельский. Нам с Володиёв вручили медали «За отвагу» и присвоили звания сержантов.

После взятия Дудергофских высот наш штаб расположился на Вороньей горе. Мы стояли около своей машины, когда рядом раздался рев «ишака». Так солдаты называли немецкий реактивный шестиствольный миномет. У «катюш» направляющими для снарядов служили рельсы, а немецкие реактивные мины вылетали из стволов. Услышав рев мин, мы бросились по укрытиям, но разрывов не последовало. Выяснилось, что наши ребята нашли брошенный немецкий миномет и начали его изучать. Развернули ствол в сторону противника и дали залп, наделав переполох.

БОЛЬШАЯ ПУДОСТЬ, ЕЛИЗАВЕТИНО

Передохнув, мы пошли в направлении на Большую Пудость. Проехали полуразрушенную деревушку, притаившуюся в лесу. Вокруг нее было много сгоревших и подбитых Т-34. Это танковая бригада полковника Хрустицкого попала в засаду, и вот результат.

Наша машина выехала из леса. Впереди на поле разместились батареи 82-миллиметровых минометов. Мы решили сходить, посмотреть. В этот день была оттепель. Захотелось попить. Вдоль обочины тек ручеек. Остановились, попили талой водички, а метров через десять, в канаве, по которой как раз и протекал ручеек, увидели оттаявший из-под снега труп немца. Плюнули и пошли к минометчикам.

В этот момент раздалась команда: «Батарея! К бою!». Из укрытий выскочили бойцы и встали к минометам. Командир скомандовал: «Прицел такой-то. Пятью минами. Первое — огонь! Второе — огонь!» — и так далее. Минометчики по очереди опускали мины в стволы. Раздавались выстрелы, и было видно, как мины пропадали в вышине. Вдруг одна из них зависла на небольшой высоте и стала падать. Все бросились на землю. Раздался взрыв. К счастью, никто не пострадал. Расчеты снова встали к минометам и продолжили стрельбу. После отбоя минометчики рассказали, что такие случаи у них не редкость.

В 6 часов утра, как всегда, передали последние известия. Начали со сводки Совинформбюро. На Ленинградском фронте продолжалось наступление. За последние сутки были освобождены такие-то населенные пункты. Начальник штаба майор Брюквин пометил эти пункты на карте. Надо было как раз ехать в штаб дивизии. Еще вчера приходилось ехать в объезд, а теперь через только что освобожденную деревню можно было попасть в штаб напрямик. Выехали на броневике Емельянова. Командир броневика Супьян уселся на башне. Подъехали к переднему краю. Впереди взлетали осветительные ракеты. Проехали вперед. Ракеты стали взлетать по бокам, а потом и вовсе позади машины. Брюквин посмотрев карту, сказал, что сейчас должен быть перекресток дорог. И точно, впереди показалась развилка. На ней горел костер. Вокруг костра грелись солдаты. Рядом стояла небольшая пушка. Брюквин вышел из машины, включил фонарик и направился к бойцам уточнить маршруты. И тут он услышал по-немецки: «Кто идет?». Что-то неразборчиво пробормотав в ответ, начальник штаба спокойно развернулся и пошел назад. Подойдя к машине, тихо сказал Емельянову: «Быстро разворачивайся!». Шофер сразу все понял, молниеносно развернул броневик. Брюквин сел, и машина помчалась обратно. Супьян даже ничего не понял. Броневик летел назад, к линии фронта. Вдоль дороги, пригибаясь, шли немцы. Увидав несущуюся к переднему краю машину, они стали махать руками мол: «Куда претесь? Там русские». Наконец броневик въехал на наши позиции. Когда вернулись в часть, Емельянов рассказал

о случившемся. Через некоторое время на радиостанцию зашел Брюквин. Мы стали расспрашивать его, как было дело. Майор, удивившись, что мы уже все знаем, сказал: «Да, ребята. Струхнул я. Если бы узнали, что начальник штаба полка попал в плен, досталось бы. Да у меня еще с собой были карты с нанесенной обстановкой. Ну да ладно, все обошлось. Оказывается, сводкам не всегда можно верить».

На другой день полк далеко ушел вперед. Кухня отстала. Мы сели перекусить тем, что было. Достали хлеб, посыпали сахарным песком. Предложили начальнику штаба. «Да, нет, ребята, не хочется», — ответил Брюквин. Через некоторое время майор опять зашел на станцию и спросил: «Хлопцы, вы угощали меня хлебом, не осталось ли?». Мы ответили, что хлеб есть, а сахар закончился. Предложили ему посыпать хлеб солью. Увидев крупную соль, начштаба отказался. Мы растерли соль в ложке. Посыпали хлеб. Перекусив и попив воды, Брюквин сказал: «Вот, спасибо! Теперь опять воевать можно!». И ушел по своим делам.

Нас развернули на запад. После короткого боя вошли в Елизаветино. Перед поселком раскинулось большое поле. Всюду на черном от копоти снегу лежали наши пехотинцы, павшие при взятии Елизаветино. Дымились пожарища. Мы остановились. Начальник штаба Брюквин куда-то ушел. Мы увидали, что солдаты тащат какие-то банки. Поинтересовались, что в них. Оказалось, рядом два немецких продовольственных склада. Мы побежали туда. Один из складов еще горел. В нем хранились большие банки с мясными консервами и горохом. Мы набрали столько банок, сколько могли унести. Некоторые консервы от жары раздулись, но это было не важно. На другом складе нашли тубики с плавленым сыром и пакеты с галетами. Затарившись провиантом, быстро вернулись к машине. Возвратился Брюквин. Перекусили и тронулись дальше.

Противник поспешно отступал. Нас развернули на Гдов. Полк вступил на территорию знаменитого партизанского края. Мы шли, не встречая сопротивления. Задержки происходили только у взорванных мостов, на время, пока саперы восстанавливали переправы. Вышли к реке Плюсса, и нас отправили на отдых.

В ЗАПОЛЬЕ

Деревня Заполье Волосовского района была со всех сторон окружена лесом. От войны она совершенно не пострадала. Мы расквартировались у хозяйки с тремя маленькими ребятишками. Хозяйка жила без мужа. Внутри стены дома вместо обоев были оклеены немецкими газетами на русском языке. Мы с интересом читали эти газеты. В них было много карикатур на Сталина и Эренбурга.

До прихода наших войск в доме стояли немцы. Хозяйка отзывалась о них спокойно. Ничего плохого они не делали. Угощали ребят сладостями. Не нравилось только то, что, сидя за столом, немцы портили воздух. Когда хозяйка делала им замечание, они, смеясь, отвечали: «Матка, это хорошо. Хуже держать воздух внутри». А вот эстонцев крестьяне ругали. Карательные отряды, набранные из эстонцев, свирепствовали по деревням в поисках партизан.

23 февраля 1944 года в Заполье мы отметили день Красной Армии. Перед этим Трунов съездил в командировку в Ленинград и привез водки. С утра выпили. Когда началось построение для вручения наград, мы уже были навеселе. В этот день нам вручали медали «За отвагу». Потом все собрались в фургоне. Зашел командир первой роты Селиванов Федор Степанович. Ему только что присвоили звание майора. За умелое руководство подразделением он получил еще и орден Александра Невского. У Селиванова и без того вся грудь была в орденах. Мы поздравили ротного с наградой и пожелали дальнейших успехов. По званию он уже давно перерос должность командира роты и должен был в скором времени получить повышение. Но Селиванов вдруг сказал, что не рад ни ордену, ни званию. Что чувствует, это последняя награда. Мы успокаивали его, говорили, что еще повоюем вместе. Но он твердил свое: «Нет, хлопцы, отвоевался я». И как в воду глядел.

В полку была киноустановка. Заведовал ею киномеханик Анатолий Штеренталь. Аппаратура у него была старая и в таком разбитом состоянии, что просто удивительно было, как она все же работала. Он постоянно возил ее в город ремонтировать, но и после ремонта техника все равно барахла. Зато Анатолий славился своим остроумием. Офицеры старались с ним не связываться. Говорить он умел и делал это красиво. Товарищи часто обращались к Штеренталю с просьбой написать письмо любимой девушке. Анатолий мастерски сочинял целые романы, слушать которые собирался весь полк.

В Заполье замполит решил провести политработу среди освобожденного от оккупантов населения. Устроили показ фильма «Она защищает Родину». Народ собрался со всех окрестных сел. Перед сеансом замполит майор Смирнов провел беседу. Начался фильм. Вскоре лента стала рваться, и сеанс пришлось приостановить. Закончилось все тем, что Смирнов велел киномеханику спуститься в зал и рассказать содержание картины. Под смех зрителей Штеренталь вышел на сцену и без подготовки, сходу пересказал весь фильм. Анатолий прошел с нами весь боевой путь до самого конца войны. После войны Штеренталь вернулся в институт кинематографии.

Как-то во время обеда врач полка, снимая пробу, обнаружила, что суп пересолен, а каша подгорела. И хотя повар Сашка пытался доказать, что все в норме, раздача пищи была запрещена. Назревал конфликт. Доложили командиру полка. Майор Примаченко сам пришел

на кухню. Попробовал суп, покачал головой: «Да, суп пересолен». Попробовал кашу. Отругал повара. Потом обратился к танкистам: «Обед, конечно, неважный. Солдаты, съедите?». Все дружно гаркнули: «Съедем!», — «Сашка, раздавай пищу». «А тебе, — сказал он, обращаясь к повару, — трое суток ареста, с исполнением обязанностей». Танкисты получили обед и с шутками стали расходиться.

В свободное время мы часто ходили в лес, окружавший деревню, и там подолгу бродили. Обратили внимание на множество заячьих следов. В некоторых местах в снегу были протоптаны настоящие заячьи тропы. Наш радиомастер Толя Мироненко был родом из Казахстана, чалдон, как мы его называли. Он пообещал: «Ребята, будем с зайчатинной». Мы только посмеялись. Придя в деревню, Анатолий отжег телефонный провод. Из проволоки изготовил петли. Получившиеся силки расставил в лесу, на заячьих тропах. Дня три подождали, а когда пошли проверить силки, нашли замерзшего зайца. Его уже начали клевать вороны. Зайца разделали и отдали хозяйке на кухню. Она стушила его с картошкой. Получилось такое блюдо, что просто пальчики оближешь! После этого попалось еще несколько зайцев. Мы даже шкуры научились снимать.

Наш новый шофер Дима Борисов увлекался фотографией. К сожалению, у него не было увеличителя. Печатали фотокарточки контактным способом, прижимая пленку к фотобумаге. У меня осталось несколько таких маленьких фотокарточек на память.

В Заполье у нас появился новый помпотех. Почему-то все его звали Трошей, хотя он уже был майор. Троша прекрасно знал и любил технику. Как-то, получив новенький белый полушубок, помпотех пошел по деревенской улице. Увидев танк, около которого возились механики, он подошел к ним. Оказалось, барахлил мотор. Троша тут же полез внутрь машины. Щегольской полушубок сразу потерял весь свой вид. Через некоторое время мотор взревел. Троша сел за рычаги и задним ходом погнал танк на такой скорости, на какой иной водитель и передом не смог бы ехать.

Пришло время уезжать из Заполья. Сердечно попрощавшись с хозяйкой и ребятишками, мы забрались в машину и тронулись в путь. Стоя в дверях фургона, мы еще долго махали руками хозяйке и ее ребятишкам. Тут я поймал себя на мысли: а не последний ли это будет бой? Пока везло, а вернемся ли мы из этой операции?

БОИ ПОД ПСКОМ

Предстояло прорывать оборону противника между Псковом и Островом. Сосредоточились в районе опытной станции Стремутка, небольшой деревушки, состоявшей из нескольких новехоньких домов.

Через несколько дней выдвинулись на КП. Разместились в большом пустом гумне. С торца — широкие ворота. Вдоль стен на земле валялись брошенные доски. Установили рацию у дальней стены и начали работу.

После артподготовки танки пошли вперед, но вскоре уперлись в маленькую речку Многу. Пришлось ждать, пока саперы наведут переправу. Руководили работой замполит майор Смирнов и парторг капитан Чернов. Когда переправа была готова и танки двинулись вперед, на один из них вскочил Чернов. В это время начался воздушный налет. Штук 60 немецких бомбардировщиков бомбили передний край. Попали под удар и наши танки. При этом налете погиб парторг капитан Чернов.

Услышав рев моторов и свист бомб, я подошел к воротам и выглянул из сарая. Стало жутко — все небо над нами было закрыто немецкими самолетами. Они разворачивались прямо у нас над головами и пикировали на позиции наших войск. Начальник связи Тимофеев то подползал к воротам, то, выглянув наружу, тут же быстро отползал в глубину сарая, чтобы через минуту снова ползти к воротам и наблюдать за тем, что творится снаружи.

Машина майора Селиванова одна из первых перешла через железнодорожные пути, связывающие города Псков и Остров. Вдоль шоссе стояли сельские дома. Танк ротного остановился. Селиванов открыл люк, высунулся по грудь и стал осматривать местность. В коверкотовой гимнастерке, со всеми орденами на груди, он был прекрасен. Из ближайшего дома раздался выстрел, и майор сполз в башню. Сбылось его предчувствие. Дом тут же расстреляли из танка.

Похоронили майора Селиванова и капитана Чернова в расположении 12-го учебного полка. Мы часто вспоминали этих замечательных людей.

Продвигаясь лесами, танки шли к реке Великой. Одна из машин, вырвавшись вперед, миновала линию фронта, но подорвалась на mine. Уцелели радист и механик-водитель. Радист отправился за помощью, а водитель остался в машине. Послышались голоса немцев. Водитель открыл аварийный люк в днище танка и стал ждать. Уже было темно. Он услышал, как со словами «Русь КВ! Русь КВ!» немцы забрались на танк, заглянули внутрь и пошли дальше, к переднему краю. Водитель выполз из танка и потихоньку стал пробираться вслед за немцами к переднему краю. Вскоре он вышел к нашим позициям, но за это время поседел.

Мы работали на радиции в землянке на берегу махонького ручейка. Ручей был покрыт льдом, но местами в нем чернели промоины. Над землянкой, как поется в песне, стояла сосна, с побитыми осколками ветвями. Через два дня боев в полку осталось очень мало уцелевших танков. Получили приказ выйти на пополнение. За нами прибыл броневик, и мы стали грузить аппаратуру. В это время к начальнику штаба Брюквину зашли зампострой и помпотех Троша. Нас попросили оставить

на время аккумулятор и лампочку. Мы с Труновым подождали, пока офицеры закончат выпивать, взяли аккумулятор и потащили к броневику. Напрямую через ручей было не пройти, пришлось обходить промоину. По шоссе в это время двигалась колонна «тридцатьчетверок». Немцы обнаружили колонну и открыли артиллерийский огонь. Мы с Володей уже подбегали к броневику, когда услышали свист снаряда. По звуку было ясно, что взрыв будет где-то совсем рядом. У броневика стоял пожилой солдат, ординарец начальника штаба Перевозчиков. Мы упали на снег и, уже лежа, поползли, стараясь прятать головы за аккумулятор. Как только раздался взрыв и просвистели осколки, мы, словно подброшенные пружиной, вскочили, как пушинку схватили четырехпудовый аккумулятор и поставили его в машину. Почувствовав, что сейчас разорвется следующий снаряд, тут же бросились под броневик. Когда обстрел закончился и мы вылезли из-под машины, то увидели, что Перевозчиков лежит и не поднимается. В это время слышался голос командира взвода Алексея Грязнова: «Ребята, помогите. Я ранен». Побежали к землянке, но там никого не оказалось. Пока искали взводного, броневик поехал в сторону шоссе. Перебравшись через ручей, мы побежали ему наперерез. Броневик притормозил, и мы на ходу вскочили на машину. Она вся была облеплена людьми. Грязнов лежал внутри. Я пристроился на небольшой подножке сбоку двери, уцепившись руками за крыло колеса. Почувствовал, что моего лица касаются чьи-то волосы. Посмотрел, это была голова погибшего Перевозчикова. Автоматчик Турло, сидя на башне, держал ординарца за ноги, а туловище сползло на броню двигателя. Я крикнул. Турло поддернул и отодвинул голову ординарца в сторону. Тут начался новый артналет. Мы прижались к броне, но все обошлось. Въехали в Стремутку. Слезли с броневика и направились к дому. И тут мне стало худо. Я снял шинель. Ребята осмотрели, но ничего не обнаружили. Меня подвели к дому, посадили на завалинку. Через несколько минут головокружение прекратилось. Наверное, сказалось пережитое волнение. Алексею Грязнову осколок попал в пятку. Его отправили в госпиталь на лечение, и оттуда он демобилизовался.

Нас отвели на отдых в совхоз «Терпилицы». Селение было окружено лесами. На околице огромное немецкое кладбище. Другого такого я больше не встречал. Чувствовался немецкий порядок. Одинаковые березовые кресты были установлены стройными рядами. На крестах — фанерки с надписями готическим шрифтом. Приятно было посмотреть, но наша пехота уже начала ломать кресты на дрова.

После небольшой передышки оказались в районе Карамышево. Сначала наступали успешно, но весна сделала свое дело. Началась распутица. Снабжение нарушилось, и продвижение войск прекратилось. Полк получил приказ отойти. Полк вывели в тыл, а радиостанция, броневик Емельянова и летучка техчасти застряли. Дороги раскисли.

Чтобы их окончательно не разбить, был отдан приказ полностью перекрыть движение.

На дорогах установили контрольные посты. За попытку проезда грозил расстрел. Но двигаться как-то надо было, и техника пошла в объезд дорог, по полям. Поля превратились в жидкое месиво. Машины буквально плыли в грязи. Водители подъезжали к канаве, рассматривали ее и бросали машину на штурм. Если удавалось проскочить, двигались дальше, до следующей канавы. Если не везло, машина застревала. Ее пытались вытаскивать на руках. Если это не удавалось, то водителю оставалось только сидеть и ждать помощи. Вдоль трассы проезжали тракторы. Их подзывали, просили дернуть. Трактористы торговались. Если получалось договориться, расплачивались консервами и концентратами. Тракторист цеплял трос и, предупредив, что за последствия не отвечает, дергал. Иногда машину вытаскивали, и она продолжала движение дальше, а иной раз отрывался задний мост. Тогда трактор уходил, а машина оставалась сидеть в канаве. По ночам подмораживало. Утром по грязи было не пройти. Сапоги застревали в густой жиже, и их приходилось выдергивать руками.

Несколько дней мы просидели на дороге. Сходили в ближайшую деревню. Домов в деревне не осталось, люди жили в землянках. Обменяли трофейные одеяла на молоко, но в придачу притащили из землянок вшей. Вскоре их развелось столько, что мы не знали куда деваться. Утром, проснувшись, первым делом снимали белье и отлавливали этих насекомых. За раз каждый набирал до трехсот штук. Даже бега стали устраивать.

Питались сухим пайком. Готовили по очереди. Как-то было мое дежурство, а я проспал. Когда вскочил и стал кипятить воду, то поставил плоскую банку у самого костра, а сам пошел готовить продукты. Банка закрывалась заворачивающейся пробкой. Когда вернулся, банка от пара вздулась. Я начал аккуратно отворачивать пробку. Мне бы остановиться, но я сделал еще один оборот. Пробку вырвало, струя пара хлестанула по руке и по лицу. Я упал на землю. Первая мысль была — ослепну. Подбежали друзья, подняли. Попытался открыть глаза, и, о счастье, — вижу! Рука и лицо были сильно ошпарены, до пузырей. Я натер обожженные места мылом. Дима Борисов побежал в ближайший медсанбат за лекарством. Там лекарства не оказалось, и ему пришлось идти в госпиталь, расположенный от нас в двух километрах. Но и там Борисову отказали, сказав, что я должен явиться сам. Придя в госпиталь, который разместился в палатках, я заглянул в одну из них и попросил помочь. Лицо к этому времени покрылось черной коркой, мокрой от жидкости из лопнувших пузырей. Взглянув на меня, врачи заохали. Я объяснил им, что корка от мыла. Меня отругали и стали смывать мыло глицерином. Когда мыли, мыло попало в глаза, потекли слезы. Наконец обожженные места смазали мазью, забинтовывали лицо и руку. Через

пару дней надо было прийти на перевязку. Беспокоила мысль, что на лице останутся следы от ожогов. Проснувшись утром, я обнаружил, что вши уже успели забраться в бинты и выглядывают оттуда.

Дорога постепенно просохла. В один из дней солдаты с КПП куда-то отлучились, и мы попытались прорваться в свою часть. Попытка удалась, и к обеду мы уже были в родном полку. Сразу же пошли в санчасть, чтобы избавиться от насекомых. Нам устроили баню, сменили белье. Продезинфицировали машины. На следующий день эту операцию повторили. Со вшами было покончено. В санчасти сделали несколько раз перевязку ошпаренных мест. Лечение закончилось. Лицо, к счастью, осталось чистым, а на руке еще долго сохранялось красное пятно.

Ехали на новое место. Впереди на холме показалась деревня. У подножия холма заметили скопление машин, а на пригорке какое-то странное сооружение, два столба с перекладиной. Рядом толпа людей. Остановились, спросили, что происходит. Оказалось, в деревне проходит суд над изменником Родины. Когда пришли немцы, сын раскулаченного мельника пошел служить старостой. Из лагеря под Псковом бежали трое наших военнопленных. Они укрылись в деревенской бане, и местные жители их подкармливали. Узнав об этом, староста выдал бойцов. Беглецов схватили, а тех, кто им помогал, немцы угнали в Германию. После освобождения деревни старосту арестовали. И вот сейчас заканчивается суд. Через некоторое время на дороге показалась толпа народу. Впереди два бойца вели маленького старика. Одет он был в военный полушубок, на голове шапка с одним опущенным, а другим поднятым ухом. Это был живой труп. Старик ничего не видел, и его приходилось тащить. Осужденного подвели к виселице. Около нее стояла машина ЗИС-5 с откинутыми бортами. На машину взобрались члены суда. Туда же втащили старика. Прокурор рассказал о преступлениях старосты. Выступило несколько жителей. Зачитали приговор: смертная казнь через повешение. Под петлю на ящик поставили осужденного. Он был так мал, что петля не достала до шеи. Старосту сняли, поставили ящик на «попа», накинули петлю. Машина тронулась, староста повис и задержался в петле. Старшина прыгнул с кузова на плечи старику, и тот затих. На шею старосте повесили дощечку с надписью: «Предатель Родины Иванов И.С.». Народ стал потихоньку расходиться. Мы тоже продолжили свой путь.

Закончились бои по полному снятию блокады Ленинграда. Ленинградская область была очищена от врага. Нас отвели в глубокий тыл. После долгого переезда по шоссе Псков — Ленинград остановились в Волосово. Получили пополнение. С месяц жили спокойно, но потом пошли разговоры о предстоящем отъезде. Танкисты нашли и вскрыли одну из колхозных ям, где хранилась картошка. Один из мешков оказался и в нашей машине. Колхозники обнаружили пропажу, пожаловались командованию полка. Для поиска картошки была создана целая

комиссия во главе с парторгом. Комиссия ходила по машинам, искала мешки, но так ничего и не обнаружила.

ВЫБОРГСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Нас направили на Карельский перешеек, где 21-я армия готовилась к наступлению. Танки перевозили эшелонами. К этому времени экипажи успели обменять колхозную картошку на водку, и эшелон гудел. Когда подъезжали к Охте, где раньше стояли на отдыхе, танкисты решили дать салют. На Финляндском железнодорожном мосту состав встал. Экипажи открыли огонь из всех видов стрелкового оружия, в Неву полетели гранаты.

Наша радиостанция, вместе с колесными машинами, шла на Карельский перешеек своим ходом. Ехали с Московского проспекта, через весь город, на Выборгскую сторону. Во время движения тоже произошло несколько ЧП: все та же картошка, поменянная на водку, и здесь делала свое дело. Информация о происшествиях дошла до штаба фронта. Когда сосредоточились в районе Старого Белоострова, пошли разговоры, что командиру полка Примаченко грозит трибунал. И действительно, Примаченко предупредили, что его судьба напрямую будет зависеть от результатов наступления.

Прошло несколько дней, и началось. После короткой, но довольно мощной артподготовки была проведена разведка боем. Противник, приняв ее за начало наступления, открыл ответный огонь и обнаружил себя. По засеченным целям наша артиллерия нанесла мощный удар. Непрерывно и методично орудия уничтожали вражеские укрепления. Артобстрел продолжался два дня.

Рано утром 10 июня 1944 года началась основная артподготовка. Сыграли «катюши» и заработала артиллерия. Огонь был как никогда мощным и продолжительным. Наконец, снова залп «катюш» и «андрюш», или, как их еще называли, «иван-долбаев». После взрывов этих мощных реактивных снарядов наши пехотинцы врываются во вражеские блиндажи и находят там оглушенных, ничего не соображавших немцев.

Авиация бомбила передний край противника. Когда передовые полки 30-го гвардейского корпуса поднялись в атаку, наши штурмовики, по ошибке, обрушили удар реактивных неуправляемых снарядов РС по своим. Первый эшелон наступающих войск был полностью выведен из строя.

После ошибочной атаки к линии фронта промчался «Додж» с эмблемой авиации. В нем сидел генерал. Вскоре мы услышали работу радиостанции наведения. В эфире звучало: «Горбатые, горбатые! Спокойно! Не спешите! Еще рано, рано. Вот теперь начинайте!». Раньше бы так.

Наступление шло успешно. Прорвав оборону противника, мы быстро продвигались вперед. Предстояло форсировать реку Сестру. И здесь удача. Не успели немцы взорвать мост, как наши танки, прорвавшись к реке, проскочили на другой берег. Следом за танкистами мы проехали по этому мосту. Берега реки были круты и обрывисты. Если бы немцам удалось взорвать мост, с переправой пришлось бы повозиться. У реки валялось множество велосипедов, брошенных немецкими самокатчиками. Один из них мы прихватили с собой, погрузив на крышу фургона. За удачный штурм моста командование списало командиру полка Примаченко все прегрешения, случившиеся во время переезда.

В июне 1944 года в районе Кивеннапа (Первомайское) полк встретил упорное сопротивление противника. Командование решило обойти сильно укрепленный узел. Нас перебросили ближе к заливу. Командный пункт был организован в населенном пункте, расположенном на высоком холме. Перед ним раскинулся большой луг, дальше темнел лес. На холме стояли два больших здания, похожие на скотные дворы. В них одновременно расположились штабы стрелкового корпуса, дивизии и нашего полка. Машину поставили на краю холма, в кустах сирени. Рядом чернела яма от давно обвалившегося погреба. Здесь же виднелись заросшие могилы, на надгробных камнях которых были надписи: «Екатерина Ефимовна Репина» и, кажется, «Ольга Ефимовна Репина». Возможно, это были могилы сестер Ильи Ефимовича Репина? Но почему тогда так далеко от Куоккалы, где располагался дом Репина? Впоследствии я узнал, что в этих местах, в деревне Яппинен (Симагино), была летняя мастерская И.Е.Репина, и поэтому это могли быть действительно могилы его родственников.

Мы с Николаем Индюковым были свободны от дежурства и отдыхали под кустом сирени. Вдруг открыли огонь расположенные рядом зенитки. Взглянув вверх, заметили немецкий бомбардировщик. Он летел низко с небольшой скоростью. Снаряд зенитки попал в самолет. Машина, задымив, стала падать. Из бомбардировщика выбросился парашютист. Он старался дотянуть до леса, но это не получалось, и парашютист опускался на луг. Огромное количество военных (и где они только скрывались?) выскочили на холм и открыли по парашютисту огонь из всех видов оружия, оказавшегося под руками. Между стрелками металась пара полковника, пытаясь остановить стрельбу, но им это не удавалось. Мы видели, как летчик схватился за голову. Был пробит парашют. Падение ускорилося. И тут вся масса народу бросилась ловить немца. Мы с Николаем переглянулись. Побежим? Побежим. И тоже рванули вниз с холма. Выскочили на дорогу, отделявшую холм от луга, и уперлись в колючую проволоку. Пока искали проход, в небе снова послышались разрывы зенитных снарядов. Взглянув наверх, увидели точно такой же немецкий самолет, приближающийся к холму. Мы кинулись назад к машине и укрывшись в яме. Бомбардировщик сбросил

пару бомб. Они разорвались за зданием, разбив находившуюся там полевую кухню. Заметив бегущих внизу людей, летчик повернул самолет и сбросил остаток бомб на луг. Бомбы разорвались среди бегущих и поразили огромное количество военных. В следующий момент в самолет попал снаряд, и немец рухнул на землю.

У нас в штабе зав. делами служил старший лейтенант. Он был уже в летах. Находясь в глубоком тылу, зав. делами составлял списки личного состава, посылал похоронки и занимался другими бумажными делами. Так случилось, что в этот день он привез нам какие-то документы. Увидев, что все бегут ловить немецкого летчика, зав. делами, вместе с двумя автоматчиками, тоже решил принять в этом участие. Когда послышался свист бомб, автоматчики успели упасть на землю, а старший лейтенант, пытаясь понять, что происходит, замешкался. Бомба разорвалась совсем рядом. Автоматчиков оглушило. Их гимнастерки пропитало толом, но у самих солдат не оказалось ни единой царапины. А зав. делами снесло голову.

Срочно к месту бомбежки были вызваны санитарные и грузовые машины. Раненых отправляли в госпиталь. Трупы увозили хоронить.

Через некоторое время, обойдя узел сопротивления, мы вернулись на Выборгское шоссе. Во время переезда попали в большую пробку. Огромное количество техники ползло по дороге, объезжая подорвавшийся впереди танк. В это время над колонной пронесся наш истребитель, поливая столпившиеся на шоссе машины огнем из пулеметов. В одной из машин был убит водитель. По приказанию начальника связи Тимофеева я настроился на авиационную волну и открытым текстом передал, что в таком-то квадрате наш истребитель ведет огонь по своим. Истребитель улетел.

В Куутерселькя мы подъехали к отдохавшим танкистам. Танки стояли на дороге, протянувшейся вдоль песчаного холма, покрытого основным лесом. Начался сильный обстрел. Танкисты нырнули в люки своих машин, а нам пришлось проскользнуть между катками и укрыться под днищем танка. Скоро обстрел стих, и мы продолжили разговор.

Через некоторое время мы поехали дальше. Двигались по лесной дороге. На повороте попали под сильный артналет. Сдали назад и съехали в лес. Сзади машины, почти под дверью фургона, оказался маленький пехотный окопчик.

Рядом, на повороте, артиллеристы выкатывали на дорогу пушку «сорокапятку».

В это время мимо нас от переднего края потянулись войска. По глухой лесной дороге шла пехота. Сержант нес полуразвернутое знамя. Ехали «катюши» и автомашины. У одной машины было спущено колесо. Я показал на него водителю. Тот выглянул из кабины, только махнул рукой и дал газу. Оказалось, что несколько «фердинандов» прорвались в тыл нашим наступающим войскам и навели панику. Единственный

раз за время нахождения на фронте я видел отступление наших войск. Зрелище очень неприятное.

Связались со штабом армии. Оттуда поступил приказ вернуть наши ушедшие вперед танки и уничтожить немецкие самоходки. Передали приказ танкистам. Начался новый артоналет. Мы выскочили из машины и укрылись в окопчике.

Незадолго до этого к нам прислали нового радиста. Он писал довольно неплохие стихи. Когда мы стояли на Охте, Трунов познакомился с девушкой. Потом выяснилось, что девушка ему изменила. Володя сильно переживал. Как-то мы запечатлели это на фотографии, где он стоит, опустив голову, а мы — Николай Индюков, Вася Страхов и я, укоряюще смотрим на него: мол, стоит ли так расстраиваться? Новый радист написал на эту тему целую поэму в стиле Есенина. Запомнилось одно четверостишие: «Кот подох. Жена сбежала. Тишь и благодать. Наконец-то развязала руки эта... девушка».

Почему-то отношения с поэтом у нас не сложились. В нашем экипаже были простые дружеские отношения, а этот поэт был с большим гонором. Так и не наладилось между нами взаимопонимание.

Во время начавшегося артоналета вновь прибывший радист спал в машине после ночного дежурства. Выбрав паузу между разрывами, я выскочил из ямы и, распахнув дверь фургона, дернул парня за ногу: «Выходи, обстрел!». Послышался свист очередного снаряда. Я спрыгнул в окопчик. Уже падая, почувствовал на лице теплый ветер от взрыва. Радист же, выпрыгнув из машины, не смог сообразить, что к чему. Один из осколков пробил дверь над его головой, а другой угодил в ягодицу. Когда обстрел прекратился, мы выбрались из окопчика. Выяснилось, что один из снарядов попал в «сорокапятку», установленную на повороте дороги. Прямым попаданием весь ее расчет был уничтожен.

Рана поэта была легкой. Он мог бы остаться в строю, но, видимо, не хотел и попросился в госпиталь. Мимо проезжал грузовик с ранеными. Мы остановили машину и посадили туда нашего поэта. Потом узнали, что по пути грузовик застрял. Водитель попросил всех, кто может, помочь, подтолкнуть. Наш поэт тоже стал помогать. После нескольких попыток машина вылезла из ямы, но при этом наш поэт, толкавший ее сбоку кузова, поскользнулся, попал под колесо и, по слухам, в госпитале скончался.

Прорвавшиеся немецкие самоходки были уничтожены. Началось движение в обратном направлении. Те же войска и те же машины пошли снова к переднему краю. Новый командный пункт расположился в маленьком хуторе. Во дворе обнаружили кроликов, мирно бегавших вокруг дома. Мы словили двоих — большого и маленького. Большого сразу же приготовили и съели, а маленького пустили бегать под машиной. Помпотех Троша тоже поймал большого кролика и пустил его к нам под машину. На ужин мы решили приготовить второго кролика. Кто-то из

ребят предложил съесть не нашего, маленького, а большого, Трошиного. Через некоторое время пришел ординарец Троши и попросил вернуть ему кролика. Мы помогли поймать кроля, и ординарец ушел, но вскоре возмущенный вернулся и стал требовать Трошиного, большого. Убедившись, что других кроликов нет, ушел. Вскоре появился сам Троша: «Радисты, я вам большого кроля оставлял, а вы мне какого-то мыша даете». Мы убеждали майора, что именно этого он и оставлял, и другого у нас нет. Покачав головой, помпотех ушел. Оказалось, начальство собралось выпить, и Троша хотел угостить офицеров крольчатчиной. Еще долго майор возмущался, рассказывая, как радисты надули его, подсунув взамен большущего кроля какого-то мышонка.

Ночь застала нас в глухом лесу. Двигались медленно. Вся дорога была забита пехотой. Вдруг раздался разрыв. Мы выскочили из машины. Большая группа немецких самолетов бомбила дорогу. Мы бросились в лес. Увидели выкопанные ячейки и прыгнули в них, на головы уже находившихся там бойцов. Солдаты пытались возмутиться, но новые разрывы быстро всех примирили. Когда бомбежка прекратилась, кругом раздавались стоны раненых. Наши все были целы. Поехали дальше. Поставили впередсмотрящего, чтобы предупредил в случае нового налета. И действительно, через некоторое время прозвучала команда: «Воздух!». Снова укрылись в лесу. Но бомбежка велась по тому же месту, откуда мы только что успели уехать. За поворотом свернули на проселочную дорогу и тут же попали под минометный обстрел. Выпрыгнув из машины, укрылись в кювете. Когда стихло, вернулись к машине. Как всегда, стартер у Володина, а он опять вернулся к нам, не работал. Пока я крутил рукоятку, штабная и санитарная машины ушли вперед. Но вот мотор завелся, и мы отправились догонять ушедших товарищей. На развилке дорог саперы, перекрыв движение, проводили разминирование. После небольшого ожидания нам разрешили проехать разминированный участок, предупредив, что полной гарантии безопасности пока нет. На тихом ходу санитарная и штабная машины преодолели опасный участок. Подошла наша очередь. Володин попросил меня пересест из фургона в кабину. У нас на задних колесах для лучшей проходимости были надеты цепи, и он боялся, что мы можем подорваться. Я встал на подножку. Потихоньку проехали опасное место. Вдруг над головой просвистели пули. Я спрятался за кабину. Володин нажал на газ, и через несколько минут мы были на новом КП. В кузове товарищи показали мне пробитый пулей котелок, висевший на стене фургона. По нам кто-то стрелял.

Машина встала под большими липами на широкой аллее. Индюков полез на крышу устанавливать антенну. Я подключал аппаратуру. Вдруг Николай буквально скатился с машины на землю. С деревьев полетели сбитые пулей листья. Кто-то по Николаю стрелял. Командир взвода Никифоров собрал свободных бойцов, и они отправились на

поиски снайпера. Сразу за селением лежало пшеничное поле. На нем ребята заметили какую-то странную корову. У нее были короткие ноги. Никифоров повел бойцов к корове, но она периодически отходила. По ней пытались стрелять, но с такого расстояния из наганов попасть в корову было невозможно, а другого оружия не захватили. Так ни с чем и вернулись.

Танкисты вели бой за большую деревню. Танки, вышедшие на окраину деревни, были встречены огнем немецких пушек. Машины попятились назад, стараясь укрыться за домами. Лишь один танк пошел вперед и, ворвавшись на вражескую позицию, стал давить пушки. По нему открыла огонь соседняя немецкая батарея. Танк развернулся и бросился на нее, уничтожая орудия. Но в это время расчеты первой батареи вернулись к уцелевшим пушкам и открыли огонь. Один из снарядов попал в борт танка. Взорвался боезапас, и машину разорвало на части. Мы потом были у этих развалин. На земле лежали распластаные гусеницы. Борта танка разбросало в разные стороны, башня отлетела. От экипажа не осталось ничего. А экипаж был замечательный. Артиллерист с первого снаряда поражал цель. Механик-водитель водил машину одинаково ловко, что задом, что передом. Радист всегда хорошо держал связь. А о достоинствах командира говорил этот последний бой. Если бы танкистов своевременно поддерживали другие экипажи, все могло бы быть по-другому. В конце концов немецкие батареи были уничтожены, и полк двинулся дальше.

Мы ехали по красивейшим местам. Чудесные озера, шишкинские боры. В одном таком бору мы попали под бомбежку. Когда она закончилась, Супьян обнаружил бесхозную бродячую корову. Привел ее. Нашлись умельцы, подоили. Тут прибежали соседи-артиллеристы и стали доказывать, что это их корова. Но мы отстаивали свое приобретение. На новое КП Супьяну пришлось километров десять вести корову своим ходом. После этого было решено отдать корову на кухню.

Рядом с нашей радиостанцией остановился «студебеккер» — большая грузовая машина, поставляемая из Америки. В ней сидели девчата-военнослужащие. Среди них я узнал Тамару Медвежонок, свою одноклассницу. Успел окликнуть ее, но в это время «студебеккер» тронулся. Поговорить нам так и не удалось.

Чем ближе подходил наш полк к Выборгу, тем упорнее становилось сопротивление противника. Утром пошли за завтраком. Когда возвращались, налетела дюжина «фокке-вульфов». Они сбросили на нас мелкие бомбы. Держа в руках котелки с пищей, я залег у забора. Командир броневика старшина Кашин, уже довольно пожилой мужчина, нес несколько буханок хлеба. Увидав самолеты, он побежал и, не заметив стоявшую на дороге повозку, налетел грудью на оглоблю. В результате сломал несколько ребер, попал в госпиталь и был демобилизован.

Самолеты улетели. И тут в небе, прямо над нашими головами с громким шуршанием пронеслось несколько реактивных снарядов «иван-долбаев». До бомбежки они лежали в ящиках без взрывателей, но были уже подключены к электроцепи. Скорее всего, во время бомбежки цепь замкнулась, и сработали пусковые механизмы. Одни снаряды стали взлетать, а другие расползаться по земле, оставляя за собой огненные струи. Один из снарядов двинулся по траншее. Находившийся там солдат бросился от него бежать и укрылся за поворотом. Снаряд уперся в стенку, задергался, развернулся и пополз дальше. Легко представить, что пережил солдатик, глядя на надвигающегося на него огненного головастика.

Ночью вошли в Выборг. Впереди на дороге горел фургон с боеприпасами. Слышался непрерывный треск рвущихся патронов, изредка раздавались взрывы гранат. С опаской, на большой скорости проскочили мимо полыхавшей машины.

Проехали по мосту мимо Выборгского замка. Остановились на какой-то улице. Налетели немецкие самолеты. Мы спрятались под аркой большого дома. В городе находились недолго. За операцию по уничтожению обороны противника на Карельском перешейке я был награжден медалью «За отвагу». Полк и майор Примаченко были награждены орденами Александра Невского.

После взятия Выборга нас вывели из боя. Дальше в скалистой местности танкам было не развернуться. В наступление пошли пехотинцы, ребята 1926 года рождения. Они были плохо обучены. Подымаясь в атаку, солдаты жались друг к другу и десятками ложились на землю, сраженные пулеметным огнем.

На отдых нас отвели на станцию Кямьяра (станция Гаврилово). Красивое место недалеко от озера. На берегу находилась военная прачечная. Прачками работали молодые девчата. Конечно, этот «мыльный пузырь» стал местом паломничества танкистов.

Мы получили новые танки ИС — «Иосиф Сталин». Это была могучая машина со 122-мм пушкой. Но запас снарядов в боеукладке был невелик, и в отличие от КВ снаряды с гильзами хранились раздельно.

Стояли белые ночи. Как-то в полночь часовой у парка боевых машин увидел, что к танкам кто-то идет. Оказалось, знакомый командир орудия. Танкист объяснил, что завтра будет инспекторская проверка, а у него не вычищена пушка. Вот он и решил ее почистить. Часовой пропустил. Боец забрался под брезент, укрывавший машину, и начал работу. Через некоторое время в танке раздался взрыв. Взрывной волной сорвало брезент. Позднее следствие установило, что артиллерист в танке закурил и, не глядя, положил папиросу на гильзу. Тлеющий окурок прожег промасленный картон, закрывавший порох, и гильза взорвалась. Танкист погиб. Хорошо еще, что не сдетонировали остальные боеприпасы.

Мы прогуливались недалеко от расположения части. В небе летел истребитель. Это был «томагавк», поставляемый нам из Америки. Следом появился «мессершмитт». Вдруг наш летчик, без какой-либо видимой причины, выбросился на парашюте, а брошенный самолет стал падать. На место приземления парашютиста выехала санитарная машина. Скоро она вернулась. На носилках лежал высокий красивый парень лет девятнадцати. Он неудачно приземлился на дерево, ударился и сломал ногу. На вопрос, почему он бросил свой самолет, парень ответил, что испугался. Летчика увезли в госпиталь. После лечения его ждал трибунал и, в лучшем случае, штрафбат. На другой день мы сходили на место падения самолета. Набрали проводов, их всегда не хватало нам для подключения аппаратуры. Провода с американского самолета были хорошие, в незнакомой нам изоляции. Такого качества провода в нашей промышленности появились лишь в 1950 году.

НАРВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Из Карелии, после отдыха на станции Кямья, нас решили эшелонном перебросить под Нарву. Подогнали состав. Как всегда, танки поставили на платформы, а колесные машины закрепили между платформами. Ожидая отправления, мы стояли около машины. Вдоль состава шла молоденькая железнодорожница, совсем девчонка, проверяла сцепку. Мы посмеялись: «Смотри, мол, не сломай что-нибудь!». Она шутку не приняла, сердито огрызнулась и, осмотрев сцепку, пошла дальше. Стенчело. Я забрался в кабину, прилег на сидение и уже почти заснул, когда послышался гудок паровоза. Состав дернулся и медленно тронулся вперед. И вдруг я почувствовал, что проваливаюсь вниз. Вскочив, увидел, что передняя часть машины свалилась на рельсы, а задняя продолжала стоять на отъезжающей вместе с поездом платформе. Передние колеса запрыгали по шпалам. Я открыл дверь кабины, пытаюсь выпрыгнуть, но это было опасно. На перроне засвистели железнодорожники, замахаивая фонарями. Состав остановился. Только я успел выскочить из кабины, как поезд дал задний ход. Передние колеса развернуло и начало обдирать о перрон. Наш шофер Борисов, вскочив на подножку, пытался выровнять колеса. Опять раздались свистки, и состав встал. Нагнали солдат. На руках подняли машину и сняли с платформы. Борисов подравнивал погнутую тягу, сел за руль и погнал радиостанцию на перрон. Расцепившийся эшелон соединили. Машину поставили на прежнее место, закрепили, и состав тронулся в направлении Нарвы.

На следующий день, на рассвете, проехали вдоль залива в районе Лахты. Увидели родной Васильевский остров. Состав шел по окружной железной дороге. Миновали Охту, пересекли Московский проспект у здания райсовета и по Балтийской ветке прибыли в Сланцы, небольшой

городишко на западе Ленинградской области. Через несколько дней перебрались на плацдарм на западном заболоченном берегу реки Нарвы. Захвачен он был еще весной. Сейчас на этом месте плещутся воды Нарвского водохранилища. Болотистые дороги в этих местах саперы вымостили жердями, уложенными поперек друг к другу. Если ехать по такой дороге на машине, то может вытрясти всю душу. В честь ленинградских улиц старожилы плацдарма называли эти трассы «Невским проспектом» и «Садовой улицей».

В конце июля сосредоточенные на Нарвском плацдарме войска перешли в наступление. Стояла задача отрезать и взять город Нарву и, вырвавшись на оперативный простор, освободить Эстонию. Поначалу дело шло хорошо. Немцы отступали. Мы вылезли из болот. Смогли посмотреть на Нарву. Справа от нас виднелся маленький городишко с небольшими одноэтажными домами. Сразу за Нарвой возвышалось три высоты, так называемые «Голубые сопки». Две из них, 60 и 70 метров, были захвачены нашими войсками с ходу, а высота 90 метров осталась у врага. Несколько попыток взять ее были неудачны. На высоте было много глубоких бетонированных колодцев. Немцы прятались в них, пережидая артподготовку, а потом поднимались наверх и отбивали атаки. Майор Примаченко поставил командиру первой роты задачу взять высоту, обещая представить за это к званию Героя Советского Союза. Рота ворвалась на высоту и стала ее утюжить. Но поддержки танкам со стороны пехоты не последовало. Командир роты запросил помощи. Примаченко велел продержаться еще немного. Мы по своей рации тоже говорили, чтобы они держались. Одна за другой умолкали рации танкистов. Дольше всех держались ротный и еще один танк. Ответив несколько раз, Примаченко перестал отзываться на их призывы. Наконец все танки умолкли. Высота осталась у противника.

Поздно вечером перенесли КП на станцию Аувере-Яам, неподалеку от Голубых сопки. Станции, как таковой, не было. Не осталось ни одной постройки. На рельсах стояли две пустые платформы. Трунов установил рацию в мощном блиндаже, метрах в трехстах от станции, и держал связь с танками. Мы поставили машину недалеко от платформ. Рядом стояла 76-мм пушка. Мимо проходил к переднему краю взвод пэтээровцев. Только начали разворачивать станцию, как на нас обрушился шквал снарядов. Выскочив из машины, бросились к платформам. Под ними уже не было свободного места. Все места были заняты артиллеристами и пэтээровцами. Мы залезли на солдат сверху. Началась ругань. Но нам-то тоже надо было укрыться, хотя платформа защищала только сверху, а с боков все было открыто. Обстрел усилился. По нам били прямой наводкой. Выстрел, и тут же разрыв. Свиста снаряда не было слышно. Когда обстрел прекратился, то оказалось, что мы свободно лежим между шпалами. Каждый выкопал себе, вернее, выскреб, ямку, чтобы спрятать хотя бы голову. Сели. Закурили. Снова

начался обстрел. Все опять легли на свои места. Осколки звякали по платформе. Наконец обстрел стих. Через некоторое время мы услышали голос Трунова: «Радисты здесь?». Я ответил: «Вовка, мы здесь. Залезай к нам скорее». Он забрался к нам и спросил: «А чего это вы под платформой?». Мы рассказали, как противник лупит по Аувере. «Николай, у меня в блиндаже на радиции аккумулятор сел. Надо заменить. Кто пойдет?» Мне жуть как не хотелось вылезать, а послать кого-то другого было неудобно. Скажут: «Вот, мол, сам сидит, а мне идти». «Подожди, — говорю, — сейчас сходим». Он выкурил еще папиросу: «Николай, надо идти. Сейчас проверка связи будет». Не хотелось, но пришлось вылезать. Выбрались из-под платформы, зашли в машину. Вытащили из-под стола аккумулятор. Он был пробит осколком. Володя стал осматривать машину. Обнаружил еще несколько пробоин в фургоне. Я достал другой аккумулятор и стал торопить Володю. Наконец Трунов закончил осмотр машины, и мы пошли. До блиндажа нужно было идти по дороге, проходящей вдоль небольшого озера. Ровное место. Спрятаться негде. Я почти бежал, не чувствуя тяжести аккумулятора. Володька же шел вразвалочку. Я удивился его смелости и спокойствию. Наконец спустились в блиндаж. Заменяли аккумулятор. Володя провел проверку связи с танкистами. Была половина двенадцатого ночи. Передавали последние известия. Мы переключились на них. В этот день 27 июня 1944 года прозвучали пять приказов Верховного Главнокомандующего. Это был единственный день за всю войну, когда в Москве прогремели пять салютов в честь освобождения городов — Львова, Даугавпилса, Шауляя, Станислава (теперь — Ивано-Франковск) и Белостока.

Пока слушали известия, за стенами блиндажа несколько раз раздавались глухие разрывы снарядов. Вошел лейтенант — водитель танка. Его вызвали, чтобы заменить погибшего танкиста. Войдя, лейтенант громко крикнул: «Кто меня вызывал?!». Начальник штаба ответил, что это он его вызвал. Лейтенант снова закричал: «Кто меня вызывал?!». Выяснилось, что он контужен и ничего не слышит. Пришлось его отпустить.

Незадолго до этого с переднего края пришел экипаж одного из танков. Танкисты доложили, что их машина подбита и сгорела. Через некоторое время мы узнали от экипажа другого танка, что машина просто стоит на нейтральной полосе без движения. Мы сначала передали в штаб, что машина сгорела, но танкисты с передовой продолжали нас уверять, что танк невредим. Экипаж брошенной машины был вызван в штаб. Оказалось, в танк попал снаряд, и запахло дымом. Экипаж, решив, что их ИС горит, покинул машину. Начштаба Брюквин отругал командира танка и велел немедленно вернуться назад. Когда танкисты пришли на передний край, увидели на нейтральной полосе, ближе к немцам стоящий в целостности ИС. Добраться до танка не было возможности. Командир пошел к ближайшей машине и уговорил экипаж

уничтожить злополучный танк. Двумя выстрелами ИС был подбит. Танкисты вернулись в штаб и доложили, что танк горит. После случившегося экипаж был переведен в резерв.

Прослушав известия, я пошел обратно на станцию Аувере. За полчаса, проведенные в блиндаже, я позабыл все страхи. Спокойно вернувшись к платформам и подойдя к машине, я заглянул в нее. Подошел к платформе. Окликнул ребят. Те сказали, чтобы я быстрее забирался к ним. Оказывается, только что закончился очередной обстрел. Я залез под платформу, но тут прибежал посыльный и велел быстро собираться к переезду на новый КП.

Приехали в большое имение. Вокруг огромный старый парк. Поставили машину у невысокого холма, в котором был вырыт погреб. Развернули рацию, начали работать. Рядом находились еще два штаба. Вдали раздался пушечный выстрел. Через несколько секунд слышались свист тяжелого снаряда и сильнейший взрыв. Через каждые две минуты — снова выстрел, свист и взрыв. Шел методичный обстрел района нашего расположения тяжелыми дальнобойными снарядами. Ребята, свободные от дежурства, укрылись в погребе. Заработала рация. Штаб армии передавал радиogramму. Радиogramма оказалась длинной. Пока я ее принимал, рядом несколько раз рвались снаряды. При каждом разрыве я пропускал несколько цифр. Когда закончил прием, выяснилось, что не принято несколько групп, состоящих из пяти цифр. Пришлось попросить радиста штаба армии повторить эти группы. Приняв радиogramму, передал в штаб армии сигнал «АС» — «связь временно прерываю». Отнес радиogramму начальнику штаба и тоже спустился в погреб. Погреб, вырытый в склон холма, был больше похож на сарай. Передняя стенка сколочена из досок. Посередине большое окно, закрытое ставнями. После каждого взрыва ставни падали. Приходилось выходить из погреба и возвращать ставни на место. Спокойно работать в этом имении было невозможно, и начштаба Брюквин решил сменить место.

Остановились на краю большого поля. На этом пшеничном поле похоронили мы командира танковой роты Михеева. Он был очень высокого роста. Долгое время служил в нашем полку. Как ротный числился на хорошем счету, да только под Нарвой подстерегла его смерть.

Мы обратили внимание, что медсестра Галя Петрова зачистила к нам на радиостанцию. До этого она нас своим вниманием не баловала, а тут придет, сядет и слушает наши переговоры с танкистами. Вскоре мы поняли, что ее интересует голос командира полка. Галя и раньше влюблялась, ну а теперь вот случился роман с командиром полка.

Ночью стали менять командный пункт. Вел нас сам начальник штаба, а он прекрасно читал карты. Возможно, обстановка на фронте была не ясной, но мы заблудились. Глубокой ночью в чистом поле начальник штаба приказал взять оружие и приготовиться к круговой обороне. Наш полковой врач, капитан медслужбы, призналась медсестре

Гале, что она не умеет обращаться с пистолетом. Галя показала ей, как заряжать и стрелять. Получилось так, что, тренируясь, врач случайно нажала на спусковой крючок. Раздался выстрел, пуля пробила ногу. Рану перевязали, и утром, когда обстановка прояснилась, раненого врача отправили в госпиталь. Замполит пытался раздуть дело о самостреле, но в конце концов все завершилось благополучно, а в полку вскоре появился новый врач.

Бои продолжались. Вечером помощник начальника штаба капитан Аркадий Лондон, взяв с собою Трунова, пошел на передний край, чтобы наладить взаимодействие с другими частями. Там они оказались в такой передрыге, что чуть не попали в руки немцев. В суматохе потеряли друг друга. Был момент, когда Володя лежал в кювете, а по другой стороне дороги шли фрицы. Кто-то пришел к нам на радиостанцию и сообщил, что видели, как Трунова убили. Это был страшный удар. Столько времени вместе, и вдруг такое известие. Мы сидели в машине, ничего не соображая. Предстояло написать письмо его матери, а мы не находили слов для такого послания. Как сообщить ей о гибели единственного сына? В это время открылась дверь, и в машину зашел Володька. Мы обалдели! Мы не могли поверить своим глазам! А он с удивлением спросил, что это на него так уставились. Мы объяснили, что переживаем весть о его гибели. Володя рассказал, что слухи о его гибели сильно преувеличены и он только ранен. Действительно, из спины торчал маленький осколочек. Мы его выдернули. Санитарка сделала перевязку, и рана довольно быстро зажила.

Нас вывели из боя и отправили в сторону Кингисеппа. В свободное время ходили к реке Нарва. Посмотрели на крепость Ивангорода, находившуюся на острове посреди реки. Побродили у стен краснокирпичной Кренгольмской мануфактуры. В лесу, где мы стояли, было очень много спелой брусники. Набрав котелок ягод, мы засыпали бруснику дневной нормой сахара и варили на экипаж варенье. Вспоминалось что-то родное, домашнее.

Рядом проходило шоссе. Однажды оттуда послышалась песня. Впечатление было такое, будто идет, по крайней мере, рота солдат. Начинал запевала, встревал подголосок и затем подхватывали остальные. Когда поющие появились в промежутке между деревьями, оказалось, шло всего-то шесть человек, а пели так, что удивили всех нас.

Надо сказать, что во время войны на фронте любили музыку и песни. Большим уважением пользовались гармонисты. При каждом удобном случае вокруг них собирался народ, и все с удовольствием слушали музыку. Командир полка Семеркин часто во время перерывов между боями вызывал к себе командира орудия, хорошо игравшего на гитаре и прекрасно исполнявшего блатные песни.

Петь любили все. Пели про Ярмака и ямщиков, «По диким степям Забайкалья», «Землянку» и «Огонек». Очень часто пели украинские

песни «Ой, при лужке, при лужке», «Ой, да пид горою, казаки идут», «Ой, ты, Галя, Галя молодая».

На мотив махновской песни «Любо, братцы, любо...» вместо строк «а первая пуля ранила меня...» пели:

*А первая болванка попала танку в лоб,
Механика-водителя вогнала прямо в гроб...*

И припев:

*Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде не приходится тужить!*

*А второй болванкой расколота броня,
Мелкими осколками поранило меня.*

Припев тот же.

*Третьею болванкой попало танку в бак,
Из машины выскочил и сам не помню как.
Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить!
С нашим экипажем не приходится тужить!
Башенный с радистом вяжут раны мне,
А моя машина догорает в стороне.*

Припев тот же.

*А наутро вызвали в особый нас отдел:
«Почему ты с танком вместе не сгорел?».
«Виноват, товарищи, — им я говорю. —
В следующей атаке обязательно сгорю...»*

У этих последних куплетов конец припева такой: «...с нашим командиром не приходится тужить!».

Чаще всего и особенно накануне боя пели на мотив песни коного-на из фильма «Большая жизнь»:

*Машина на земле вертится,
Осколки сыплются на грудь,
Прощай, родная, не волнуйся
И обо мне на век забудь.*

*Мотор уж пламенем пылает,
И башню лижут языки,
Судьбу танкиста принимаю
Через открытые люки.*

*Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас,
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас.*

*И понесутся телеграммы,
Родных, знакомых известить,
Что сын их больше не вернется
И не приедет погостить.*

*В углу заплачет мать-старушка,
С усов стряхнет слезу отец,
И дорогая не узнает,
Какой танкиста был конец.*

*И станет карточка пылиться
На полке позабытых книг,
В танкистской форме, при погонах,
Но он ей больше не жених.*

*Прощай, Маруся, дорогая!
И ты, КВ, братишка мой,
К тебе я больше не вернуся,
Лежу с горелой головой.*

На фронте все постоянно находились рядом со смертью. В любое время, в самом неожиданном месте она могла подстеречь человека. Поэтому, наверное, эта песня и еще «Землянка», где говорилось: «А до смерти четыре шага», пользовались самым большим успехом. Люди как бы хотели подчеркнуть: «Вот, смерть рядом, а мы не трусим, мы честно делаем свое дело».

После короткого отдыха эшелоном прибыли в недавно освобожденный Псков. Во время стоянки на железнодорожном узле раздалась команда: «Воздух!». Состав сразу же вышел за пределы станции и остановился в чистом поле. Бойцы прыгнули с платформ и залегли вдоль железнодорожного полотна. Над городом повисли огромные люстры осветительных ракет. Слышен был грохот рвущихся бомб. Наконец ракеты погасли, налет прекратился. Прогудел паровоз. Мы забрались

обратно на платформы и тронулись дальше. На рассвете проехали станцию Печоры. На станции Пылва выгрузились и своим ходом пошли к Тарту.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЭСТОНИИ

Наша машина нуждалась в ремонте, и дальше к Тарту пришлось добираться на танке. Разместились на трансмиссии, над дизелями. Я пригрелся и уснул. Проснулся, когда уже прибыли на место и заглушили двигатели. Обратил внимание, что товарищи вокруг чем-то возбуждены. Спросил, что произошло. Они удивились: «А ты что, не слышал?». Оказалось, что во время переправы танков через реку Эмайыги противник обрушил на нас сильнейший артиллерийский огонь. Ребята натерпелись страху, а я все благополучно проспал.

Тарту оказался небольшим городком, с домами в два-три этажа. В одном из них мы и остановились. Гуляли по городу. Забрели в знаменитый Дерптский университет. На вид он не произвел сильного впечатления, но я знал, что среди его воспитанников много выдающихся людей.

Танки сосредоточились на окраине города, на кладбище. Накануне наступления замполит майор Смирнов решил тут же, на кладбище, провести в первой роте политбеседу. Поздним вечером, практически в темноте, он рассадил экипажи на могильных холмиках и стал накачивать танкистов призывами смело идти вперед и крепко бить врага. И это в сентябре 1944 года, когда и так все рвались вперед. Во время политбеседы по кладбищу ударила немецкая артиллерия. Случайно или помог корректировщик, но огонь оказался точным. Почти вся рота была выведена из строя. Погиб ротный — старший лейтенант, армянин. Особенно все переживали гибель помпотеха роты старшего лейтенанта Анатолия Полюткина. Когда-то он был механиком-водителем у командира танковой бригады Баранова. Впоследствии Баранов стал командующим бронетанковыми войсками Ленфронта. Полюткин же с момента основания нашей части служил механиком-водителем танка командира полка. Вся грудь его была в орденах. Под Выборгом командующий генерал-лейтенант Баранов заехал к нам в расположение. В беседе с Примаченко поинтересовался, как дела у Полюткина. Узнав от майора, что его бывший водитель все так же остается на прежней должности, генерал удивился и заметил, что пора бы уже перевести Анатолия на новое место. На вопрос командира полка: «А куда же его перевести?», — Баранов предложил: «А хотя бы помпотехом роты. Все спокойнее будет». И Анатолия перевели. Он был очень доволен. Когда мы спрашивали его: «Как дела?», — Полюткин радостно отвечал: «Что вы, ребята! Не жизнь, а малина!». От помпотеха требовалось, чтобы танки роты были на ходу

и обеспечены запчастями. Свой обязанности Полюткин прекрасно выполнял. А тут не повезло. Во время обстрела на кладбище осколок попал Анатолию в голову.

После обстрела приступили к комплектованию новых экипажей, взамен вышедших из строя. Заряжающих, а все они должны были уметь водить танк, сажали механиками-водителями или командирами орудий. Радиомастеров — радистами. Командира взвода автоматчиков назначили командиром танка.

Утром, после артподготовки, полк пошел в наступление. Мы стояли на бугре около трехэтажного дома и смотрели на уходившие в атаку машины. Вдруг над нашими головами просвистели пули и со стены дома посыпалась штукатурка. Пулеметная очередь была из нашего танка. То ли танкист потерял ориентировку, в бою такое случалось, то ли радист-пулеметчик случайно нажал на спуск, но мы сразу же убрались с бугра.

Наступление шло удачно, и в полдень наша машина двинулись следом. Остановились у железнодорожного разъезда. Кто-то из ребят заглянул в сарай и обнаружил там двух небольших поросят. Решили одного пристрелить. Трунов встал в дверях и выстрелил в поросенка из нагана. Раненный поросенок бросился из сарая, и Володька, отпрянув назад, упал на землю. Под общий смех он поднялся и все же пристрелил поросенка. Развели костер, сварили мясо в котелках. На угощение пришли и начштаба Брюквин, начсвязи Тимофеев, и комвзвода Никифоров. Когда покончили с первым поросенком, принялись за второго. Вареное мясо оказалось слишком жирным, и второго поросенка решили поджарить. Когда мясо было готово, снова пригласили командиров.

Во время атаки один из наших танков подорвался на фугасе. Взрывом вырвало днище. Машина загорелась. Командир и заряжающий были убиты сразу. Раненный артиллерист выскочил из башни, но тут же был застрелен. Механик и радист пытались открыть свой люк, но люк заклинило развернутой башней. Сзади в машине бушевало пламя. Радист, переведенный из радиомастеров, глядя на пламя, не знал что делать. Механик, надвинув на глаза шлем, бросился через пламя в открытый башенный люк. Испугавшись остаться в одиночестве, радист кинулся за ним. Выбрались они довольно благополучно, получив лишь небольшие ожоги. Только радист, не разобравшись, побежал в сторону немцев. Хорошо, находившиеся на переднем крае пехотинцы перехватили его и растолковали, где свои и куда надо идти.

Сменив КП, развернули рацию недалеко от леса. Уже вышли на связь, когда со стороны леса послышалась автоматная стрельба. Начальник штаба Брюквин приказал всем свободным бойцам занять круговую оборону. Мы взяли оружие и залегли перед машиной. Володин залез в кабину, завел мотор и прогревал его, готовый в любую минуту умчаться с поля боя. В скором времени стрельба стихла. Прорвавшихся немцев

уничтожили. Мы подошли к Володину и спросили, куда это он собрался ехать, когда на крыше машины находится развернутая антенна. Шофер ответил, что его не остановила бы ни антенна, ни кювет, и единственное, что его удержало, так это то, что вместе с нами находится начальник штаба полка.

Между боями была передышка. Радист командира полка Смирнов передал, что они разжились трофеями и готовы поделиться с нами. Мы доложили об этом начальнику штаба. Брюквин вспомнил, что у него как раз дело к командиру полка. Танкисты стояли недалеко от нас, на перекрестке дорог. Оставив машину, пошли к танкам. Брюквин разговаривал с командиром полка Примаченко, а мы беседовали с его экипажем. Смирнов сказал, что раздобыл мед и хочет нас угостить, но в это время вокруг начали рваться снаряды. Экипажи запрыгнули в свои машины и захлопнули люки, а мы нырнули между гусениц и залегли под танком, стараясь укрыться за катками. Сквозь отверстия в катке хорошо были видны вспышки от разрывов, ложившихся рядом с танками. Когда обстрел затих, услышали голос Брюквина: «Народ, на машину!». Побежали к радиостанции. Володин уже ревел мотором. Едва успели вскочить в фургон, как Володин дал полный газ, и мы помчались дальше от этого места. В раскрытую дверь машины мы увидели новые вспышки разрывов в расположении нашего полка.

Остановились на хуторе. Рядом находились танкисты, ожидавшие, пока саперы наведут переправу через речку. Хозяев на хуторе не было. Мы зашли в дом. Внутри все было в целости. Заглянули в шкаф, набитый платьями, нам они были ни к чему. Прошли в огород. Надергали моркови. Во дворе дома раздались выстрелы. Это автоматчики, забив двух свиней, расстреливали бегавших по двору кур. Одну свинью автоматчики решили отдать на кухню, а вторую уже собирались опалить, но заметили идущих из леса людей. Домой возвращались хозяин хутора с женой и двумя взрослыми сыновьями. Навстречу им вышел начальник особого отдела. Стал выяснять, что они за люди и куда направляются. Эстонцы объяснили, что скрывались в лесу от немцев и теперь возвращаются домой. Автоматчики, пользуясь паузой, быстро загрузили туши свиней в машину и уехали. Эстонец попросил офицера дать разрешение хозяйке осмотреть усадьбу. Ей разрешили. Через некоторое время хозяйка вернулась и стала что-то возбужденно говорить по-эстонски. Начальник особого отдела поинтересовался, что она хочет. Оказалось, хозяйка жаловалась, что немцы все в доме перевернули и уничтожили всю скотину. Особист посочувствовал хуторянам, заметив, что немцы злейшие враги русского и эстонского народа. После этого эстонцам разрешили пройти в дом.

Полк быстро продвигался вперед и оторвался от штаба армии на 70 километров. Наш маломощный передатчик не мог покрыть такое расстояние, и связь стала прерываться. Начсвязи Тимофеев, с которым

у нас всегда были сложные отношения, воспользовался ситуацией, чтобы избавиться от нас. У него давно была мечта иметь у себя девчат-радисток.

Сославшись на перерывы в связи и плохую работу, Тимофеев отправил нас с Труновым радистами на танки. На полковой радиостанции остались Индюков и недавно прибывший радист Михаил Васенин, парнишка из города Котельнич Кировской области.

Меня представили экипажу танка КВ. Танкисты как раз собирались завтракать, и хотя я уже поел, пришлось, для знакомства, снова сесть за стол. Столом служила плащ-палатка, разостланная на земле. Экипажи питались к этому времени самостоятельно. У всех было столько трофейных продуктов, что обходились без услуг кухни. Напрасно повар Сашка уговаривал бойцов получать обед. У танкистов были противни, на которых жарилась картошка со свиной и другие блюда, в зависимости от кулинарных способностей членов экипажей. Ребята мне понравились. Командиром был пожилой лейтенант. Водителем — старшина Васька. Артиллерист и заряжающий были примерно моих лет. Мы быстро нашли общий язык.

Примаченко собрал командиров машин и поставил задачу. Через два километра надо было взять на борт пехоту и преследовать противника, не давая ему закрепиться. Раздалась команда: «По машинам!». Колонна из десяти танков двинулась вперед. У города Пылтсамаа форсировали вброд реку. На другом берегу нас ожидала рота пехоты. Разместив на машинах десант, пошли вперед, в сторону Пярну.

У радиста в танке КВ нет почти никакого обзора. Он может смотреть только в щель водителя или в прицел своего пулемета. Я спокойно сидел в своем кресле, когда увидел, как Васька энергично задергал рычаги. Танк дернулся и остановился. Сверху глухо доносились крики пехотинцев: «Такие, разэтакие танкисты! Проклятые фашисты! Перебить их мало!». Я почувствовал, как на голове поднимается шлем. Спросил водителя, что произошло. Он только махнул рукой. Открыли люк, вылезли наружу. Оказалось, что у танка отказал правый бортовой фрикцион, поворотный механизм. Дороги в Эстонии ровные, ухоженные, но очень извилистые. На повороте фрикцион не сработал, и машина не смогла повернуть. Вдоль дороги росло ограждение из специальной породы очень крепких жилистых елочек. Танк врезался в эти елки. Ветками посшибало с брони пехоту. Почти все отделались легким испугом. Пострадали только раненный боец, его сильно помяло, и командир взвода, который пытался оттолкнуться ногой от елки и в результате получил повреждение в паху. Подъехал командир полка Примаченко. Раненых погрузили на машину и отправили в тыл. Пехотинцев распределили по другим танкам. Нам приказали вызвать летучку с ремонтниками и, починив фрикцион, догонять колонну. Машины ушли, а мы остались.

Тогда мы еще не знали, что в последний раз видим командира полка. На следующий день Примаченко вместе с командирами других частей был вызван на рекогносцировку местности. У командира-артиллериста в кармане оказалась ручная граната. Не известно почему, но она взорвалась. Артиллерист погиб, а несколько офицеров получили ранения. В их числе оказался и Примаченко. Раненых отправили в госпиталь. После выздоровления Примаченко был переведен в другой полк. Он вызвал туда и медсестру Галю Петрову.

Как только танки ушли, я доложил в штаб об аварии. Нам пообещали прислать ремонтников.

Наш танк оказался рядом с маленьким хутором из двух небольших домиков, стоявших у самой дороги. Мы пошли, осмотрели их. Хозяев не было. Они, возможно, ушли с немцами, а, скорее всего, укрылись от войны где-нибудь в лесу. Видно было, что здесь жили бедняки. Ничего хорошего мы не нашли. В одном из домов на столе стояло пять мисок с чем-то молочным. Пробовать еду мы не стали, побоялись, что она может быть отравлена. Набрали красивых открыток и вернулись к танку.

Впереди, в стороне от дороги, виднелся крупный населенный пункт. Решили заглянуть и туда. Командир оставил с собой артиллериста, а нам разрешил сходить в деревню. Подойдя к домам, осторожно заглянули в них. Никого не было видно. Заряжающий забрался на чердак одного из домов. Нашел куриное яйцо. Положил его в карман комбинезона, но, когда стал вылезать через окно, раздавил. Вычистив комбинезон, продолжили осмотр. Ничего путного не было. В хлеву стояла свинья, но у нас уже был целый ящик мяса, поэтому свинью трогать не стали. Во дворе нашли два улья. Механик Васька послал меня посмотреть, есть ли в них мед. Я подошел, но так как с детства имел к пчелам большое почтение, в улей не полез. Сказал механику, что пчелы есть, а насчет меда не знаю. Заявив, что в колхозе его все пасечники боялись, Васька пошел к ульям. Заглянув в один из них, он улыбнулся: «Ну, ребята, с медом будем!». По его указанию мы с заряжающим пошли в дом, взяли корыто, накачали из колонки воды и принесли к ульям. Васька снял крышку и вылил половину воды в улей. Потом он стал доставать рамки с медом, смахивать рукой ползавших по ним пчел и передавать нам. Мы полоскали рамки в корыте и складывали на траве в кучу. Набралось 22 рамки. Зашли в дом, разложили все на столе. Освободили ведро от отрубей и вымыли. Стали вырезать соты и укладывать в ведро. Наиболее жирные куски, где было много меда, сразу клали в рот. Дело подходило к концу, когда я вырезал кусок и собирался уже положить его в ведро, но механик сказал: «Какой кусок! Ешь!». Я откусил и почувствовал, как в нижнюю губу ужалила пчела. Она почти вся была залита медом, и ее трудно было заметить. Я взвыл. Василий выбежал во двор, схватил комок земли и, пожевав, велел мне приложить его к губе. Я приложил, но губа на глазах стала распухать. С рамками было покончено.

Выглянув в окно, мы увидели входящих во двор двух незнакомых офицеров. Слегка струхнули. Незадолго до этого один из наших автоматчиков разорвал улей, когда его окликнул офицер. Увлеченный опасным делом, боец непочтительно ответил. Офицером оказался военный прокурор. Автоматчик был предан суду и отправлен в штрафбат.

Мы срочно начали замечать следы. Выбросили пустые рамки, вытерли стол, залитый медом, но в комнате все равно стоял такой аромат, какой никуда не спрячешь. А офицеры, будто почуяв запах, шли прямо в наш дом. Они вошли, поздоровались. Мы несмело ответили. Офицеры повели носами: «Ребята, что, мед есть?». «Есть», — ответили мы. «А где?» — спросили. «Вон, за домом улей», — ответил Василий. «Ребята, помогите, мы не знаем, как обращаться с пчелами», — попросил капитан. Мы с заряжающим сказали: «Вася, ты оставайся, а мы пошли» и, забрав ведро с медом, направились к танку. Через полчаса увидели возвращающегося механика. В руках у Василия был большой таз с медом. На вопрос: «Как это ты?», — он ответил: «А я по-честному — половину им, половину — себе».

Развели костер, соты растопили. Воск сняли. Мед залили в бутыл. Я в это время связался со штабом. В штабе уточнили, что нам необходимо для ремонта. С распухшей губой мне трудно было говорить, но все же в штабе поняли. Вскоре приехала летучка. Фрикцион заменили, и мы двинулись догонять колонну. Сначала ехали через поля, потом дорога пошла лесом. Васька что-то прихворнул. На место механика-водителя сел заряжающий. Машину он вел неважно. Несколько раз съезжал с дороги, но каждый раз удавалось выбраться обратно. Проехали небольшой мост. Рядом лежало с десятков длинных квадратных балок, толщиной сантиметров по тридцать, приготовленных для ремонта моста. Видимо, наш заряжающий все силы отдал, чтобы не свалиться в реку, потому что сразу за мостом машина вильнула и съехала в кювет. Дали задний ход. Правая гусеница сорвала дерн и стала выворачивать торф, левая болталась в воздухе. Сам танк днищем плотно сел на грунт. Сообщили в штаб. Нам пообещали прислать тягач. Поужинав, легли спать. Машина имела сильный крен. Для того чтобы как-то лечь, пришлось приложить немало усилий. Дно под башней выровняли снарядами, и командир с заряжающим и артиллеристом улеглись прямо на них. Мы с механиком устроились на своих сиденьях. Ночью подкладки под сиденьями вываливались, и мы с грохотом падали на товарищей. Утром, позавтракав, пошли обследовать окрестности. Оказалось, что впереди находился еще один хутор, на котором жили две эстонские семьи. Одна зажиточная, в хорошем доме, и рядом, в хибарке, старик со старухой. Познакомились. Договорились, что утром и вечером будем брать у них по ведру молока. Раньше эстонцы сдавали молоко на завод. В результате боев завод не работал. Хозяева хранили молоко в бидонах, опущенных в колодец. Меня отправили в расположение полка за продуктами. На

попутных машинах добрался до нашей части. Полк только что вышел из боя. Я заглянул к начальнику штаба. Брюквин расспросил, что случилось с нашим танком. Пообещал помочь с тягачом. В конце разговора он приказал мне по возвращении в часть снова вернуться работать на штабную рацию. На мои слова, что начальник связи отстранил нас от работы на радиостанции, Брюквин сердито заметил, что радистами штаба распоряжается он, а не начальник связи, и я обязан выполнять его приказания. Получив сухой паек на экипаж, поехал обратно. На окраине городка находилось КПП. Там решил сесть на попутную машину. Народу на КПП скопилось много. Заметил одного танкиста из нашего полка. Несколько офицеров из резерва направлялись по своим частям. Здесь же были два легкораненых, один в голову, другой с перевязанной рукой.

Подъехала «полуторка» с тремя бочками в кузове. Из кабины вышел водитель — старший лейтенант. Вернувшись с КПП, он увидел, что кузов его машины весь набит пассажирами. Офицер начал возмущаться и гнать нас. Он кричал, что «полуторка» и так перегружена. Но мы уже успели потрогать бочки и знали, что они пустые. Убедившись, что с нами все равно ничего не сделать, старший лейтенант махнул рукой: «Ну, ладно, что случится — я не отвечаю». «Чего там случится, — засмеялись мы. — Валяй, гони!» И водитель погнал.

Я уже упоминал, что дороги в Эстонии прекрасные, но очень извилистые. Они подходили к каждому хутору. Машина мчалась с ветерком. Пассажиры разместились, кто как мог. Я и еще двое сидели на бочках. Остальные расположились на полу кузова. На одном из крутых поворотов машина качнулась. Я почувствовал, как отрываюсь от бочки и лечу. Приземлился, уткнувшись лицом в рыхлую землю вспаханного поля. При падении ноги подбросило так, что в пояснице что-то щелкнуло. Я поднял голову. На поле на боку лежала «полуторка». Рядом валялись ее пассажиры. По некоторым из них перекатывались бочки. Молоденький, тоненький младший лейтенант, отброшенный дальше всех, вскочил и побежал от машины. Поднявшись на ноги, я первым делом засунул в рот палец и стал выковыривать набившуюся землю. Из кабины выбрался водитель. Он стал просить помочь быстрее поднять машину, чтобы не дать вылиться бензину. Мы подбежали к машине и неожиданно легко подняли «полуторку», и поставили ее на колеса.

Осмотрелись. Seriously пострадал лишь солдат с перевязанной рукой. Он неудачно спланировал и уткнулся раненой рукой в землю. В автомобиле повреждений было больше. Кабину прижало к кузову. Был пробит радиатор. Погнуты тяги. Водитель умолял не бросать его, просил помочь восстановить машину, обещал довезти до места. Мы бы и рады были его бросить, но ехать все равно было не на чем. Других машин на дороге не было. Пришлось ремонтировать нашу. Мылом замазали радиатор. Сходили на ближайший хутор за водой. Выровняли

кабину. Отрихтовали тяги. Наконец завели мотор, погрузили бочки. Строго предупредили водителя, чтобы больше не гнал и вел машину осторожно. Поехали. Если на повороте «полуторка» слегка качалась, то нам уже казалось, что мы опять переворачиваемся. Пассажиры сразу стучали по крыше кабины. Старший лейтенант убеждал, что и так едет очень аккуратно. Наконец выбрались с проселочной дороги на большое шоссе. «Полуторка» поворачивала налево, а нам с танкистом надо было направо. Пересели на другую машину. Через несколько километров я сошел и, закинув за спину вещмешок с продуктами, зашагал проселками. Проходя мимо маленького хутора, решил напиться. Заглянул в дом. В комнате сидели эстонцы, муж с женой. Я поздоровался: «Тере, тере». Попросил воды. Те не поняли. Жестами показал им, что хочу пить, сказал: «Буль, буль, буль», но они все равно делали вид, что не понимают. Тогда, махнув рукой, я подошел к колодцу и, зачерпнув воды, стал пить прямо из ведра. Тут же из дома выбежали хозяева, неся в руках ковшик и кружку. Напившись, пошел дальше. К вечеру добрался до своих.

Механик Василий все еще хворал. Остальные члены экипажа готовились к извлечению танка из ямы. Из хутора к нам в гости пришел старик. Осмотревшись, подошел строевым шагом и, приложив руку к виску, громко крикнул: «Здравия желаю, ваше высокоблагородие». Мы удивились: «Ты что это, дед?». Оказалось, он вспомнил, как рапортовал еще в царской армии. Утром, поручив механику готовить завтрак, продолжили работу. В лесу в штабелях лежали дрова. Поленья длиной около метра. Принесли их к танку. Подкопав под гусеницу у ведущего колеса, подложили бревна, а откос ямы укрепили поленьями. Приволокли от моста балки. Уложили их на участок от ямы до дороги. После нескольких попыток гусеница зацепилась за бревна. Это уже был успех. Решили прервать работу и позавтракать.

Механик Василий постарался на славу! На плащ-палатке стоял большой самодельный противень с молодой картошкой, зажаренной на сале. Картошки практически не было видно, она тонула в растопленном жире. Возле бутылки с медом возвышалась гора блинов. В стороне стояло ведро с молоком. Умывшись в ручье, мы, как были в рабочем виде, без ремней и пилок, с расстегнутыми воротниками, так и сели завтракать. Только приступили к еде, как к нам подъехала легковая машина «Эмка», производства Горьковского завода имени Молотова. Из машины вылезли недавно прибывший в нашу часть помпотех и парторг полка. Мы встали. Командир экипажа подошел к начальству с рапортом. Помпотех подозревал еще механика-водителя и начал ругаться: «Почему посадили машину? Почему до сих пор не вытащили?». Парторг в это время подошел к нам и стал беседовать. Услыхав слова помпотеха, что если бы нам не выдавали продукты, то мы бы давно вылезли из ямы, парторг рассмеялся: «Майор, иди-ка сюда». Когда тот подошел, парторг указал ему на наш стол и сказал, что мы не только не умрем с голоду, но

еще и других сможем накормить. Мы пригласили начальство к столу. Выпив по кружке молока, офицеры от остального угощения отказались и уже спокойно сказали, что тягач прислать нет возможности, поэтому надо вытаскивать машину своими силами. Осмотрев место аварии, они остались довольны. И действительно, вид проделанной работы производил впечатление. Огромная яма, горы земли, разбросанные бревна и уложенные балки. Пожелав успеха, начальство уехало. Позавтракав, мы вернулись к яме.

Дело пошло. Танк ревел. Мы постоянно восстанавливали разрушаемый гусеницами бревенчатый настил, и машина все больше и больше вылезала из ямы. Наконец гусеницы полностью легли на балки, и уже по ним танк вышел на дорогу. Я взглянул в яму, и стало страшно, такая она была огромная. Мы собрали свои вещи, завели машину и поехали на хутор.

Все хуторяне вышли на улицу, окружили танк и восхищались его размерами и мощностью. Мы решили в этот день передохнуть. Местные жители копали картошку. Мы взялись им помогать. Двое из нас вели под уздцы лошадь, а один сзади управлял сохой. Следом за нами шли две хозяйские дочки и собирали выкопанный картофель. Поначалу все шло хорошо. Мы уже вскрыли большую часть поля, но слишком увлеклись. Разогнали лошадь. Соха ударилась о камень и рассыпалась. Мы расстроились. Подошел старый воин, что отдавал нам честь, покачал головой. «Ладно, — сказал, — потом отремонтирую».

Вечером устроили салют. Чтобы почистить пушку, пару раз выстрелили из нее в сторону леса. Потом запустили несколько ракет, что с восторгом было встречено эстонцами. Ночевали в танке. Утром позавтракали и, попрощавшись с хозяевами, двинулись в путь. К обеду были уже в части.

Полк остановился в маленьком городишке Сууре-Яани. Здесь я попрощался со своими товарищами по экипажу, с которыми уже успел сродниться, и вернулся на радиостанцию. Трунов возвратился на пару дней раньше. Встретились мы все вместе на радиостанции так, как будто и не было недельного расставания.

На другой день ребята собрались в поход. Позвали и меня. За старшего был Михаил Васенин. Мы вышли из города и направились к большому дому, стоявшему на отшибе, на холме. Подошли, постучали. Вышла хозяйка. Мишка сказал несколько слов, которые мы знали по-эстонски: «Айне сига. Айне пийма» — «Давай сала, давай молока». Хозяйка впустила нас в дом, повела на кухню. Когда шли по коридору, открылась дверь, из нее выглянул мужчина, и дверь тут же закрылась. На кухне мы уселись на лавку за большим столом из строганых досок. Хозяйка вышла и через несколько минут принесла тарелку с хлебом и кусками ветчины. После того как с ветчиной было покончено, женщина принесла крынку молока. Мы выпили молоко и, поблагодарив

хозяйку, пошли обратно. По дороге Мишка спросил, что это мы ели. Ему объяснили, что это копченая свинина. Он сказал, что она ему очень понравилась и теперь всегда надо будет такую просить. Но больше в этот дом нам не пришлось ходить. Через день нас перебросили в город Тапа.

Во время перехода произошел инцидент. Один из танков зацепил проезжавшую по дороге телегу. На ней сидели две женщины, пожилая и молодая. Из разломанной телеги вывалился ящик. Из него посыпались винтовочные патроны. Колонна остановилась. В телеге нашли еще и пистолет. Начали выяснять, откуда у женщин оружие. Молодуха заплакала, а старая что-то со злостью стала кричать по-эстонски. Мы знали, что многие эстонцы воевали вместе с немцами против нас. Когда немцы отступали, эстонцы уходили в леса и там продолжали свою борьбу. Скорее всего, эти женщины были связаны с такими отрядами. Но, учитывая успехи на фронте, у всех было прекрасное настроение. Отобрав оружие, женщин отпустили. В Тапа полк получил новую технику и стал ждать дальнейших распоряжений.

Нам выдали новую радиостанцию SCR-254А. Она была прислана по ленд-лизу из США. SCR была намного мощнее, чем наша старушка 5-АК. Связь на ней была гораздо надежнее. К радиостанции придавался аварийный движок для вырабатывания электроэнергии в случае выхода из строя источников питания. Этот движок надо было крутить ногами, как велосипед. Мы попробовали, покрутили и спрятали движок подальше. Слишком тяжелой была эта работа.

КУРЛЯНДИЯ

Пока стояли в Тапа, пошли разговоры, что нас направят в Восточную Пруссию, где в это время велись ожесточенные бои. Наконец нас погрузили в эшелон, и мы тронулись. Кто-то из начальства решил, что у штаба должна быть телефонная связь с паровозом. Мы протянули провода и по очереди дежурили на паровозе. Состав был тяжеловесным. Его вели два паровоза ФД («Феликс Дзержинский»). Телефон был установлен на втором локомотиве. Во время моего дежурства эшелон шел по Эстонии. Разрушенная во время боев дорога была восстановлена из кусков рельс и не отличалась надежностью. Я с интересом наблюдал за работой паровозной бригады. Оказалось, что самой тяжелой была работа помощника машиниста. Кочегар подбрасывал уголь из тендера ближе к топке, а помощник машиниста почти непрерывно бросал лопатой уголь в топку, в то время как машинист, не отрывая взгляда от окна, открывал и закрывал дверцу топки парового котла. Вдруг машинист заволновался, начал давать гудки и махать руками, подавая сигналы переднему паровозу. Но впереди на сигналы не обращали никакого внимания. Я спросил у помощника, в чем дело. Оказалось, что состав развил

слишком большую скорость, опасную для такого ненадежного пути. Надо было тормозить, а машинист переднего локомотива, увлекшись, мчался на полном ходу по высоченной насыпи. Внизу мелькали сосны и придорожные постройки. Я уже начал прикидывать, куда прыгать в случае катастрофы. В это время передний машинист оглянулся. Увидев кулак, показанный ему старшим товарищем, и догадавшись, в чем дело, начал тормозить. Дальше ехали спокойно. На станциях почему-то подолгу стояли. Наконец въехали в Латвию.

Прибыли в Крустпилсский край. Простояли несколько часов. Заменяли паровозы, и дальше эшелон пошел почти без остановок. В этот день, 22 октября 1944-го года, была взята Рига. Эшелон направили в Курляндию. Нам предстояло добивать окруженную группировку противника. Выгрузились в Елгаве и своим ходом вышли в район Добеле.

Началась Курляндская эпопея. Бои отличались тем, что силенок у нас на этом направлении было мало, основные войска были переброшены в Германию. Атаки чаще всего готовились неважно, и мы несли большие потери. В первом же бою под Добеле полк лишился половины танков. Начштаба Брюквин был вызван в штаб стрелкового корпуса. Командир корпуса начал ругать майора за то, что танки не поддерживали пехоту и сорвали атаку. Брюквин стал доказывать, что дело обстоит иначе. Мол, танки пошли вперед, а пехота залегла, и танкам, понесшим потери, пришлось вернуться. Генерал закричал: «Что ты врешь? Вот как сейчас тебе дам!». Брюквин подставил лицо: «На, бей!». Командир корпуса слегка шлепнул Брюквина по щеке. Майор сказал: «Эх, вы! А еще генерал!» — повернулся и ушел. Расстроенный начштаба вернулся в полк. Когда Брюквин пришел на радиостанцию, мы сразу заметили, что он не в себе. Стали расспрашивать, в чем дело. «Все, ребята, отвоевали мы вместе», — сказал Брюквин и поведал, что произошло. Мы, как могли, успокаивали майора, но сами переживали не меньше. И тут Брюквина снова вызвали в штаб корпуса. «Вот и все», — сказал он и уехал. Через час майор вернулся с таким радостным лицом, что сразу стало ясно — все утряслось. И действительно, генерал разобрался в сложившейся ситуации. Выяснил, что танкисты не виноваты. Командир корпуса принес Брюквину свои извинения, и скандал на этом закончился.

У Брюквина в это время возник роман с медсестрой Клавой. Она прибыла вместо уехавшей к Примаченко Гали. Клава была высокая, стройная, красивая и умная девушка. В бою она смело оказывала помощь пострадавшим танкистам. И вот случилась любовь. А Брюквин был женат, и жена служила машинисткой в штабе фронта.

Полк переводили с участка на участок. Где только намечалось наступление, туда бросали полк. Мы продвигались на несколько километров вперед и останавливались. Иногда противник сам отходил на заранее подготовленные позиции. Больших успехов не было.

В конце октября 1944-го нас перевели на новый участок фронта. Ехали целую ночь. В пять часов утра остановились на опушке леса. Хотели уже разворачивать станцию, но на карте увидели, что в пятистах метрах от нас находится небольшой хутор. Решили перебраться туда. На хуторе стояло два потрепанных дома. Заехали во двор. Было еще темно. Хотели прикорнуть в машине, но вошел начальник связи Тимофеев и сказал, что он устал, проведя всю ночь в кабине, поэтому мы должны идти отдыхать в дом, а он ляжет в машине. Я разозлился, велел взять шинели, и мы направились к выходу.

Тимофеев остановил: «Колбасов и Индюков, разворачивайте станцию». Индюков полез на крышу устанавливать антенну, а я стал подключать аппаратуру внутри. Трунов и Васенин, прихватив шинели, пошли во двор. Вдруг послышался несильный взрыв. По машине застучали комья земли. Николай скатился с крыши с криком: «Ребята подорвались!». Я оцепенел и не мог сдвинуться с места. Индюков осторожно подошел к лежавшим товарищам. Оказалось, Володя наступил на противопехотную мину и ему оторвало ступню. У Михаила взрывом засыпало глаза. Индюков вывел их к машине. Уложил на скамейки. Прибежала медсестра Соня. Наложила Володе жгут. Вместе с командиром взвода Никифоровым повезли раненых в ближайший госпиталь. Он был совсем рядом. Раненых там не приняли. Госпиталь только что прибыл на место и еще не развернулся. Нас направили в находившийся неподалеку медсанбат. Там такая же картина. Мы объехали несколько госпиталей и медсанбатов. Происходила перегруппировка войск и соответственно медицинских учреждений. Володя стонал. Вдруг он опустил руку и стал шарить под скамейкой. Я спросил, что он хочет. «Николай, дай наган. Не могу больше», — ответил он. Я стал его уговаривать, мол, еще погуляем по Васильевскому. Не успел успокоиться Володя, заплакал Михаил. Он трясся от рыданий, причитая: «Кому я теперь нужен, слепой!?». Тут не выдержала медсестра. Подойдя к Васенину, она пальцами раздвинула его веки. Раздался крик: «Вижу! Вижу!». Оказалось, что глаза были целы, но засыпаны толom и землей. Мишка успокоился.

Подъехали к очередному госпиталю. Всюду суетились люди. Мы с Никифоровым пошли к палаткам. Нашли заместителя начальника госпиталя. Но он тоже отказался принять раненых, оправдываясь тем, что госпиталь не развернут. И тут не выдержал Никифоров. Выругавшись крепче крепкого и выхватив пистолет, он стал угрожать перестрелять всех, кто не хочет помочь страдающим людям. Подошел подполковник, какой-то инспектор, и спросил, в чем дело. Мы рассказали, что в течение шести часов возим раненых и нигде нам не хотят помочь. Подполковник попросил показать. Подойдя к машине и взглянув на Трунова, он подозвал майора-медика и приказал немедленно оперировать Володю. Принесли носилки, положили раненого. Володя попросил прихватить его шинель. Она была перешита по его фигуре, и он любил

ею щеголять. Когда Володю несли к палатке, он вспомнил о полевой сумке. В ней он хранил документы и награды. Я сбегал к машине, принес, подал и обратил внимание на кусок сукна, торчащий из раненой ладони. Володю сразу же положили на операционный стол. Я сказал, что напишу его матери. Володя решительно запретил, сказав, что сам обо всем напишет. Нас попросили удалиться. Попрощавшись, мы пошли к машине. Михаила Васенина принять в госпиталь отказались, ссылаясь на отсутствие глазников. Мы вернулись обратно в часть. Оказалось, что за это время мы уехали на 60 километров от полка и находимся в Литве, недалеко от города Мажейкяй. Вернувшись, обнаружили рядом только что развернувшийся небольшой медсанбат. В нем оставили Васенина.

На другой день началось наступление. Продвинулись на 12 километров. Дальше противник уперся, и завязались позиционные бои. Навестить друзей не было никакой возможности. Спустя неделю вышли из боя. Неожиданно открылась дверь, и к нам вошел Васенин. Глаза ему подлечили. Как-то возле медсанбата он увидел машину из нашего полка и удрал на ней из госпиталя, не забрав даже документы. Позже документы восстановили, и Васенин продолжил воевать вместе с нами.

Я получил письмо из дома. Родители укоряли меня в том, что я ничего не написал им о гибели Володи. Мы ошалели. Оказалось, мать Трунова получила извещение о смерти и месте захоронения сына. Она была женщина решительная, член партии и добилась разрешения перезахоронить Володю на родине, в поселке Суйда под Гатчиной. Выхлопав спецвагон, мать Трунова поехала на место захоронения сына. Раскопали могилу. Лежал Володя в общей могиле, в одном нижнем белье. Мы не сомневались, что ему отнимут ногу, но оказалось, что кроме ноги, отрезанной выше колена, была ампутирована еще и рука. Мы так долго возили Трунова по госпиталям, что у него началась гангрена ноги и руки. Кусок сукна, застрявший в ладони, сделал свое дело. Володю перевезли в Ленинград и похоронили под Гатчиной в Суйде, на тихом сельском кладбище.

Бои продолжались. Понес потери мой бывший танковый экипаж. Во время прорыва переднего края вражеский снаряд попал в танк. Заглох мотор, запахло гарью. Экипаж стал покидать машину. Выпрыгнувшего из танка командира тут же снял немецкий автоматчик. Артиллериста постигла та же участь. Только заряжающий, прыгнув на немца, смог его задушить. В это время механик-водитель нажал на стартер и двигатель заработал. После боя убитых положили на броню и вывезли в тыл.

Нас бросали с одного участка фронта на другой. Успехов не было. Вместо Володи Трунова пришел новый радист — Андрей Климов. Молодой, скромный парнишка, прекрасно вписавшийся в наш экипаж.

В полк приехала жена начштаба Брюквина и стала работать машинисткой при штабе. Пожилая, не особенно красивая женщина, она,

конечно, не шла ни в какое сравнение с красавицей Клавой, которую незадолго до этого пришлось перевести в резерв. Расставание было тяжелым. Всегда подтянутого майора после этого трудно было узнать. Он как-то сник. Не то чтобы опустил, но в нем уже не было прежней энергии. Это отразилось и на работе. Во время очередной атаки на минах подорвалось несколько танков. За упущения в организации подготовки боя и за недостатки во взаимодействии с саперами начальник штаба майор Брюквин был снят с должности и отозван в расположение штаба фронта. Для нас это был тяжелый удар. Целых два года мы с майором были вместе. О нем остались только самые светлые воспоминания. Через некоторое время до нас дошла весть, что Брюквин назначен помощником начальника оперативного отдела мотомеханизированного корпуса и ему присвоено звание подполковника. Мы были очень рады за него. Вслед за Брюквиным уехала и его жена. А в полк еще долго шли письма от Клавы. После войны Константин Андреевич Брюквин работал учителем в подмосковной школе. Умер он в 1987 году.

После очередного боя мы остановились на маленьком хуторе. От домов остались только каменные фундаменты, да закопченные печные трубы. Рядом — заминированное немцами поле. Саперы успели огородить его колышками с надписями «мины». В полдень мимо нас в сторону припорошенного снегом поля проехали два воза с сеном. На верху возов сидели старики-солдаты. Мы крикнули им: «Славяне! Куда прете? Там мины!». Они в ответ только махнули рукой: «Ничего!». Неожиданно под второй телегой раздался взрыв, и правое переднее колесо разлетелось вдребезги. Воз накренился. Возница на первой телеге ударил лошадь кнутом, и повозка быстро ушла вперед. Вторая же телега вновь налетела на мину. Еще один взрыв. Теперь отлетело заднее колесо с левой стороны. Лошадь потащила за собой качающийся из стороны в сторону воз, и тут грохнул третий взрыв. Лошади оторвало ноги, и она, дергаясь, повалилась на землю. Возница долго сидел и смотрел сверху, наконец стал медленно спускаться. Добравшись до земли, он вдруг опять быстро залез наверх. Собравшиеся на краю минного поля солдаты подавали советы. Наконец возница решил. Слез с воза и, осторожно ступая по следу колеса, выбрался с минного поля. Раненую лошадь пристрелили из винтовки. А первая телега, благополучно миновав заминированную зону, уехала своей дорогой.

На другой день на хуторе появился небольшой старичок-латыш. Он походил вокруг закопченных фундаментов и ушел. Через некоторое время вернулся с маленькими саночками. Забравшись внутрь одного из фундаментов, поковырял ломиком и, откинув несколько камней, извлек бочонок. Вокруг собралась толпа любопытных. Когда старик установил бочонок на санки, его спросили, что внутри. «Да, вот, сальца немного осталось», — ответил старик. Кто-то из бойцов попросил попробовать. Латыш достал шмат сала, отдал его и, привязав бочонок к санкам,

быстро удалился. Не успел он скрыться, как солдаты, схватив ломы, начали крушить все внутри фундаментов. Но сколько они не старались, ничего больше обнаружить не удалось. Так ни с чем и разошлись.

Получил письмо из дома. Из него узнал, что отца взяли в армию и отправили на фронт. Дома осталась мать, у которой была сильная гипертония, и брат Миша. В 1943 году он работал со своим классом в колхозе. Спали чуть ли не на голой земле. Брат простудился и заболел туберкулезом.

Бои продолжались без особых успехов. В одной из атак немецкая болванка пробила лобовую броню одного из танков и пролетела между ног механика-водителя. На обоих сапогах болванкой содрало кирзу, а у самого механика не оказалось ни царапины. Весь полк ходил смотреть на эти сапоги, а в следующем бою механик-водитель погиб.

Болванка — это немецкий противотанковый снаряд. Небольшая, длиной сантиметров 30, диаметр 76 мм, она имела огромную скорость полета. Ночью даже было видно, как она летит. Болванка светилась, раскаленная трением. Одному из танков такой снаряд пробил маску, место, где ствол пушки выходит из башни. В этом месте самая большая толщина брони. Внутри болванка срезала угол откатника пушки и, ударившись о заднюю стенку башни, оставила вмятину в броне. Когда еще теплую болванку подняли и осмотрели, то, после всех этих ударов, у нее только чуть-чуть притупился носик. Болванку вставили в отверстие, пробитое ею же в маске, и заварили.

У нас против танков применялись подкалиберные кумулятивные снаряды. Конусообразная головка снаряда состояла из нескольких частей, собранных ступеньками. Эти снаряды пробивали броню немецких танков. Кстати, броня наших танков КВ намного превосходила немецкую, особенно в первые годы войны, когда броня прокатывалась. С 1944 года башни стали делать литыми, и они стали более хрупкими. Зато литье упростило производство и увеличило количество. Еще крепче была броня у английских танков «Черчилль» и «Матильда», и она при поражении давала меньше осколков. Но по конструкции наши танки были лучшими в мире.

В конце войны у немцев появилось новое оружие — гранатомет «Фаустпатрон». Это была небольшая труба с овальным набалдашником — кумулятивной гранатой. Трубу брали подмышку или на плечо и, наведя гранату в сторону танка, производили выстрел. Граната поражала цель на расстоянии до 50 метров. В броне прожигалось, как просверливалось, аккуратное отверстие, после чего заряд влетал внутри танка и взрывался, поражая боеприпасы, баки с горючим и другие воспламеняющиеся материалы. Это оружие оправдывало свое дьявольское название и наводило страх на танкистов.

В январе 1945 года в полк пришла новая техника. Вместо танков мы получили самоходные орудия СУ-152. Это были прекрасные могучие

машины, но применялись они по-дурному. Самоходные артиллерийские полки действовали, как правило, из засад и укрытий. 152-миллиметровые снаряды могли поразить любую цель. А у нас эти машины стали применять как танки. Неповоротливые, с небольшим запасом снарядов, ведущие огонь с места, они становились прекрасной мишенью во время атаки. В это время отменили должности политруков. Офицеров быстро переучили. Экипажи самоходок пришли к нам с командирами и водителями — бывшими политруками. Крепко подкованные идейно, они не имели боевого опыта и не спешили покидать подбитые машины, сгорая целыми экипажами. После того как все СУ-152 были быстро уничтожены, нам прислали новые самоходки СУ-122. Несколько боев, и тот же результат. После этого мы снова получили танки КВ.

Бои шли в районе поселка Ауце. Здесь же были населенные пункты Яунауце и Яунауцес. Большие потери понес взвод автоматчиков. Как всегда, ночью, автоматчики понесли пищу танкистам. Возвращаясь обратно, попали под обстрел. Двое из бойцов бросились в ближайшую воронку, а остальные укрылись в оказавшейся поблизости землянке. И именно в эту землянку попал снаряд. Восемь находившихся в ней автоматчиков погибли. В следующую ночь нести пищу танкистам было некому, и послали всех, кого только смогли найти. Вот и нашему экипажу пришлось закинуть термоса с кашей за спину и вместе с другими товарищами отправиться на передний край. Шли густым лесом. Время от времени тропу освещали взлетающие ракеты. Накормив несколько экипажей, мы подошли к очередному танку. Емельянов сбросил с плеч на землю термос со щами и тут же раздался взрыв. Термос взлетел на воздух и, зацепившись ремнями за ветки, повис на дереве. Из развороченного дна выливались остатки щей. Оказалось, термос встал на противопехотную мину. Хорошо, что никто из нас не пострадал. Накормив танкистов, мы вернулись обратно. Через несколько дней автоматчики получили пополнение.

В автоматчики был переведен заряжающий одного из танков. Звали его Игорь. Он не ладил с командиром, и офицер выгнал его из экипажа. Игорь очень переживал и чуть ли не позором считал свою новую службу.

Игорь был веселый, остроумный парень из Одессы. Он знал много анекдотов и песенок. Мы успокаивали его, уверяя, что на новом месте будет ничуть не хуже. Очень скоро он в этом убедился сам. Во время очередной атаки танк Игоря был подбит. Машина сгорела вместе со всем экипажем. Прошло несколько дней. Автоматчики снова понесли пищу и не смогли найти один из танков. Оставшийся без питания экипаж по радио выразил свое возмущение. Начальство передало это недовольство бойцам взвода. Автоматчиков обвинили в том, что из-за трусости они не добрались до танка. Игорь не стерпел обиды. Схватив термос, он один

пошел на передний край и не вернулся. На следующую ночь его нашли в лесу. Он погиб, попав под минометный обстрел.

Мы с Николаем Индюковым шли по дороге. Навстречу нам трое конвоиров вели колонну из тридцати пленных немцев. Рядом шла молодая женщина с грудным ребенком на руках и громко, в голос плакала. Она кричала: «Ой, ты, родненький мой! На кого же ты меня покидаешь?! Охтенки! Охтенки! Да как же я без тебя жить-то буду?! Охтенки! Охтенки!». И тут она бросилась в середину колонны. Одной рукой прижимая ребенка, другой обняла одного из немцев, низенького худого солдата. Немец смущенно оглядывался кругом. Конвоир бросился к женщине и, выдернув ее из колонны, толкнул прикладом: «Ах ты, сука фашистская! Навязалась на нашу голову!». Женщина опять затынула свои причитания. Мы поинтересовались, что происходит. Оказалось, что бабенка пригуляла от немца ребенка. Когда фашистов погнали из-под Ленинграда, она из Новгорода пошла следом за своим отступавшим фрицем. И теперь, уже в Курляндии, продолжала тащиться за ним, угоняемым в плен. Колонна ушла вперед, но еще долго был слышен плач и причитания этой несчастной женщины.

Начальник связи на нашем фургоне поехал зачем-то в тыл. По дороге на контрольно-пропускном пункте машину остановили, к чему-то придрались, и наш старенький, прошедший огонь и воду фургон был конфискован из-за технической непригодности. Через несколько дней мы получили новый маленький микроавтобус. Установили в нем свою SCR-ку и продолжили воевать.

Получая письма от отца, я обратил внимание на даты на почтовых штемпелях. Получалось, что письма приходят на второй или третий день после отправления. Значит, отец был где-то совсем рядом. Это предположение вскоре подтвердилось.

Мы вышли на переформирование. Стояли в лесу, в семи километрах от переднего края. На опушке леса расположились батарея 76-мм пушек и чуть в стороне медсанбат. Рано утром начсвязи Тимофеев приказал ехать на армейский склад. Надо было получить запасное имущество к радиостанциям. Добираться предстояло на попутках. После завтрака мы с Индюковым и Васениным пошли на шоссе. Когда проходили мимо машины-летучки командира взвода роты техобеспечения, в небе разорвался шрапнельный снаряд. Из фургона выглянул командир взвода Михаил. Еще недавно он был водителем танка, и очень неплохим. Михаил был одним из трех механиков-водителей, которым под Нарвой удалось благополучно вывести свои машины с поля боя. И награды у него были боевые: две медали «За боевые заслуги», две «Звездочки» и два ордена «Отечественной войны». Не так давно командование оценило его и перевело в роту технического обеспечения, РТО. Он был очень доволен. При встречах с удовольствием рассказывал, как хорошо ему послужится на новом месте.

Стоя в дверях фургона, Михаил попытался разобраться, что происходит. В это время рядом разорвалось несколько снарядов. Мы сразу залегли. Михаил выпрыгнул из машины, и в этот момент его сразил осколок. Обстрел прекратился. Мы подбежали. Михаил тихо стонал. Сбегали за носилками и понесли взводного в медсанбат. При нас раненого положили на операционный стол. Он был в сознании. Стали заполнять медкарту. Михаил сам сказал свои данные, адрес родителей. Сняли рубашку. Из раны в груди при дыхании выскакивали кровавые пузыри. Скорее всего, осколок пробил легкое. Нас попросили покинуть палатку, начиналась операция. Мы вышли на дорогу, поймали попутную машину и поехали на тыловую базу.

Добравшись до складов, получили необходимое имущество и отправились обратно. Сменив несколько попуток, добрались до окрестностей Ауце. Машин в нашем направлении не было, пришлось идти пешком. Нас догнала колонна грузовиков с боеприпасами. Ребята сумели остановить машины и уехали, а мне не хватило места, и я остался. В руках у меня были три изолятора для танковых радиостанций. Я догнал молодого пехотинца, шедшего по дороге, и дальше мы пошли вместе.

Впереди показался перекресток дорог, имевший дурную славу, его часто обстреливали. По пути мы разговорились с парнишкой. Он спросил, был ли я ранен. Для солидности я чуть было не соврал, что был, но, подумав, сказал правду. И тут же вдалеке раздался пушечный выстрел и послышался свист летящего снаряда. Мы бросились на снег. Мой попутчик упал на дорогу, а я скатился в ближайший кювет. Снаряд разорвался совсем рядом, по другую сторону дороги. Потом я часто думал, что если бы соврал, сказав, что имел ранение, то не вышел бы благополучно из этой передрыги. Как только просвистели осколки, мы вскочили на ноги. Пока я собирал изоляторы, пехотинец был уже далеко впереди. Я прибавил шаг и вскоре догнал его. Послышался новый выстрел и свист снаряда. Чувствовалось, что снаряд разорвется в том же месте, откуда мы убежали. И действительно, мы уже ушли далеко, а снаряды все продолжали методично рваться на том же самом перекрестке.

Вернувшись в подразделение, я узнал, что Михаил, взводный роты техобеспечения, умер на операционном столе. Сразу после ранения его стали оперировать, но не смогли спасти.

Через несколько дней нас перебросили в район Вайноде, ближе к Либаве (Лиепая). Здесь я получил свою третью медаль «За отвагу».

Наступила весна 1945-го. Стояли погожие теплые дни. Снега уже не было. На посту около штаба дежурил автоматчик Петр Пантюхов. Молодой, здоровый парень. Уже всходило солнце. Петька присел на пенек, зажал автомат между ног, пригрелся на солнышке и задремал. Волею вышел на двор по нужде. Увидев спящего Пантюхова, тихонько подошел к нему сзади, обхватил голову руками и с криком «хенде хох!»

поволок автоматчика по земле. Пантюхов мычал что-то нечленораздельно, но даже не пытался вырываться. Протащив дежурного несколько метров, Володин выдохся и выпустил Петра из рук. Лежа на земле, Пантюхов продрал глаза и, узнав Сергея Максимовича, только сказал: «Володин, как ты меня напугал!». Потом он признался, что очень сильно струхнул. Война кончается, а он попал в плен. Долго еще весь полк потешался над Петром.

Второго мая мы смотрели кино. В большой палатке крутили какую-то веселую комедию. Снаружи слышалась стрельба, которая с каждой минутой нарастала. Все выскочили из палатки. Творилось нечто непонятное. Кругом шла ожесточенная пальба. В вечернем небе светились цепочки трассирующих пулеметных очередей, но в то же время чувствовалось, что это не бой. Так мы узнали, что нашими войсками взята столица Германии — Берлин. По этому поводу солдаты и устроили салют.

Через день мы перебрались в район Приекуле. Расположились на небольшой высоте. На столбе у проходящей рядом дороги указатель: «Лиепая — 47 км». Молодой солдат, недавно прибывший во взвод автоматчиков, рассказывал, как зимой они брали эту высоту. После двух неудачных попыток к высоте подтянули их батальон. Одели всех в новые белые маскхалаты. Выдали по двести грамм водки. После короткой артподготовки бросили на штурм. Дело пошло успешно, и вскоре бойцы уже карабкались по склону наверх. Вдруг от пушки, в упор стрелявшей по ним, донеслись слова, заставившие солдат застыть в недоумении. Слова звучали русские, но призывали бить проклятых коммунистов. Это были власовцы. Опомнившись, наши бойцы бросили гранату. Два солдата противника были убиты, один немец и латыш подняли руки, а один метнулся и скрылся в землянке. Когда наши подбежали ко входу, изнутри прозвучали автоматные очереди. Пришлось бросить гранату в трубу. После взрыва бойцы выбили дверь и ворвались в землянку. На полу валялся раненый. Он кричал: «Братцы, я свой! Я вятский!». «Ах, ты, вятский?!» — и солдаты начали лупить его сапогами. В землянку вбежал ротный. Узнав в чем дело, остановил бойцов, сказав, что пленный может еще пригодиться. Высота была взята.

С высоты был виден передний край. Изредка там велась артиллерийская перестрелка. Утром 8-го мая мимо высоты к линии фронта потянулась боевая техника. По всей округе, куда только хватал глаз, ползли танки, самоходки, бронетранспортеры. К переднему краю подтягивался мотомеханизированный корпус. По дорогам шли колонны пехоты. Помощник начальника штаба капитан Аркадий Лондон, прихватив меня, направился в штаб дивизии. Надо было уточнить задачу, стоящую перед нашим полком. В штабе велели ждать. Сказали, что задачу поставят позднее. Мы вернулись обратно.

К переднему краю пролетели самолеты, в основном штурмовики. Начиная с середины 1944-го года наша авиация полностью господствовала в воздухе. Немецких самолетов почти не было видно.

Забравшись на вершину холма, мы наблюдали происходящее вокруг. На переднем крае загрохотала артиллерийская канонада. Немцы открыли сильный огонь. Наконец обстрел затих. Оказалось, что прибывшая пехота, готовясь к наступлению, стала заменять части, державшие до этого оборону. Передислокация делалась без надлежащей скрытости. Немцы обнаружили перемещение и нанесли удар. Наши потери были огромны.

ПОБЕДА

Мы заметили, что возвращавшийся с переднего края самолет, подлетая к нашей высоте, стал качать крыльями. Зная, что летчики иногда по ошибке обстреливали своих, мы, на всякий случай, спрятались. Самолет пролетел. Выйдя из укрытия, мы продолжили наблюдение. По дороге, ведущей к линии фронта, двигался батальон пехоты. Навстречу на коне скакал военный. Вот он остановился около колонны, что-то крикнул, и в ответ раздалось громкое «ура!!!». Кто-то из наших сбегал к пехотинцам и, вернувшись, объявил радостную новость — на переднем крае немцы выбросили белые флаги! Капитуляция! Мы еще боялись поверить, но получали все новые и новые подтверждения. Мне вспомнились солдаты, погибшие за полчаса до этого от артиллерийского налета.

Послышались выстрелы из стрелкового оружия. Стрельба усиливалась. И вот уже все вокруг вели огонь из личного оружия. Замполит Смирнов взял руководство салютом в свои руки. Выстроил танкистов, и по его команде танкисты дали залп за залпом из ракетниц.

Стемнело. По небу струились змейки от трассирующих пуль и снарядов. Взлетали осветительные ракеты. Когда закончился запас ракет в танках, Смирнов послал начальника боепитания в тыл, за новыми боеприпасами. Стрельба продолжалась всю ночь. Много было после этого в моей жизни салютов, но такого радостного и красивого я больше никогда не видел.

На другой день по радио передали официальное сообщение о капитуляции противника и о победе союзников. В этот день стрельба продолжилась, но народ уже начал успокаиваться и привыкать к мирной жизни.

ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

А война напоминала о себе. Несколько офицеров пошли прогуляться. На опушке леса заметили лежавшую большую разноцветную бабочку. Кто-то из военных не удержался, взял ее в руки. Раздался взрыв. Офицер погиб. Его товарищи получили ранения. Оказалась, это была мина-ловушка. Такие сюрпризы немцы сбрасывали с самолетов. При ударе о землю у мины раскрывались крылья, и она превращалась в красивую игрушку на боевом взводе. Стоило ее задеть, раздавался взрыв.

В один из дней танкисты буксировали танк с отказавшим двигателем. Когда стали отцеплять трос, нужно было сдать передний танк назад. Водитель не рассчитал. Машина дернулась и раздавила находившегося между танками солдата. Пройдя всю войну, боец по-глупому погиб в первые же мирные дни.

12 мая в полку была создана группа по учету трофейных танков. Группа состояла из начальника штаба, начальника связи, командиров взводов управления и автоматчиков. Туда же вошли и мы — радисты. Все разместились в кузове грузовика «студебеккер» с брезентовым верхом. Направились в сторону бывшей линии фронта. Спустились в долину. Внизу протекал маленький ручеек с заболоченными берегами. Кругом на колышках торчали дощечки, предупреждавшие о минах. Перебравшись через ручеек, поднялись на бывший немецкий берег. Он был выше и круче нашего, покрыт хвойным лесом. Где-то посреди подъема мы увидели тяжелый танк «тигр». Танк стоял в земляном укрытии. Были видны только башня и огромная пушка. Мы взглянули на наш берег. Бескрайнее пшеничное поле было усеяно подбитыми и сгоревшими «тридцатьчетверками». Со своих позиций «тигры» и немецкие пушки без особого для себя риска могли на выбор уничтожить наши танки. И кому только вздумалось прорывать оборону в таком неудобном месте? И как хорошо умели немцы выбирать позиции для своей обороны.

Проехали через маленький городишко Кулдига. Я и не догадывался, что здесь в это время находилась часть, в которой служил отец. Через несколько километров мы очутились на большой поляне, где размещался лагерь для пленных немцев. В Курляндии было взято в плен более 150 тысяч пленных. Этот лагерь был одним из многих, куда немцев свозили на автомашинах. Тут пленных формировали в колонны и дальше конвоировали пешком. На себе много не унесешь, и здесь немцы избавлялись от лишних вещей. Один солдат из нашей группы подобрал себе хорошие сапоги, другой — неисправный аккордеон. А все остальные набрали конвертов, бумаги и эрзац-мыла. Мыло было искусственное, с песком. Оно не только мылило, но и отскребало грязь.

Мы обратили внимание на небольшую группу пленных. Расположившись на бочках из-под горючего, они играли в карты. Среди них выделялся здоровенный фриц. На его груди поблескивал знак, вроде

нашего «Отличный танкист», с изображением надвигающегося танка. Мы спросили немца, сколько он уничтожил наших танков? В ответ он начал отрицательно мотать головой. Потом показал палец, мол, всего один танк. Конечно, мы ему не поверили. Спросили, как ему нравятся наши танки. Немец изобразил свое восхищение: «Сталин — гросс», и руками показал, какой ИС огромный. «Фирунддрайциг зи, зи, зи», — и немец сделал рукой зигзагообразное движение, показывая маневренность Т-34.

Покинув лагерь, мы направились в сторону Вентспилса. Время двигалось к вечеру, и пора было подумать о ночлеге. В стороне темнел лес. Оттуда шли шестеро солдат. Подъехали к ним. Спросили, где можно переночевать. Узнали, что недалеко на берегу моря стоит хутор. Там можно устроиться. Но, предупредили солдаты, надо быть осторожными. В округе много бродячих немцев, а в лесу наша дивизия ведет бой с крупными силами власовцев. Попрощавшись с солдатами, отправились на хутор. Действительно, он расположился на самом берегу. Здесь я впервые в жизни увидел настоящее Балтийское море. Берег был высок и обрывист. Далеко внизу виднелась узкая полоска пляжа. До самого горизонта раскинулась водная гладь. Вода была тяжелого свинцового цвета. На прибрежный песок набегали небольшие с белыми барашками волны. Полюбовавшись этой красотой, мы пошли устраиваться на ночлег.

Хутор был разделен на две части глубоким оврагом. На нашей стороне стояло два дома и на другой — домов восемь. Загнали машину во двор и зашли в дом. Нас встретили пожилые муж с женой и их хорошенькая дочка.

Хозяева оказались не особенно приветливы. Они делали вид, что по-русски ничего не понимают. Разговор шел с помощью девушки, прекрасно говорившей по-русски и, как потом выяснилось, по-немецки. Мы попросили дать нам посуду, купили картошку и стали готовить ужин. Пригласили за стол хозяев, но они отказались. Ужин прошел весело. Мы попытались сосватать хозяйскую дочку, но она со смехом отказалась. Уже в полночь отправились спать. У машины выставили караул. Всем нам, не считая офицеров, необходимо было отстоять по 15 минут. Я должен был принять дежурство в два часа ночи. К этому времени уже было довольно светло, и мое дежурство прошло спокойно. Сдав смену, пошел досыпать. В 6 часов сыграли подъем. Набрали ведро воды и, поливая друг друга из ковши, стали умываться. Только я намылил руки, как из оврага донеслись крики: «Караул! Помогите!». Побросав мыло и схватив оружие, мы кинулись к оврагу. Еще вечером на дне оврага мы заметили две лодки. Подбежав, увидели, как вокруг одной из лодок два наших автоматчика бегают за двумя немцами. Мы быстро скатились по крутому песчаному обрыву. У одного из автоматчиков на руке была кровь, другой все пытался веслом ударить немца. Мы остановили их. Обыскали

немцев. Оружия у них не оказалось. Мы забрали у них фотоаппарат, губную гармошку. Мне достался деревянный портсигар с выжженной на крышке шахматной доской и фигурой коня. Взяли еще флягу и бутылку красного вина. Стали подыматься вверх. Там уже нас ожидали офицеры. Прибежал проспавший все шофер. Увидев на немце хорошие сапоги, он скинул свои растоптанные и потребовал, чтобы немец отдал ему обувку. Немец, было, начал возражать, но на него прикрикнули, и он подчинился. Командиры повели пленных на допрос, а мы принялись делить флягу и бутылку. Нашли их танкисты. Они же и решили забрать себе флягу, а нашему экипажу отдали бутылку вина. Вино мы тут же выпили. Оно было слабенькое, десертное. Вскоре вернулись танкисты и потребовали бутылку назад. Мы возмутились: что, мол, вам фляги мало? Выяснилось, что во фляге оказалась обыкновенная вода. Узнав, что вина уже нет, танкисты очень огорчились. На допросе немцы пытались жаловаться, что мы отобрали у них фотоаппарат и другие вещи. Девушка перевела, что один из пленных недоволен тем, что с него сняли сапоги. Офицеры объяснили немцам, что теперь им далеко ходить придется. На том и закрыли вопрос.

Оказалось, что автоматчики, два здоровенных мужика, договорились после подъема сходить осмотреть лодки. Спустившись в овраг, они обнаружили немцев. Те собирались с рассветом удрать на лодке в Швецию, но проспали. Автоматчики решили, что один из них будет держать фрицев на прицеле, а другой обыщет. Немцы спросонья не оказали сопротивления, но, когда обыскивающий забрал у фрица часы, второму автоматчику стало завидно. Он тоже полез в лодку и как-то ненароком навел на немца автомат. Немец испугался и попытался отстранить оружие. Наш боец дернулся и поцарапал о прицел руку. Увидев кровь, он перепугался и стал кричать «караул», после чего мы и прибежали на помощь. Когда с пленными все уладилось, с другого берега оврага к нам пришли латыши. До этого местные боялись выходить, но увидев, что мы даже немцев не тронули, осмелели. Латыши говорили, что есть приказ отмечаться в комендатуре, и спрашивали, куда им надо обращаться. Офицеры все растолковали, и латыши довольные разошлись по домам.

После завтрака мы, прихватив с собой немцев, тронулись в путь. Один из немцев рассказал, что до войны он работал слесарем. Другой немец оказался музыкантом. По дороге нас застал дождь. Заехали в ближайшую деревню переждать непогоду, а заодно и пообедать. Дождь кончился быстро. Пока готовился обед, я вышел во двор и увидел комичную картину. Наш шофер раздобыл новую крышку и решил поставить ее на колесо взамен износившейся. Смонтировав новую крышку на колесо, он заставил немцев накачивать баллон. Те по очереди качали, а шофер, прохаживаясь в немецких сапогах, хлопал пленных по плечу и приговаривал: «Гут. Гут. Давай, ребята». Немцы отвечали: «Гут, комрад, гут». Правда, один из них все время искоса бросал взгляд на свои

сапоги. Надо сказать, что шофер потом намучился с ними. Сапоги были хорошие, крепкие, с кованными подметками и каблуками, но сильно жали в подъеме.

После обеда тронулись дальше. По дороге навстречу нам два конвоира вели группу из восьми пленных. Мы остановились, окликнули: «Эй, славяне! Возьмете пополнение?», — «Давайте». Мы высадили наших фрицев. Они пристроились к колонне, и на этом мы с ними расстались.

Проехав еще немного, увидели Вентспилс (Виндаву). Город раскинулся на берегу моря. Широкая река Вента делила его на две части. Проехали по большому мосту (только накануне он был разминирован). На берегу моря находились склады, охраняемые моряками. На пляже стояли дальномёры. Мы, из любопытства, подошли, посмотрели в них, но ничего особого не увидели. И вообще в Виндаве ничего интересного не было. Так ни с чем и покинули город.

Подъехали к бывшей линии фронта. Всю военную технику уже поднимали из укрытий. Поражало огромное количество пушек, минометов и другого оружия. Здесь же увидели новое немецкое оружие — реактивные гранатометы «пупхен» — куколки. Действовали их снаряды по принципу фаустпатронов, но дальность поражения была от 250 до 800 метров. Грозное оружие. Но и у наших танков в конце войны приваривались дополнительные листы брони, принимавшие на себя удары «фаустов». Всюду на местности виднелись указатели минных полей. Мы прикинули, сколько же сил нужно было бы приложить, чтобы прорвать такую оборону.

Мы пересекли бывшую линию фронта, направились в сторону Либавы и скоро оказались в своей части.

Командование полка отобрало десять ветеранов полка для фотографирования. На карточках была сделана надпись, заверенная печатью. На моей фотографии было надписано: «Гвардии сержанту Колбасову Николаю Петровичу. При Вашем участии Гвардейский Красносельский полк прошел славный путь побед и удостоен Высочайших Правительственных наград: ордена Красного Знамени, ордена Александра Невского, ордена Суворова III степени. Слава Отважному Воину-Гвардейцу! 11.5.1945. Командование».

Этой фотографией я горжусь больше, чем всеми остальными наградами.

Полк прибыл на новое место. Вокруг раскинулись поля. На них колосились поспевающие хлеба. Одно из таких полей было буквально усеяно подбитой техникой. Во ржи стояли английские и американские танки «Черчилль», «Матильда» и «Валентайн». Их уже начали собирать и увозить на переплавку. Мы обратили внимание на целые эскадрильи самолетов, летевших в небе над нами. Они направлялись на восток. Никто не мог понять, зачем и куда они летят. Впоследствии мы поняли,

что самолеты летели на Дальний Восток. Шла подготовка к войне с Японией.

Мимо нашего расположения каждый день гнали большие стада коров. Коровы были немецкие. Чувствовалась породистость. Все животные были одной масти. Коров гнали в наши колхозы.

Стоял июль. Занятий не было. Днем уходили на ближайшие хутора и там отдыхали. Мы заметили, что автоматчики куда-то днем пропадают, а вечером появляются с яблоками и ягодами. Долго не могли выяснить, куда они ходят. Наконец они сами позвали нас. Оказывается, среди бойцов был русский, живший до войны в Латвии. Он знал латышский язык. В разговоре с местными жителями он узнал, что в семи километрах от нашего расположения есть зажиточное поместье. Хозяева сбежали с немцами. В имении был большой сад. Туда и ходили автоматчики за фруктами. Нам велели взять вещмешки и коробки под ягоды. Рано утром отправились в путь. Шли долго. Погода стояла жаркая. Пришлось попотеть, пока добрались до места. Подходя к саду, заметили девочку лет двенадцати. Она бросилась бежать, но мы ее успели перехватить. Со слезами на глазах она рассказала, что живет на соседнем хуторе. Так как сад бесхозный, то она хотела поесть ягод. Мы милостиво разрешили ей приходить в сад и есть ягоды, но других сюда велели не пускать. После чего отпустили ее, и она, радостная, убежала.

И вот мы в саду. Он был великолепен. По периметру вдоль забора росли вишни. Половину сада занимали яблони. Они еще не поспели, но уже были съедобные. В другой половине сада росли кусты смородины и крыжовника. В центре — несколько грядок клубники, но она уже отошла. Первым делом мы наелись вишни. В вещмешки навалили яблок. Коробки заполнили вишней и смородиной. Вернувшись в часть, накормили не только друзей, угощали всех, кто к нам заходил. Но это был первый и последний наш поход. Скорее всего автоматчики знали, что больше сюда не придется ходить, поэтому напоследок и взяли нас с собой. Пришло время возвращаться в Россию. На станции Вайноде нас погрузили в эшелон и отправили в город Остров Псковской области.

Во время пути по Эстонии на одной из станций рядом с нашим составом оказался какой-то странный эшелон. Он был оцеплен солдатами. Между вагонами возвышались сторожевые вышки. Группа мужчин таскала под охраной конвоиров бидоны с водой. Из теплушек выглядывали женщины и дети. Оказалось, что это угоняли на восток эстонцев, обвиненных в сотрудничестве с фашистами.

Проезжая по Литве, купили местную газету. На первой странице был напечатан доклад Снечкуса, первого секретаря компартии Литвы. В нем говорилось о том, что в лесах скрывается огромное количество бандитов. Правительство Литвы предлагало им выйти с повинной, за что обещало помилование. Иначе им грозило уничтожение.

Позднее, уже в 1952 году, я оказался в доме отдыха неподалеку от Каунаса. Только к этому времени стала затихать борьба националистов против советской власти. На Вильнюсском кладбище я видел бесчисленные могилы жертв этой борьбы.

В ОСТРОВЕ

И вот мы в Острове. Вернее, не в самом городе, а в стороне от него, в военном городке. Он разместился на высоком холме. В нем было много трех- и четырехэтажных домов. Городок был построен до войны. Здесь стояла кавалерия. Ходили слухи, что за то, что военный городок, как на ладони, просматривался из соседней Латвии, инициаторов строительства расстреляли.

В той части городка, где находились мы, было много разрушений. Все стекла в домах были побиты. На окраине стоял покалеченный войной Дом офицеров.

Мы поселились в полуразрушенных казармах и сразу же превратились в строителей. Надо было спешить — близилась зима. Кирпичами заделывали пробоины в стенах. Заложили часть оконных проемов. Не хватало стекла. Кроватей вообще не было. Вместо них сколотили нары. Скоро в казармах стало возможно нормально жить.

В другой части городка находились дома офицеров и их семей. Во время войны они пострадали меньше. За казармами тянулись низкие длинные строения. Это были старые конюшни. Их переоборудовали в боксы для танков.

Сам Остров — небольшой городишко, больше похожий на деревню. Город и военный городок расположены на реке Великой, по разные стороны от железной дороги, ведущей из Пскова в Латвию. Река Великая на самом деле здесь не велика и не глубока. Ниже по течению, во Пскове, она гораздо шире.

Нас замучили строевыми занятиями. Шла подготовка к параду Победы. В Черехе, поселке возле Пскова, устроили строевой смотр. Отбирали представителей, которые поедут в Москву на парад.

Началась послевоенная реконструкция армии. Наш 31-й Отдельный гвардейский Красносельский Краснознаменный орденов Суворова и Александра Невского тяжелый танковый полк прорыва преформировали в батальон. Был создан новый 90-й танковый полк. В него вошли два танковых батальона, батарея тяжелых самоходок, батальон автоматчиков, саперы и другие вспомогательные подразделения. Полк вошел в Тацинскую танковую дивизию, преобразованную из знаменитого корпуса. Наш полк размещался в Острове, а остальные части вместе со штабом стояли во Пскове.

Поступил приказ о награждении капитана Тимофеева и лейтенанта Никифорова орденом Красной Звезды. Так было отмечено их участие в Великой Отечественной войне. Несколько дней спустя Тимофеев был переведен в другую часть. Начальником связи стал капитан Полонский.

Зимой батальоны по очереди выезжали из Острова в зимний лагерь, находившийся в районе станции Черской, на полпути к Пскову. Здесь весной 1944-го года мы вели бои за выход к реке Великой. Чтобы не забывать фронтовую обстановку, нас поселили в землянках. Много ходили на лыжах. По окончании занятий нас с Индюковым оставили охранять землянки. Квартировали мы в ближайшей к лагерю деревне. Кроме нас в доме жили старики-хозяева, дочка с мужем и мальчик трех лет. Сухой паек отдавали хозяйке, и она нас замечательно кормила. Через месяц батальон опять вернулся в лагерь. После недельных занятий возвратились в Остров.

Наконец появилась возможность заняться своими зубами. На фронте было не до них. Как-то в Курляндии мы оказались рядом с госпиталем, где был зубной врач. Записались на прием, но в назначенный день пошли в наступление, и о лечении пришлось забыть. В войну особенно некогда было об этом думать. Там легко можно было и голову потерять. Приходилось пить ледяную воду, грызть мороженный хлеб. В общем, зубы были в плачевном состоянии. Зубным врачом в Острове работала молодая, лет двадцати трех, женщина. Практика у нее была огромная. Через ее руки каждый день проходили десятки военных. Первый раз, осмотрев меня, она ахнула: «Да, придется поработать!». Лишь месяца через три я закончил лечение. И до сих пор с благодарностью вспоминаю врачей, лечивших меня.

В апреле 1946 года я получил отпуск. Побыв десять дней дома, вернулся в часть. Мать к этому времени ослепла. Сказалось повышенное давление. Она слишком сильно переживала за меня, а теперь еще и за брата Михаила. Дела у Миши были совсем плохи. Он долго лежал в больнице. Легкие у него разваливались, да и питание при его болезни было совсем никудышное. Как раз в это время у нас находилась сестра мамы, тетя Настя. Решили отправить Мишу к ней в деревню. Попытаться сбить болезнь чистым воздухом и усиленным питанием. Поначалу в деревне Мише стало лучше. Но через две недели пришла телеграмма — Михаил умер. Начальство пошло мне навстречу и выдало неделю отпуска для поездки на похороны. Умер Миша в деревне Большие Старики. Деревня находилась недалеко от Острова. На попутных машинах доехал до Новоржева. Там заночевал в доме колхозника. Дорога проходила через Пушкинские Горы, рядом со стеной Святогорского монастыря. Утром добрался до станции Сущево. Сел на товарный поезд. Когда проезжали Ашевский подъем, поезд замедлил ход, и напротив деревни я на ходу спрыгнул. Почти вся деревня была уничтожена. Люди жили

в землянках. С помощью детишек нашел землянку, где жили тетя Настя и тетя Феня. Выяснилось, что я опоздал. Похороны состоялись накануне. Здесь же я узнал и о другом горе. За неделю до этого в Ленинграде похоронили мою мать.

Утром мы с отцом сходили на могилу Миши. Похоронили его на кладбище в Добрывичах. Хотя документы у меня были только до деревни, решил съездить с отцом в Ленинград. Наутро были уже в городе. Посетив могилу матери, я вернулся в полк. И хотя из отпуска немного опоздал, но командование учло обстоятельства, и никаких санкций не последовало.

Шел 1946-й год. Летом разразилась сильная засуха. В стране начался голод. Нам тоже не хватало еды. Осенью мы стали делать набег на колхозные поля. Накопав картошки, уходили в кусты за складом ГСМ. У всех экипажей были ведра. На кострах варили картошку и без хлеба, а часто и без соли ели ее. Съев ведро картошки на четверых, шли на обед и там съедали все, что давали, и все равно было мало. На базаре, около Дома офицеров, который восстанавливали пленные немцы, прикупали хлеб со шпиком. Такой бутерброд у местных жителей стоил десять рублей, деньги по тем временам немалые.

Наступила зима. Приближалось время демобилизации. Вернулся на учебу в техникум Николай Индюков. В институт на занятия уехал радиомастер Виктор Ермолинский. Демобилизовались Михаил Васенин и Василий Трутнев. У нас с Андреем Климовым тоже были приготовлены самодельные чемоданы. Хранились они в радиоклассе. Там мы были полными хозяевами.

Демобилизовался Борис Шанглер. Всю войну он был заведующим полковым продовольственным складом. Сколько к нему приходило проверочных комиссий, и всегда на складе все было в ажуре. Ну на фронте все было проще. Когда в Острове мы влились в новый полк, Шанглер стал заведующим объединенным складом. И опять у него был полный порядок. Иногда, находясь в наряде по кухне, приходилось наблюдать за работой Бориса. Жены офицеров получали пайки. «Боря, дай другой кусок мяса — здесь большая кость», — «Пожалуйста». Борис никому не отказывал. На часах семь часов вечера. Пора заканчивать работу, а в очереди еще несколько человек. Он задержится, но всех отпустит. И вот Шанглер закончил службу и уехал в Ленинград. Устроился в ресторан, и там тоже дела у него шли прекрасно.

После Шанглера у нас сменилось несколько кладовщиков. Кого-то выгоняли за грубость, кого-то за воровство. Искали, кого же поставить. Вспомнили, что в батальоне есть писарь техчасти, молодой грамотный парень Толя Сатин. Отчетность у Толи всегда была в порядке. Раньше Сатин воевал на танке. Был ранен в голову. На лбу у него не было куточка кости, и было видно, как кожа в этом месте дышит, пульсирует. Начальство решило, что лучшего завскладом не найти. Мы были рады

за Толю. Спали мы с ним на одних нарах и надеялись, что в это голодное время и нам кое-что перепадет.

На новом месте Сатин освоился быстро. Через неделю у него были уже новые друзья, старшины батальонов. Никогда не пивший, он стал выпивать. Скромнейший тихий парень пошел в самоволки. Ровно в семь он заканчивал работу, даже если оставалось обслужить только одного человека.

Первая ревизия обнаружила недостачу нескольких килограммов сахара и крупы. Сатина предупредили. Новая ревизия вскрыла еще большую недостачу продуктов. Кроме того, не хватило тонны муки, из которой в местной пекарне пекли хлеб для гарнизона. Сатина арестовали. Более двух месяцев его держали на гарнизонной гауптвахте. Я как помощник командира взвода часто ходил в наряд помощником начальника караула. Толя передавал мне записки старшинам, с просьбой, чтобы те подкормили его. Но они не особенно охотно откликались на его просьбы. Мне же пришлось вместе с конвоиром сопровождать Толю в тюрьму города Остров. Сатин был еще под следствием, но содержать его на гауптвахте мы уже не имели права. В тюрьме мы простились. Так вместо демобилизации Толя попал в заключение. Уже в Ленинграде я узнал, что Сатина судили и дали ему три года.

Начальником штаба 90-го танкового полка был полковник Четин. Во время войны он был начальником штаба БТМВ 67-й армии. Кряжистый, физически крепкий мужчина. Перед обедом у нас иногда устраивали своеобразный экзамен по физподготовке. Перед столовой устанавливался гимнастический козел. Тех, кто перепрыгивал через него, пускали в столовую, а остальных гоняли до тех пор, пока они не умудрялись хотя бы переползти через козла. Как-то эту картину увидел полковник. Покачал головой: «Эх, молодежь». Разбежавшись, он легко и красиво перелетел через снаряд. Другой раз Четин проходил мимо турника, на котором мучились солдаты, пытаясь подтянуться. У нас в казарме тоже был установлен турник, и мы каждую свободную минуту старались позаниматься на нем. Посмотрев на страдальцев, полковник подошел к перекладине и сказал: «Смотрите, как надо работать». Глядя на его массивную, килограммов за сто фигуру, казалось, что он и подтянуться не сможет. А он легко, даже изящно, прокрутил «солнце». Правда, перекладина при этом так скрипела и прогибалась, что вот-вот могла развалиться.

Случилось так, что полковник Четин в штабе полка ударил нашего командира взвода Никифорова. Ударил за то, что тот, будучи дежурным по штабу, не вызвал ему вовремя автомашину. Никифоров написал жалобу. Ей дали ход. Из Москвы, чуть ли не от Сталина, пришло указание назначить полковника комендантом какой-то небольшой станции возле Читы. Я ехал в Ленинград в командировку. Мы оказались в одном купе с Четиним. До Пскова ехали вместе. Он был с женой и взрослой

дочерью. Женщины, чувствовалось, переживали. Полковник их успокаивал, рассказывал, как чудесно они там будут жить, какая там прекрасная охота и как будут ходить за грибами и ягодами.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

Последние дни перед демобилизацией тянулись очень нудно. Мы болтались, ничего не делая.

26 февраля 1947 года меня демобилизовали. Я с группой ленинградцев получил документы, и мы поспешили на поезд до Пскова. Во Пскове пришлось долго ждать поезд на Ленинград. Наконец все уселись в один вагон. Брать его пришлось штурмом. Заняли несколько купе в общем вагоне и улеглись спать.

Чемодан я пристроил под голову и часто просыпался, проверяя, цел ли он. На станции Струги Красные в вагоне возник шум. Прошла группа военных из местного гарнизона. Когда мы проверяли свои вещи, оказалось, что у одного парня с Малой Охты пропали сапоги. Он был маленького роста, и сапоги были маленькие, с верхами из брезента. Начищенные, они смотрелись как хромовые. Когда приехали на Варшавский вокзал, парня, с обмотанными портянками ногами, отвели в зал ожидания. Я поехал к нему домой. Его родные перепугались, решив, что с их сыном случилось что-то страшное. Успокоив родственников, я взял какую-то обувку и отвез товарищу.

Так закончилась моя военная служба. Как-то раз, спустя лет двадцать после войны, заехал ко мне в гости Виктор Ермолинский. Мне понравились его слова. Вспоминая наш взвод, он сказал: «Воевали мы честно. Трусов среди нас не было».

И сейчас, отмечая 71-ю годовщину Победы, я могу с чистой совестью сказать: хотя война и не лучшее занятие для людей, все же я горжусь, что участвовал в Великой Отечественной войне, и рад, что смог что-то сделать для Победы, для своей страны.

ЭПИЛОГ

Отдохнув около месяца после демобилизации, в марте 1947 года я устроился в только что созданный Научно-исследовательский институт по радионавигационной технике (НИИ-33). Впоследствии институт был переименован во Всесоюзный, а сегодня это Всероссийский научно-исследовательский институт радиоаппаратуры (АО «ВНИИРА»). Работал монтажником высшей категории. Институт разрабатывал и изготавливал приборы и радиоаппаратуру военного назначения.

Во время отпуска я старался отдохнуть на море. По туристической путевке прошел по Военно-Грузинской, а потом по Военно-Осетинской дороге.

В августе 1959 года, отдыхая на Черном море под Адлером, познакомился с девушкой Тоней. Она была москвичкой. Между нами завязалась переписка. В декабре мы поженились.

В августе 1960 года у нас родился сын. В честь своего погибшего фронтового друга Владимира Трунова я назвал сына Володей.

Учась в школе, я не был ни октябреньком, ни пионером. Мне часто предлагали вступить сначала в комсомол, потом в партию, но я отказывался. Всегда старался трудиться на пользу Родины и считал себя, как называл таких людей Сталин, беспартийным большевиком.

В сентябре 1960 года наша семья получила новую прекрасную однокомнатную квартиру, и мы переехали из темного, сырого полуподвала на 24-й линии Васильевского острова в только что построенный дом на Гаванской улице.

В 1969 году на работе давали садоводческие участки. Я получил участок в районе Кировска. Это были места, где в сорок третьем наш полк вел тяжелейшие бои. В трех километрах от садоводства — Синявинская высота, чуть дальше — 8-я ГЭС, уничтоженные деревни Арбузово и Анненское, речка Мойка. Война и здесь не переставала напоминать о себе. На нашем участке во время войны была немецкая артиллерийская позиция. Посередине участка — большая бомбовая воронка, вокруг — окопы. Первое время, вскапывая грядки, часто находили неразорвавшиеся снаряды, гильзы от немецкой гаубицы, мины, патроны. Однажды я выкорчевывал березу. Перерубая корни, ударил топором по боеголовке, лежавшего в земле немецкого 105-мм снаряда. Хорошо, что снаряд находился в сгнившем ящике-переноске и на боеголовке был металлический предохранительный колпак. Топор прорубил колпак и остановился в нескольких миллиметрах от боеголовки. Пришлось вызывать саперов.

В 1982 году наш институт принимал активное участие в создании космического корабля «Буран». За эту большую и ответственную работу наш институт получил орден Трудового Красного Знамени.

Награждены были и многие сотрудники. Я получил орден «Знак Почёта». В марте 1985 года мне было присвоено звание ветерана труда, а в апреле, как и всем ветеранам, вручен орден Отечественной войны.

В январе 1986 года за хорошую работу и к сорокалетию Победы из директорского фонда института мне выделили новую двухкомнатную квартиру на Новосмоленской набережной.

В 1988 году вышел на пенсию. Надо сказать, в институте ВНИИРА не забывают своих ветеранов. Каждый год в День Победы нас приглашают на праздник, сердечно поздравляют и вручают подарки. За что им большое спасибо.

Все свое свободное время мы с женой проводим на даче в Синявино. Работаем в огороде. Выращиваем огурцы, помидоры, морковку — делаем заготовки овощей на зиму. Трудимся с весны до осени, хотя сейчас, когда мне 92 года, а жене 86 лет, мы уже не снимаем таких больших урожаев, как в былые годы.

Сын окончил Академию художеств. Стал художником. У него два сына, наши внуки, Григорий и Сергей.

В 1990 году по просьбе сына для внуков решил записать свои воспоминания о войне. Я писал все так, как было, без прикрас, и не предполагал, что эти истории когда-нибудь будут изданы. Большое спасибо всем, кто проявил интерес к моим записям и принял участие в работе по изданию книги. Буду очень рад, если мои воспоминания, рассказывающие о предвоенной жизни, о войне и блокаде, о славном боевом пути 31-го Отдельного гвардейского тяжело-танкового полка прорыва будут вам интересны и полезны.

СОКРАЩЕНИЯ

ОГТПП — Отдельный Гвардейский тяжелый танковый полк прорыва

ДЗОТ — деревоземляная огневая точка

ДОТ — долговременная огневая точка

КПП — контрольно-пропускной пункт

КП — командный пункт

БА — броневедомитель

Танк КВ — тяжелый танк «Климент Ворошилов»

Танк ИС — тяжелый танк «Иосиф Сталин»

СУ-122 — средняя самоходно-артиллерийская установка калибра 122 мм.

СУ-152 — тяжелая самоходно-артиллерийская установка калибра 152 мм.

«Фердинанд» — немецкая тяжелая самоходно-артиллерийская установка

Машина ЗИС — машина, собранная на заводе им. Иосифа Сталина

Паровоз ФД — паровоз «Феликс Дзержинский»

Смерш — смерть шпионам — военная контрразведка СССР

Особый отдел — представительство отдела военной контрразведки

Штаб БТМВ — штаб бронетанковых и механизированных войск

Сшиватель „СВЕТОЧ“	
Лит.	
Город:	
Учрежд. или предприятия: <i>3-й Отр. Водостроительный</i> <i>Тихоокеанский флот</i>	
Дел: <i>н 1/оп</i>	
от <i>февраля 1943</i>	
до	
Примечание:	
№ 810-58 Цена 55 к.	

Серия Т
 1/5

Версия № **21252**
 С. 1. 20 / 100

Секретно.

П Т А В
 31-го Отдельного Гвардейского Тяжелого
 Истребительного Краснознаменного Приамурского
 Ордена Суворова и Ордена Алма-
 зового Ордена Почетного Полка

ДЕЛО № *1/оп*
Отчеты о боевых
действиях

Начато *1 февр.* 1943 г.
 Окончено *сентя* 1943 г.
 на *22* листов

Срок хранения *10 лет*

95378

Обложка журнала боевых действий
31-го ОГТПП на период с февраля по
сентябрь 1943 г.

№ 0267
2 июля 1943

12
Секретно

Экз. № 2

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕД. ОТД. УМ ВТМВ ЛЭ.

Описание местности в направлении Марьино, 2 ой
горбодок, Московская Дубровка, Арбузово.

1. Шоссейная дорога Шлиссельбург-Марьино-Московская Дубровка
проходима для всех родов войск, допускает двухстороннее
движение. От наземного наблюдения противника закрыта, с
воздуха просматривается вся.
2. Вероятным районом выжидательных позиций для танков является
лес сев. и южнее Марьино где возможно сосредоточение 2-3
бригад. От наземного наблюдения районы сосредоточения при-
крыты. От воздушного наблюдения прикрыты недостаточно в
виду большой вырубki леса, особенно в лесу юж. Марьино.
3. Вероятным районом исходных позиций для танков является р-н
песчаных карьеров вост. и сев. вост. Московская Дубровка.
Сосредоточить возможно бригаду + полк. Пути подхода хорошие
От наземного наблюдения вероятный р-н исходных позиций
скрыт, от воздушного - открыт. На исходных позициях необ-
ходима отрывка мин для танков. Грунт песчаный, что сильно
затруднит движение танков. Пути движения от исходных по-
зиций до переднего края пересекаются рядом траншей. Для
выхода с исходных позиций и преодоления траншей необхо-
димо проделывать проходы, для чего на каждую роту необхо-
димо по одному взводу сапер.
4. Местность лесного-болотистая, лес местами сильно вырублен.
Применение танков возможно только вдоль берега Невы. Раз-
вертывание танков перед передним краем противника возмо-
жно на рубеже от берега р. Невы на 1 км. восточнее.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 31 ОГВТМ

ГВАРДИИ КАПИТАН *Борис Ильич ГЕТЕКИН*

Исп. в 2 экз.

Экз. № 1 - адресату,
Экз. № 2 - в дело.

22 Секретно.
вв.р.

ТАБЛИЦА СИГНАЛОВ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

81-го ОГВТН с 190 СП, 126 ГРАП, 2 ОГВ Сал.бат. и 362 ИТАП.
ИТАП 81 ОГВТН 0,800 м. вв. КОЛЕНКО 15.07.1943 г. Карта 25.000-31

№ п/п	Значение сигнала	По радио	Световой сигнал	Зрительный сигнал
1.	Выход танков с ходячих позиций	222/400/	3 красных ракетах	-
2.	Противотанковое препятствие /подается пехотой саперами/	-	-	Справа от поднятой в верх лопатки или белого флага.
3.	Минное поле /подается пехотой саперами	-	-	Различительное ленточное движение.
4.	Противотанковый занепрепятствие/подается танками	069/ноорд/ката.	I белая ракета	Открыть верхний люк танка на 90 см.
5.	Минное поле /подается танками/	042	-	3 раза открыть люк верхний люк танка
6.	Встретил боевого противника	-	Серия ракет желтого дыма	-
7.	Проход танков через препятствие	-	-	Справа от поднятой лопатки или белого флага.
8.	Целеуказание	Согласно условиям радио сигналов	Белая ракета та в на направлении цели в 400 м. вперед.	Вантому наклонить вверх прикладом в направлении цели под 45 градусов
9.	Танком вернуться к пехоте.	-	-	Вантомка поднята горизонтально над головой
10.	Своя пехота	-	-	Голов.убойн поднят в верх лопатки

НАЧАЛЬНИК ИТАПА 81 ОГВТН
Гвардии капитан: *Хрустев* /ЕРИКИН/

мол. в 25 мка.

3

3 Таблица сигналов на взаимодействие. Арбузово-Анненская операция.
Июль — август 1943 г.

31-й

ОТДЕЛЬНЫЙ

ВАРДЕЙСКИЙ РОМАНОВСКИЙ ВТИЗ 67 АРТИЛ

НИКОВЫЙ ПОЛК

ПРОРЫВА

Во исполнение Вашего приказа, переданного ПИ
майором Олейниковым допону:

22.7.4 г.

0.8.4

1. В боях за период с 22.7.4 г. по 24.8.4 г. ежедневно участвова
ли танков "Т-3" по состоянию на 0.00

а т а • Количество участвующих Всего боеготовых
в боях танков. танков в полку.

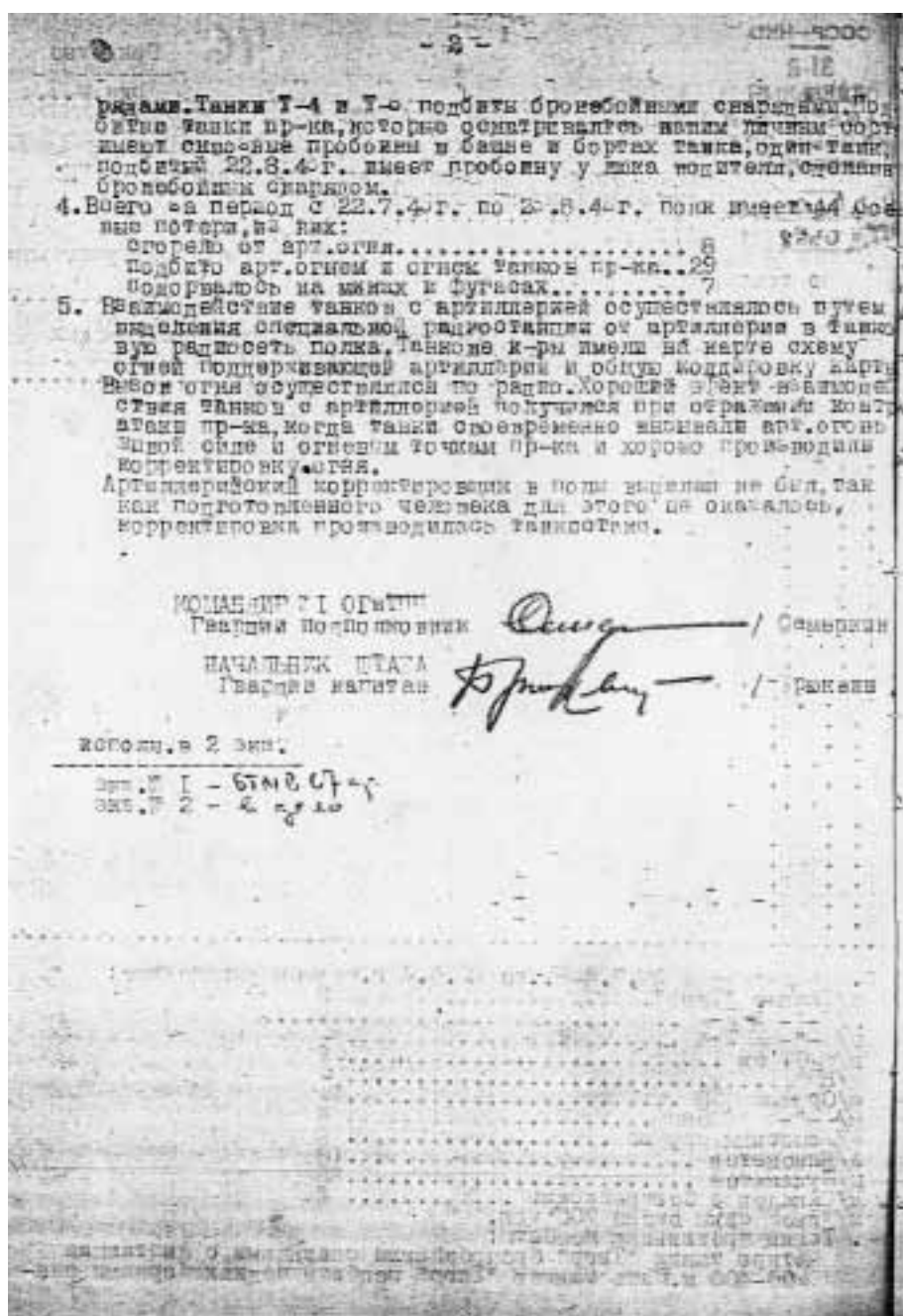
2.7.4 г.	20	20
3.7.4 г.	20	20
4.7.4 г.	20	20
5.7.4 г.	20	20
6.7.4 г.	20	20
7.7.4 г.	20	20
8.7.4 г.	20	20
9.7.4 г.	20	20
10.7.4 г.	20	20
11.7.4 г.	20	20
12.7.4 г.	20	20
13.7.4 г.	20	20
14.7.4 г.	20	20
15.7.4 г.	20	20
16.7.4 г.	20	20
17.7.4 г.	20	20
18.7.4 г.	20	20
19.7.4 г.	20	20
20.7.4 г.	20	20
21.7.4 г.	20	20
22.7.4 г.	20	20
23.7.4 г.	20	20
24.7.4 г.	20	20

2. в период с 22.7.4 г. по 24.8.4 г. полком уничтожено:

а/ танков "Тигр"	0
б/ "Т-3"	2
в/ "Т-4"	0
г/ САУ	9
д/ ПЛ	3
е/ Орудия ПТО	16
ж/ "Т-100мм"	4
з/ счетных орудий	2
и/ минометов	15
к/ пулеметов	23
л/ снарядов с боеприпасами	2
м/ "Т-100мм" снарядов 700 чеп.	

3. Танки противника подбиты:

Четыре танка "Тигр" бронированными снарядами с дистанции
500-400 м. Пять танков "Тигр" подбиты подкалиберными сна-

4-5 Отчет командира 31-го ОГТПП
гвардии подполковника Семёркина
С.Ф. о боевых действиях полка в пе-
риод Арбузово-Анненской операции.
Июль-август 1943 г.

Танков "КВ" - 21
Танков Т-34 - 1
Танков Т-34 мостовых - 1

В 8.30 - 15.1.44 г. по боевому распоряжению штаба ПТ и ИВ 42 Армии в 4-й от 14.1.44 г. полк вышел из района выжидательных позиций на предсходные позиции в Средний Ротат, заняв место за холмом 43 Гайн.

Командир полка в толще колонны.

ИВ штаба вышел во главе с ИВ на высоте 73,6.

П. ОПИСАНИЕ ХОДА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ - П О Л К А.

Через 30 минут после начала артиллерийской в 9.50 - 15.1.44 г. танковая колонна полка по сигналу с ИВ начала выдвижение на исходные позиции, сев. сзади высоты 7,9 и к 11.00 заняла их.

В 11.00 началась обща атака переднего края противника. По овладении некоторой ПТ рва в 11.30 танки по радиосигналу ИВ вышли с исходных позиций следую по боевому направлению к ПТ рву.

В 12.55 танки в количестве 12 машин "КВ" достигли рва / одна машина В 700 вышла за строя на исходных позициях по тех. неисправности и машина В 720 застряла в воронке /, но преодолеть рва немедленно не могли ввиду того, что в оном проходе, сделанный спешными первыми проходившими танк застрял, через мостовой танк Т-34 танки не могли пройти ввиду пробуксовки.

Противотанковый ров танки преодолели в 15.40 через проход 201 ОП / правее границы полка / и в 16.00 - 15.1.44 г. достиг Руба Виттолово, обеспечив пехоте 192 СП, закрепление занятого рубежа.

В 21.00 - 15.1.44 г. выполнил боевое распоряжение Штаба 42, тремя танками КВ совместно с некоторой 2/192 СП атаковали Бол. Карлино и в 01.00 - 15.1.44 г. закрепились на рубеже. Таким образом основная задача полком была выполнена.

16.1.44 г. в 5.00 полк в составе 14 танков, сосредоточился в р-не Бол. Карлино, имея задачей - совместно с пехотой 2/192 СП атаковать противника, прорвать его вторую оборонительный рубеж, овладеть Ленинским, Петголом, дальнейшим наступать на Перекопи, в ходе наступления обеспечивать левый фланг дивизии.

В 10.00 - 16.1.44 г. в результате контратаки танков противника с направления Мал. Карлино, один танк КВ сгорел на поле боя от артиллерийского огня, четыре танка были подбиты огнем танков противника Т-34.

Остальные танки, не дошедшие до обстановки, без разрешения командира полка и Штаба стояли в р-не Бол. Виттолово. Командир полка подполковник СЕМЕРЯКОВ в 8.20 был ранен и увезен на боевых порядков оставил за себя командира 2 роты гвардии ст. лейтенанта НКМ ОГОРА.

38

Противник в районе Мал. Карлино группировал силы для контратаки и подтаплил танки, то дымная завеса имела до 8-и штук Т-VI и самоходные орудия.

В 12.35 два танка КВ выехали на рубеж Бол. Карлино для отграничения возможных контратак танков противника, после танков находились Бол. Зытолово в готовности к действиям с 192 СП 63 ГвСД.

В 15.00 - 16.1.44 г. я принял командование полком вместо раненого и эвакуированного Герман подполковника ОМЕРКОВА.

КП штаба в 18.00 - 18.1.44 г. перешел с высоты 86,5 в Хумаловку.

В течение ночи на 17.1.44 г. танки полка совместно с пехотой 192 СП атаковали противника в направлении высоты 84,4, Демидовки и в 2.00 - 17.1.44 г. вышли на рубеж Демидовки-Демидовки.

17.1.44 г. согласно боевого распоряжения Штаба 71 и МВ 42 Армии в 11 часов в оперативное подчинение 72 СД, сосредоточенная в Хумаловке, проявил дозатрапу горючим и боеприпасами, танкам и пехоте вышеследующая со Штабом 72 в 12.00 - 17.1.44 г. совместное пехотой начал в атаку и овладел Демидовки-Демидовки, обеспечил пехоте закрепление на рубеже.

В ночь с 17. на 18.1.44 г. танки боя не вели, проявляли дозатрапу боекомплекта и горючего.

В 9.00 - 18.1.44 г. пять танков совместно с пехотой 187 СП в 72 СД атаковал высоту 186,9 и в 11.00 овладел ею.

Противник жестоко оборонял высоту оставаясь большое отрядами сопротивления.

18.1.44 г. снова выведен на боевые порядки 72 СД, переданная 68 ГвСД я принял от 46 ОГТПП 7 взорванных танков 41 организационно сформировал 2 танковых роты в 18.00 - 18.1.44 г. вышел на рубеж Сер. зап. окр. Горская для действий совместно с 189 СП 63 ГвСД с задачей отбить высоту 172,8 в дер. Нов. Виллово.

В 21.45 - 18.1.44 г. в направлении им. Юд. ст. Пулков, Кавалехты с десантом автоматчиков 40 чел., атаковал противника и в 24.00 вышел в Кавалехты, отбоявившись от пехоты вперед на 1200-1500 метров. С 01.00 - 19.1.44 г. противник мелкими группами пехоты пытался окружить танки. Танки вели круговую оборону, в течение ночи вели бой, интенсивным огнем пушек и пулеметов уничтожив значительное число живой силы противника окруживших танки полка.

С наступлением рассвета дружи прочесал Кавалехты и Нов. Виллово, уничтожал огневые точки и живую силу противника. Действиями 18 и 19.1.44 г. обеспечил выход частей 68 ГвСД на рубеж Кавалехты - Нов. Виллово, которые в 13.00 19.1.44 г. овладели удерживая рубежами, продолжал разбивать наступление и направления Нов. Виллово.

7

6-7 Отчет командира 31-го ОГТПП
гвардии майора Примаченко П. Д.
о ходе боевых действий полка в период наступления на Пулково и Воронью гору в Красном Селе. Январь 1944 г.

26.4.44.

СЕКРЕТНО
СМЗ.9.....

40

А. Гавриловский
ТАТ. 3.301
РАСМОТРЕВАЮЩИЙ
РОЛК. ПРОС. 124

О Т Ч Е Т

о боевых действиях 31 ГвТККП за период с 10 по 22 июня 1944г.
№ 0115

1. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА К НАЧАЛУ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Противник опирался на долговременную оборону с сильно развитой системой инженерных сооружений, систему ДОТ'ов и ДЗОТ'ов, основанную на минных полях и системе опорных пунктов: Старый Белоостров, Александровка, Ольховка, Заболотье, Нов. Алакуль, на участке действия поля силами 1 ПП 1 ОБД. оборонял рубеж отм. 29,6 / 7735/ отм. 24,6 / 7625/.

В глубине 600-700 м. от переднего края свраг на восточном берегу которого проходила хорошо усовершенствованная траншея, прикрываемая ДОТ'ом и ДЗОТ'ом.

Части 23 Армии сменялись частями 21 Армии, задачей которых являлось после 2 ч. 30 м. арт. подготовки прорвать оборону противника, расширить прорыв и развивать наступление в глубину.

9.6.44 г. была произведена разведка боем силами усиленного СВ с ротой танков Т-35, которой была захвачена первая, вторая и третья траншеи в р-не вно. 57,2. При появлении танков боевой разведки было выдано одно оружие ПТО в р-не Стар. Белоостров, которое отмечалось в рапорт наблюдателями поля.

Полк имел задачу: совместно с 190 ГвСП 38 ГвСКД при поддержке 134 ГвАП с двумя взводами 1/8 вно. 6-на прорвать оборону противника на фронте: Выборгское шоссе, отм. 57,2, овладеть опорными пунктами в Стар. Белоостров. По достижении сврага на восточном окраине Ольховки, огнем продвигать пакоту по ходу в проволочном заграждении на западном берегу сврага, обеспечить пакоту захват опорного пункта в Ольховка.

Последующим совместно с пакотой 138 СП атаковать и прорвать промежуточные рубежи обороны противника и овладеть Нов. Алакуль, Мачинка, огнем обеспечить пакоту форсирование р. Сестра и ее закрепление на достигнутом рубеже.

II. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ.

В подготовительный период для обеспечения действия поля, полком проделано следующее:

1. По вопросу подготовки личного состава к боевым действиям, с личным составом отработано:

а/ Проведены совместные учения 1 и 2 танковых рот; действующих в 1-м звене боевого порядка полка с 190 СП. Кроме того с этими же ротами проведены три тактических учения пехим по танковому.

б/ Проведено два совместных тактических учения 3 и 4 танк. рот совместно с 192 СП, с выводом материальной части. Кроме того проведено три тактических учения пехим по танковому.

в/ Учения проводились по теме: Действия танковой роты в составе полка при прорыве долговременной обороны противника в условиях лесисто-болотистой местности по взаимодействию с усиленным стрелковым батальоном.

н/ С каждой ротой дважды проведены боевые стрельбы в составе роты.

г/ С радиотелеграфистами проведен 6-ти дневный сбор.

д/ С офицерским составом проведено два занятия по изучению оборонительных сооружений и группировки противника.

е/ С поштальским составом отработано: "Одиночное вождение танка в условиях лесисто-болотистой местности и вождение танка по боевому курсу в составе роты."

В. По вопросу изучения вопросов взаимодействия представлено следующее:

1. Проведена совместная рекогносцировка местности командиром полка и Начальником штаба с командиром 63 ГвСНКД, командиром 190 СП и командиром 134 ГвАП.

2. Проведена совместная рекогносцировка командиров танковых рот с командирами стрелковых батальонов.

3. Проведена рекогносцировка командиром полка и Начальником штаба с командиром гражданской стрелковой роты.

4. Проведена рекогносцировка командирами танковых взводов, командирами танков, механиками водители старшими и командирами оруди.

5. Разработан совместно со Штабом 63 план боя.

6. Разработана схема огня орудий поддержки 134 ГвАП.

7. Разработана схема связи и схема взаимодействия со взаимодействующими частями.

8. Изучена задача стрельбой дивизии и полка.

9. Проведено совместное тактическое учение.

10. Стрелковым подразделениям даны бортовые номера танков, за которыми они будут действовать.

11. Орудий прямой наводки поставлена задача поддержки танков и продвигание проходов в минных полях.

12. Таблица сигналов взаимодействия не разработана, т.к. до сих пор не опущена армейская таблица сигналов взаимодействия.

По вопросу инженерного обеспечения действий полка представлено:

1. Разработан план инженерного обеспечения действий полка.

2. Командиру 1/8 мик. сеп. 6-на поставлена задача на местности.

3. Проложено шесть проходов для танков в траншеях и эскарпах.

4. Произведено сплошное разминирование в минных минных полях и поле действий танков.

5. Открыты минны для танков в р-не исходных позиций.

6. На каждом танке закреплено по 4 бревна для обеспечения продвижения проходов через овраг восточ. Ольховка для усиления прохода танков в глубину.

7. Проведена граница разминирования и обозначены проходы через траншеи и эскарпы.

В. Организовано командирское наблюдение за передним краем противника и во время ведения разведки боем наблюдение велось командиром полка и командирами рот, результат разведки был доведен до всего личного состава.

42

4. 30.5.44 г. полк сосредоточился в р-не вышесказанных позиций лев 1 км. вост. Сертолово и 9.6.44 г. в р-не пред-исходных позиций - лес на сев. вост. скатах воз. 87,9 мго-вост. Меркуть 1 км., где был произведен дополнительный осмотр материальной части и устранены обнаруженные неисправности.

II. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОЛКА.

С началом артиллерийской подготовки полк вышел в р-н исходных позиций и за 20 минут до начала арт. подготовки в 8.00 - 10.6.44 г. танки полка вышли в атаку боевым порядком в два эшелона, в первом эшелоне 1 и 2 роты, во втором эшелоне 3 и 4 роты, в эшелонах танки в линию, дистанция между эшелонами 200-250 м. не доходя передовой траншеи финнов 50-80 метров. Танки встретили минное поле на котором подорвалось до пяти танков, восемь из которых к концу дня были восстановлены, один танк подорвался на дороге - подлежит заводскому ремонту. Два минных тралщика, переданных полку, действовали очень медленно, один из них застрел в своей задаче они не выполняли.

При прорыве переднего края обороны и продвижения в глубину сильного сопротивления танки не встретили, т.к. во время арт. подготовки значительная часть огневых точек противника была подавлена. Танки совместно с пехотой уничтожили оставшиеся огневые точки и широкую силу противника безостановочно продвигались вперед и к 10.00 - 10.6.44 г. овладели опорным пунктом в Скар. Белоостров преодолели сраг, овладели опорным пунктом в Омяхья, Нов. Алакуты, Майнила и к 16.00 - 10.6.44 г. вышли к р. Сестра захватив переправу, которую противник ввиду стремительного продвижения наших частей не успел взорвать и к исходу дня танки достигли Яппия /8557/, откуда для установления связи с противником выдвинул передовой отряд в составе танковой роты полка, роты автоматчиков посаженной на танки и одной стрелковой роты. Обращение с противником было установлено в р-не Ютуселья, где передовой отряд был обстрелян из ПТО с дистанции 200-300 метров и автоматным огнем с рубежа лес зап. Юужа / 3656/. - Ютуселья. В течение дня 11.6.44 г. противник продолжал отходить вдоль Выборгского шоссе аррьергардные отряды прикрывали в составе 1-3-х стрелковых рот с 2-3 орудиями ПТО, отходя на подготовленный рубеж обороны: Талма-Киевалпа.

Используя выгодный естественный рубеж, где танки могли двигаться только вдоль шоссе и дороги ввиду заболоченности участка, противник на рубеже речной окраины Матрила / 9254/ останавливал продвижение наших частей, выставив противотанковые орудия таким образом, что танки продвигались вперед их не видя, а на повороте дороги, они расстреливали танки с короткой дистанции. Три танка вышедшие в атаку вдоль шоссе и дороги были ими подбиты / один из них сгорел/. При достижении танков, пехота не поддерживала их действия и от танков отстала ввиду чего экипаж подбитого танка В 707 попал в плен и расстрелян около танка, а противником с танка была снята радиостанция.

Танк артиллерия к этому времени была к указанному рубежу не подтянута.

После подтягивания артиллерии и дополнительной утяжки вопросов взаимодействия с пехотой, был дан 20 минутный арт. налет по противнику танки полка совместно с танками 152 Твр.

в атаку, стремительным броском огнем и гусеницами уничтожили огневые точки, обшла противника с занятого рубежа и после дозавтраки танков в боеспособности и горючим 12.5.44 г. вышли в Китеманли, где противник занимал подготовленный рубеж обороны, имея бронированные огневые точки, ДОТ и противотанковые гранаты - ные надолбы.

Остаток дня 12.5.44 г. артиллерия вела огонь на разрушение огневых точек, производилась укладка вопросов взаимодействия для атаки занятого противником рубежа.

В 8.00 - 12.5.44 г. полк получил распоряжение о переподчинении полка 108 СК, для чего полк совершил марш по маршруту Китеманли, Покера, Нахичевани, Яллыла и сосредоточился в лесу на сев. окраине Герасовки, имея боеисп. броне 11 танков Т-34, где произвел укладку вопросов взаимодействия с 46 СД, после чего по маршруту Тобанли, Дериозез, Денлилали сосредоточился в р-не н.с. 32.5 / 3042/ с задачей с 1238 САИ, 1/8 н.с. 6-я и выходом 40 ОСС совместно со 2 6-ном 314 СП обшла противника с плацдарма, занятого им на восточн. берегу р. Заммелун-Юкки в лесу 500 м. западнее Каскело /3040/, огнем обеспечить пехоте переправу через р. Заммелун-Юкки и захват ее западного берега. После наведения переправы форсировать реку и совместно с пехотой уничтожить противника в опорном пункте треугольного лесот /3038/. Дальнейшей форсировать реку вилку-ся и обеспечить пехоте выход на рубеж Яванала-Ватинала.

Противник на данном участке силами 10 СД оборонялся на заранее подготовленной долговременной позиции, усиленной ДОТ, ДОТ/ инженерными препятствиями и минными полями. Перехват края его обороны проходил по западному берегу Райволла-Юкки, Заммелун-Юкки.

В 9.15 - 14.5.44 г. полк совместно с 314 СП перешел в атаку, обшла противника с плацдарма, занятого им на восточном берегу р. Заммелун-Юкки вышел на ее восточный берег, огнем с места обеспечил 2 СВ 314 СП форсирование реки, который встретил поволочное заграждение и сильное ргнее сопротивление противника, давшее продвигаться не смог. Переправа для танков, которая должна была производиться саперами 46 СД в течение дня выдана не была, поэтому танки в течение всего дня имели возможность только вести огонь с места.

В 19.00 - 14.5.44 г. полк получил задачу сосредоточиться в Райвола, где от Командующего БТМС 31 Армии получил задачу пойти в р-н Кутерселля, где занять круговую оборону и быть в готовности к отражению контратак танков противника из направления Йокко, Мустомяки.

Противник в ночь на 15.5.44 г. пехотой и танками контратаковал нашу часте из направления Йокко и вышел на рубеж н.с. 98,6, сев. окраина Кутерселля. Часте занявшие оборону на данном рубеже не сумели организовать отражение контратак противника огнем, т.к. штаб 72 СД, потеряв управление отошел в направлении Райвола.

Танки полка при подходе к Кутерселля имелись обстановку атаковали противника и овладели н.с. 98,6 и заняли круговую оборону в указанном р-не, огнем обеспечить пехоте дальнейшее продвижение, при том танками подбита 3 самоходных орудия противника на шоссе танка Т-IV.

В 4.00 - 16.6.44 г. полк по взаимодействию с 602 ТД 809 СД атаковал противника в направлении Лейкола, к 7.00 - 16.6.44 г. овладел Лейколой и продолжал выполнять задачу к 16.00 - 16.6.44 г. вышел в р-н Канеллара, где через командира 600 СД получил задачу войти в подчинение 110 СК, по ходу того, что местонахождение штаба 110 СК полку не было известно и от штаба ВТМВ Армии место нахождения 110 СК было сообщено только в 16.00 - 17.6.44 г. связь со штабом 110 СК была установлена 21.00 - 17.6.44 г., где полк получил задачу сосредоточиться в р-не Ливанала /0813/, куда полк и сосредоточился к 14.30 - 16.6.44 г. по маршруту Канеллара, Уонкярра, Халлила, Антерола, Паруллила, Ливанала, где поступил в подчинение командира 235 СД и получил задачу с утра 19.6.44 г. наступать совместно с 400 ТД и 1429 ТАП, в направлении Лейкола, Тикколи, Канала, по ходу отсутствия переправы для танков через реку Твингалли-Полу и не принятых надлежащих мер со стороны командира 235 СД, несмотря на ряд мохх требований, названные переправы производились очень медленно и переправа для танков была готова только к 19.00 - 19.6.44 г. К этому времени полк получил боевое распоряжение Штаба ВТМВ 21 Армии о переправлении полка 97 СК, от командира которого получена задача сосредоточиться в Хулме и поступить в подчинение командира 272 СД, куда полк и сосредоточился в 3.00 - 20.6.44 г.

После сдачи запросов взаимодействия с 272 СД в 5.30 - 20.6.44 г. совместно с 1229 ТД начал наступление, овладел Ликколомми-Сийалеэ, 23.00 / 31.01/, где получил распоряжение от командира 97 СК войти в подчинение командира 1 КТБр. и совместно с полком в танковых бригадах выйти в город Выборг. При подходе к гор. Выборгу танки встретили минное поле, на котором полковник 4 танка "КВ" двигались вперед танков 1 КТБр танки полка в 30.00 - 20.6.44 г. ворвались в город Выборг. В 1.00 - 21.6.44 г. от командира 1 КТБр получили задачу совместно с танками бригады в 3.00 - 21.6.44 г. начать марш по маршруту Выборг, Кивоски, платф. Лимитта, мз. Халро, Таммело, мз. Тиккала сосредоточиться Тиккала, при подходе танков к мз. Халро, танки встретили сопротивление противника, один его, вышли на платф. Каретелли, увидя того, что же по дороге через Таммело, где в р-не цементного завода подорвалось два танка "20", обстановка которого было невозможно видеть забочечности участка, танкам было приказано двигаться через платф. Каретелли.

По прохождении платф. Каретелли на забочечном участке дорог для танка Т-34 1 КТБр и один танк "КВ" полка застряли в дальнейшем передвижение танков было невозможно, решением командира 1 КТБр танки полка были остановлены в засаде, в р-не платф. Каретелли и вышли из подчинения 1 КТБр.

В 8.00 - 21.6.44 г. часть 178 СД перешла в наступление и к 10.00 вышла на рубеж мз. 38,0 полка 200-300 м. юго-восточнее Мусталикки, но под действием сильного противотанкового арт. минометного огня отошла на рубеж мз. 38,0 - желтая дорога.

4 боевых танков полка наступление не вели из-за невозможности действия танков в условиях данной местности и подвергались действиям пехоты огнем с места из р-на платформ Каретелли.

При попытке продвижения танков вперед, согласно приказу командира 178 СД, для танка застряло в болоте в р-не 100 м. север. платф. Каретелли. Оставшийся боееспособный танк решением командира 97 СК был придан 152 тб. и выведен в р-н мз. Халро для отражения возможных контратак противника.

В 18.00 - 22.6.44 г. получил распоряжение о выводе полка в резерв фронта. Боецоспособным танком эвакуировался восточнее танки в р-не пл. Киретина и сосредоточился в лесу 1 км. восточн. пл. Киретина.

В ходе боевых действий полк противнику был нанесен значительный ущерб в живой силе и технике; в частности:

<u>УБЫТО:</u>	1. Самоходных орудий на базе танка Т-17 - 3 шт.
	2. Орудия ПТО - 12 шт.
	3. Танков - 6 шт.
	4. Пулеметов - 15 шт.
	5. Мот - 3 шт.
	6. Транспортных - 6 шт.
	7. Автомобилей - 2 шт.

Потерь в живую силу противника - 500 человек.

ВЫХОДНОЕ У ПРОТИВНИКА:

1. Орудия ПТО -	3 шт.
2. Самоходные орудия -	1 шт.
3. Долой -	10 шт.
4. Вспомогательных -	10 шт.
5. Мотостроительных -	1 шт.

IV. АНАЛИЗ ПОТЕРЬ:

За период боевых действий полк понес следующие потери:

а/ Потери:

Подбито арт. огнем 15 танков "КВ".
Сгорело от арт. огня - 3 танка "КВ".
Получилось на минных футах 11 танков "КВ".
Застреляно на заболоченных участках местности 6 танков.

Всего боевых потерь 26 танков "КВ".
Было на строя по техническим неисправностям 15 танков "КВ".

б/ В личном составе потерь:

Убиты:
Офицерского состава 6 человек.
Сержантского и рядового состава - 13 чел.

Ранено и эвакуировано в госпитали:

Офицерского состава - 8 чел.
Сержантского и рядового состава - 21 человек.

Пропавших без вести:

Офицерского состава - нет.
Сержантского и рядового состава - 1 чел.

Всего потерь - 70 человек.

Основные потери в части полка понес от артиллерийского огня противника и подорванными на минах.

От артиллерийского огня противника полк понес потерь главным образом в районах, где развертывание и продвижение танков, ввиду заболоченности местности было невозможно.

Большое число танков вышедших из строя по техническим неисправностям объясняется тем, что танкам приходилось действовать в условиях трудно-проходимой местности из-за их большинства вышли участки и валились на местности большого количества танков.

Кроме того полк в течение 12 дней переподчинялся 5-ти различным корпусам, вследствие чего танкам приходилось совершать марши на значительные расстояния. Систематические же осмотры танков экипажи проводить не имели возможности.

V. Эвакуация и восстановление материальной части.

В период боевых действий восстановления, подготовка и эвакуация в эвакуация производилась силами экипажей под руководством ПИЧ рот и ремонтным заводом полка, всего силами части за период с 10 по 23 июля 1944 г. отремонтировано 25 танков КВ. Эвакуировано 25 танков КВ. Для эвакуации танков использовались танки полка потерявшие боеспособность, но могущие двигаться.

Работа по восстановлению танков КВ сильно затруднилась из-за отсутствия запасных частей для танков КВ на армейских складах.

VI. Взаимодействие с пехотой и артиллерией.

За время боевых действий взаимодействие с пехотой и артиллерией подолжничалось по всем звеньям и в процессе выполнения задачи, при встречах организованного сопротивления противника, производилась дополнительная уценка вопросов взаимодействия.

Артиллерийский корректировки своей роли не сыграл, т.к. его танк на котором он двигался подорвался на минах на переднем крае и при дальнейшем выполнении задачи корректировки отсутствовал.

При отражении контратак противника в р-не Кутаровский, когда пехота и артиллерия отошли с занимаемого им рубежа, артиллерия действующая с 72 СД произвела несколько арт. выстрелов по расположенным танкам и в результате чего был подбит огнем один танк "КВ".

Командиры стрелковых подразделений не указали достаточного внимания обеспечению действия танков, примечая что является тот факт, что командиром 255 СД, несмотря на ряд требований со стороны полка не было принято достаточных мер к наведению переправы через р. Топтепая-Юна и переправа была готова только через 28 часов. Командиром 314 СД также не было организованно наведение переправы через реку Самаль-Юн-Юна и ничто не было сделано по обеспечению прохода танков через лес. Как правило, командиры стрелковых частей ставя задачу не учитывать технических возможностей использования танков, так начальником штаба 372 СД было пред"явлено требование о немедленном выдании танков в бой после их выхода на бой и совершения 40 километровой марши.

42

42

42

42

42

42

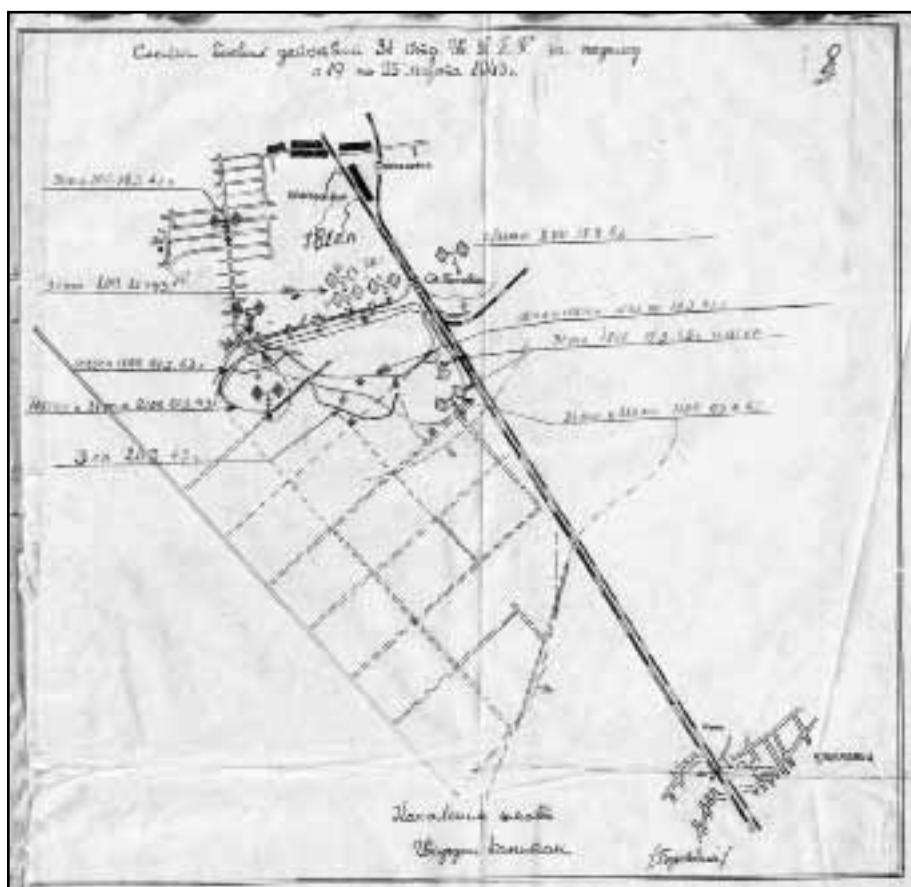
42

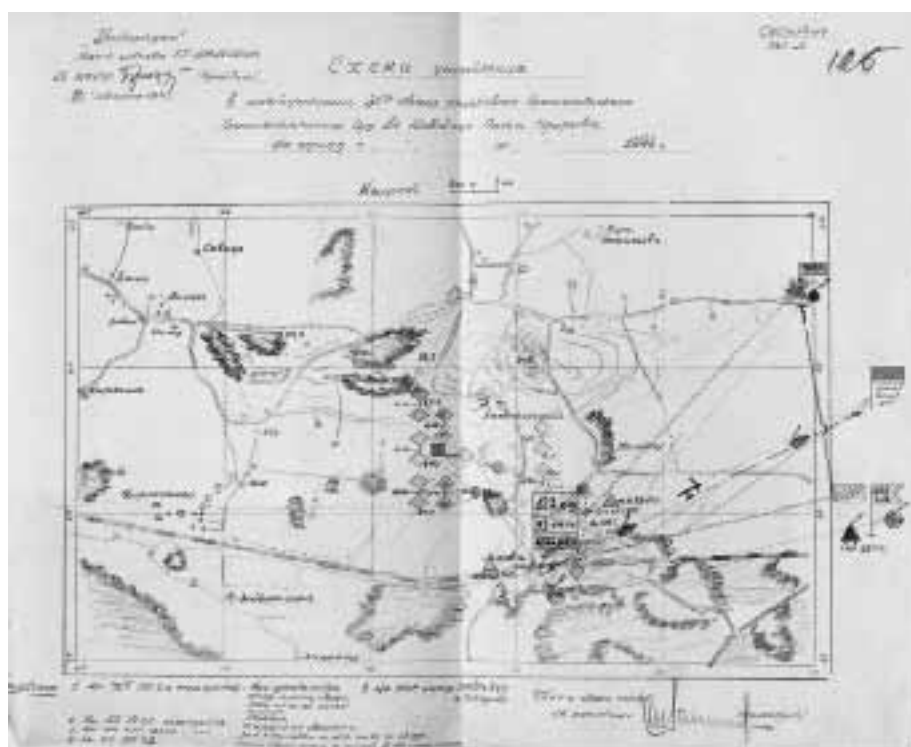
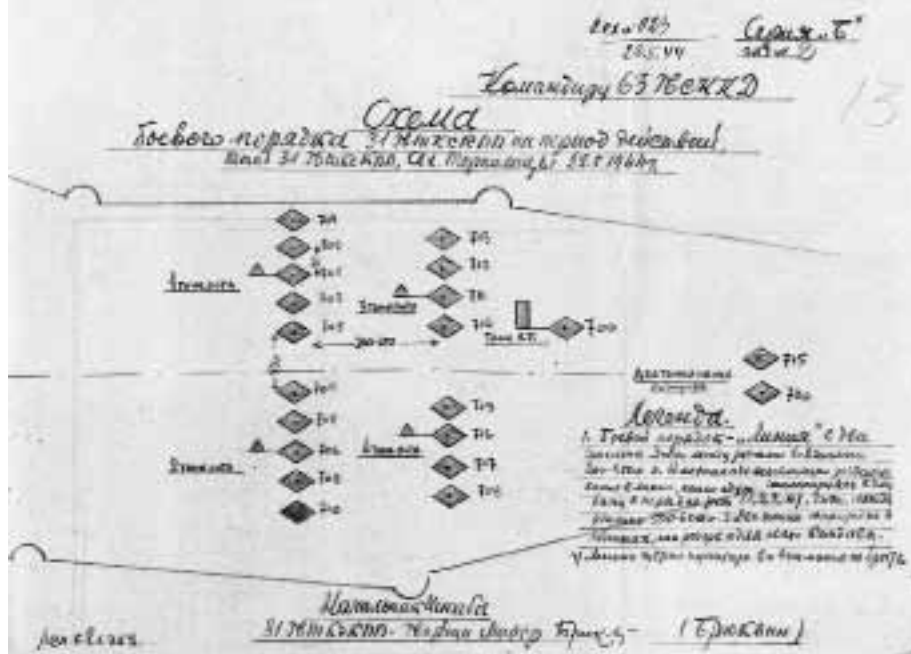
42

42

42

42

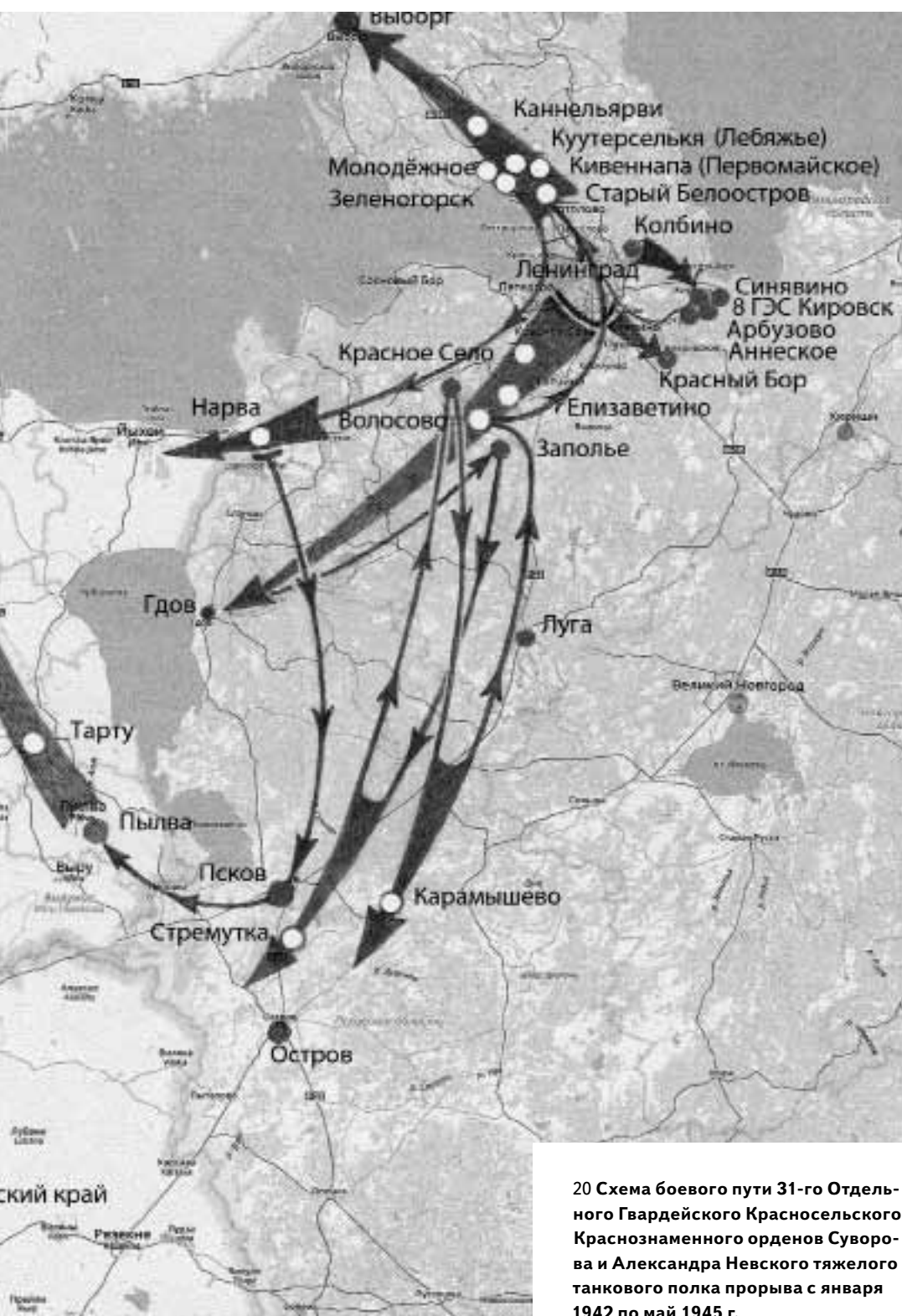
16 Схема боевых действий 31-го
ОГТПП на период Красноборской
операции. Март 1943 г.

18 Схема боевого порядка 31-го
ОГТПП. Совхоз Терпилицы. Май
1944 г.

17 Схема расположения подбитых танков на период Красноборской операции. Март 1943 г.

19 Схема управления в наступлении
31-го ОГТПП. Август 1944 г.

20 Схема боевого пути 31-го Отдельного Гвардейского Красносельского Краснознаменного орденов Суворова и Александра Невского тяжелого танкового полка прорыва с января 1942 по май 1945 г.

Н. П. КОЛБАСОВ
ВОЕВАЛИ МЫ ЧЕСТНО
ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ
1941–1945

Выборг, 2016

Издательство «Историко-культурный центр Карельского перешейка»
Главный редактор Баир Иринчиев

Редактор текста — Анна Успенская

Редактор, подбор фотографий, иллюстрация на обложке — Владимир Колбасов

Допечатная подготовка — Игорь Сергеев

Гарнитуры Mirta (Елена Новоселова, Студия Артемия Лебедева)
и Новая Букварная (Изабелла Чаева, ПараТайп).

Подписано в печать 12.10.2016
Формат 70·100/16. Объем 10,25 усл. печ. л. Бумага мелованная, печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 1610114

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
192027, г. Санкт-Петербург,
Лиговский пр., д. 201, лит. А, пом. 3Н, т. (812) 336-21-47
www.l-print.spb.ru

Добро пожаловать в Военный музей Карельского перешейка в Выборге
ул. Крепостная, 26

Наш телефон (10:00–19:00):
+ 7 (921) 984-17-84 (справки по работе музея),
+7 (921) 945-69-91 (экскурсии)

www.war-museum.ru